

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ  
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

**Б И Б Л И О Т Е К А  
РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА  
КАРЕЛИИ**

*Под общей редакцией*  
**А. АСТАХОВОЙ и В. БАЗАНОВА**



---

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР  
ПЕТРОЗАВОДСК**

**1948**

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ  
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

СЕКТОР ФОЛЬКЛОРА ИНСТИТУТА ЛИТЕРАТУРЫ  
АКАДЕМИИ НАУК СССР

# Б Ы Л И Н Ы ИВАНА ГЕРАСИМОВИЧА РЯБИНИНА-АНДРЕЕВА

*Подготовка текстов и примечания А. М. АСТАХОВОЙ*

*Статья А. АСТАХОВОЙ  
и В. Н. ВСЕВОЛОДСКОГО-ГЕРНГРОССА*



---

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО  
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР  
ПЕТРОЗАВОДСК  
1948

Отв. редактор *А. М. Астахова*  
Обложка, контртитул и титул работы художника *М. И. Разулевича*

---

Подписано к печати 8 марта 1948 г.  
9<sup>1</sup>/<sub>4</sub> печ. листов 8,5 уч.-падат. лист.  
Тираж 7000. Госиздат К-ФССР № 33.  
Зак. № 676. Формат бум. 82 × 108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>.  
Е—04867 Цена 5 руб.

---

Сортавальская книжная типография  
Управления полиграф. промышленности и издательств при Совете  
Министров К-ФССР, г. Сортавала,  
Карельская ул., дом № 32.



**Иван Герасимович Рябинин-Андреев**

*Портрет воспроизведен с портрета, писанного пастелью, принадлежащего собранию В. Н. Всеволодского-Гернгросса.*

## ОТ РЕДАКТОРА

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, былинам которого посвящен настоящий сборник, — третий представитель, по прямой нисходящей линии, прославленного рода заонежских сказителей Рябининых.

Былины он перенял непосредственно от своего отчима, известного певца былин 1890—1900-х гг. Ивана Трофимовича Рябинина; былинное знание последнего, в свою очередь, восходит к сказительскому искусству отца Ивана Трофимовича, знаменитого Трофима Григорьевича Рябинина, крупнейшего мастера былины 1860—1880-х гг. Непосредственная преемственность эпической традиции не прерывается и с Иваном Герасимовичем: свое знание, свое мастерство он передает одному из сыновей, современному нам сказителю-орденоносцу Петру Ивановичу Рябину-Андрееву.

Эта непрерывная преемственность былинной традиции в четырех поколениях одной семьи не только прослежена собирателями, но и зафиксирована ими в записях как текстов, так и напевов от всех четырех сказителей — факт исключительного значения в мировой фольклористике, поскольку им открывается возможность постановки и освещения важнейших вопросов, связанных с исследованием былинного эпоса. Этим определяется и большое значение настоящей публикации былин Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева.

Тексты деда Ивана Герасимовича — Трофима Рябинина — стали известны научному миру и обществу еще в 1860—1870-х гг. прошлого столетия. Его репертуар был дважды обследован двумя выдающимися собирателями-филологами — П. Н. Рыбниковым и

А. Ф. Гильфердингом. От обоих в совокупности мы имеем 44 записи, в которых представлены 28 былинных сюжетов. Из них — 14 имеются в записях обоих собирателей, деятельность которых разделена одна от другой промежутком в 10 лет; две былины известны не только в двух вариантах — 60-х и 70-х гг., но еще и в повторных записях, сделанных Гильфердингом в иной обстановке, спустя 5 месяцев после первых его записей (см. «Онежские былины», т. II, изд. 3, М.-Л., 1933, приложение, стр. 657). Тогда же, в 70-х гг. были записаны и два напева Т. Г. Рябинина, один из них — знаменитым композитором М. П. Мусоргским. Таким образом, для изучения былинного творчества старшего Рябинина мы имеем большой материал, хотя возможно, что он все же и не исчерпал всего былинного знания Т. Г. Рябинина.

Значительно хуже обстоит дело с наследием второго Рябинина. Как сказитель он был даже более известен за пределами Заонежья, чем его отец, благодаря неоднократным его выступлениям в обеих столицах и других городах России и, особенно, благодаря его путешествию за границу — в южнославянские страны и Австро-Венгрию. Однако из всего обширного, но свидетельству Евг. Ляцкого, репертуара его<sup>1</sup> до нас дошли в записях только лишь шесть текстов былин и исторических песен и один текст духовного стиха. Опубликованы также четыре музыкальных текста, представляющие образцы двух былинных напевов, и один напев духовного стиха — частью уже в фонографических записях Ю. И. Блока и в расшифровках А. С. Аренского.

Материал этот явно недостаточен для решения всех вопросов, которые встают при изучении двух преемственно связанных друг с другом сказителей. Однако он все же позволяет с достаточной отчетливостью представить общие черты второго Рябинина как носителя эпического художественного наследия.

Четвертое звено в рябининской традиции — былины Петра Ивановича Рябинина-Андреева — благодаря работе современных собирателей открыто научному исследованию во всем его объеме. В 1940 г. Научно-исследовательский институт культуры Карело-Финской ССР опубликовал все былины Петра Ивановича в их последних редакциях.<sup>2</sup> В том же сборнике помещены и новые эпические произведения Рябинина-Андреева, которые свидетельствуют о живой связи нового творчества наших сказителей с традиционным былин-

1 См. Е в г. Л я ц к и й. «Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины», М., 1895 (извлечение из журнала «Этнографическое обозрение», вып. 4, кн. XXIII, 1894), стр. 30—31.

2 Былины П. И. Рябинина-Андреева. Подготовка текстов к печати, статьи и примечания В. Базанова. Под редакцией А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1940.

ным эпосом. От П. И. Рябинина-Андреева записаны также сказки и песни; они хранятся в архиве фольклорной секции Института истории, языка и литературы Карело-Финской базы Академии наук СССР. Произведено большое количество фонозаписей, часть которых будет опубликована в подготовленном сектором фольклора Института литературы Академии наук СССР томе II «Былин Севера», вместе с более ранними записями былинных текстов Петра Рябинина.

Былины П. И. Рябинина-Андреева, восходящие в своих редакциях к текстам знаменитого прадеда, дают большой новый материал для характеристики рябининской традиции в целом и индивидуальных особенностей ее представителей.

Отсутствие третьего звена, связывающего двух старших Рябининых с современными их преемниками, затрудняло исследование одной из самых замечательных традиций в былинном сказительстве. Пробел этот в известной степени заполняется сейчас изданием настоящего сборника, включающего 9 былин Ивана Герасимовича, 8 небольших фрагментов — расшифровки фонографических записей былинных отрывков — и 6 музыкальных текстов, дающих образцы трех былинных напевов сказителя.

Больше восьми лет, непосредственно перед империалистической войной 1914—1917 гг., работал Иван Герасимович под Петербургом на Колпинском заводе. А между тем, никто в Петербурге не знал о нем, никто не интересовался потомком и преемником известного сказителя 1900-х гг., хотя имя Ивана Герасимовича еще в 1894 г. было упомянуто в литературе как очевидного, бесспорного продолжателя знаменитой традиции.<sup>1</sup>

Вспомнили о нем уже в советское время. В 1921 г., по инициативе известного театроведа и сотрудника Института живого слова В. Н. Всеволодского-Гернгросса, Иван Герасимович был вызван в Петроград, где было устроено несколько его выступлений. Сам В. Н. Всеволодский-Гернгросс провел со сказителем много часов, прослушивая и записывая от него былины. Тогда же целый ряд былинных отрывков был записан на фонограф С. И. Бернштейном. Эти фонографические записи впоследствии были переданы в фонотеку Института истории искусств, а затем вместе с другими музыкальными собраниями перешли в Фонограммархив Фольклорной комиссии при Институте этнографии Академии наук СССР — ныне сектора фольклора народов СССР Института литературы Академии наук, где они полностью и сохранены. Менее посчастливилось текстовым записям. По несчастной случайности из них сохранились в руках собирателя лишь семь былин, записанных полностью, и две

<sup>1</sup> См. Е. Г. Ляцкий. «Сказитель И. Т. Рябинин и его былины». М., 1895 стр. 9, а также вступительную статью в настоящем сборнике, стр. 24.

былины, в которых нехватает отдельных частей. Материал этот передан был в 1931 г. собирателем в Рукописное хранилище названной Фольклорной комиссии Академии наук СССР.

В 1926 г., когда явилась возможность организации специальных фольклорных экспедиций, отряд словесной группы искусствоведческой комплексной экспедиции Государственного института истории искусств, в лице С. И. Бернштейна и Т. И. Поповой, приехал в деревню Гарницы Заонежского района, где, как было известно, проживал последние годы Иван Герасимович. Но сказителя уже не оказалось в живых. Он умер в ночь на 27 февраля того же года. Тогда-то, в 1926 г., и был обнаружен впервые ленинградскими фольклористами молодой преемник его мастерства, его сын — Петр Иванович Рябинин-Андреев.

Таким образом, мы публикуем в сборнике только некоторую часть репертуара Ивана Герасимовича. Среди этих былин лишь одна имеет варианты у трех остальных Рябининых. Одна былина разрабатывает сюжет, зафиксированный в записях от Трофима Рябинина и от самого младшего — Петра Ивановича. Другие повторяют сюжеты, записанные только от Трофима Григорьевича. Это, конечно, в известной мере затрудняет сравнительное изучение былинного наследия семьи Рябининых, так как мы не владеем всей полнотой материала. Однако публикуемые записи дают все же очень значительный для сопоставлений материал и проливают свет на многие вопросы, связанные с проблемой былинного сказительства. Также большое значение в деле исследования былинных напевов несомненно будут иметь публикуемые нами в сборнике музыкальные тексты.

Записывая тексты, В. Н. Всеволодский-Гернгросс обратил особое внимание на взаимную связь стиха и напева и отметил при каждом стихе, на какую часть напева он был исполнен; это позволило нам часть словесных текстов дать в их строфической форме, определяемой при исполнении особым применением напева. До сих пор образцы такого строфического построения прионежских былин были даны только в называвшейся работе Евг. Ляцкого «Сказитель И. Т. Рябинин и его былины».

В дополнение к записям В. Н. Всеволодского-Гернгросса мы даем в приложении, также в строфической форме, несколько текстовых фрагментов из числа записанных на фонограф С. И. Бернштейном. Расшифровки произведены составителем данного сборника.

В музыкальных образцах представлены все три записанных от Ивана Герасимовича напева. Один из них, на который сказитель



исполнял большинство былин, знаменитый рябининский напев, известный в записях и от всех остальных Рябининых, представлен нами в четырех вариантах, дающих понятие о степени и характере вариативности данного напева. Все помещенные в сборник расшифровки фонограмм напевов произведены композитором Ф. А. Рубцовым и проредактированы Е. В. Гиппчусом.

Портреты сказителя воспроизведены с оригиналов — портрета, писанного пастелью, и фотоснимка, которые также принадлежат собранию В. Н. Всеволодского-Гернгросса, находящемуся в Рукописном хранилище сектора фольклора Института литературы Академии наук СССР (коллекция XI).

---

## ИВАН ГЕРАСИМОВИЧ РЯБЕНИН-АНДРЕЕВ И ПРИОНЕЖСКАЯ БЫЛИННАЯ ТРАДИЦИЯ

### I

Прионежскому краю в изучении русского эпоса принадлежит совершенно исключительное место. Отсюда еще в 60—70-х гг. прошлого столетия вышли крупнейшие былинные собрания, которые не только превосходили по количеству записей более ранние — Кирши Данилова и П. В. Киреевского, — но и впервые, вместе с самими текстами, дали большой материал наблюдений над жизнью былины и над ее носителями. Это тем более было важно, что собиратели застали здесь эпическое творчество в достаточно цветущем состоянии и могли наблюдать живые процессы полнокровной фольклорной жизни.

Пример Н. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, показавших, какими богатствами в области русской эпической поэзии располагает край, увлек и целый ряд других собирателей. Местные учителя и другие работники края, а также приезжающие из центра этнографы производили здесь то эпизодические, то более планомерные записи, вплоть до новых больших экспедиционных работ уже в советское время.<sup>1</sup>

В результате почти половина всех имеющихся записей былины из числа как опубликованных, так и хранящихся в архивах, относится именно к Прионежскому краю и прилегающим к нему

<sup>1</sup> См. перечисление этих экспедиционных работ в книге А. М. Астахова «Былины Севера», т. I, М.-Л., 1938, стр. 1—3 и 9—10. Там же указана и литература.

районам. Более половины всех былинных сюжетов, зарегистрированных в северной эпической традиции, принадлежит записям из Прионежья. Многие из этих записей отличаются замечательными художественными качествами и представляют, по видимому, старейшие редакции сюжетов.

Из всего Прионежья еще во времена Рыбникова и Гильфердинга особенно выделились Кижы, небольшая волость, расположенная к югу от Шуньгского полуострова и недалеко от Петрозаводска. П. Н. Рыбников в своей «Заметке собирателя» подчеркивает широкое распространение былинного знания именно в Кижях. Он говорит, что сказитель Рябинин, чрезвычайно популярный в соседних волостях, у себя дома, т. е. в Кижях, не встретил такого внимания, «потому что в Кижской волости Заонежья почти каждый смысленный старик знает или, по крайней мере, по содержанию помнит одну-две старины».<sup>1</sup>

Гильфердинг записал от 15 кижских сказителей 97 текстов — лишь немного менее трети всего своего собрания. В Кижях, всего в нескольких небольших деревнях, записано в XIX—XX вв. 56 сюжетов — количество, которое было превзойдено лишь Зимней Золотицей на Белом море.<sup>2</sup>

Когда в 20—30-е гг. нашего века в Прионежский край были снова направлены фольклорные экспедиции, в Кижях былинная традиция оказалась еще достаточно интенсивной. Здесь встретилось довольно много сказителей, значительно больше, чем на соседнем Шуньгском полуострове, среди них — несколько сказителей-мастеров, хороших исполнителей с большим репертуаром: Настасья Степановна Богданова (10 былин), Антон Борисович Суриков (14 былин), Петр Иванович Рябинин-Андреев (10 былин); записано довольно большое количество текстов, многие из которых определенно восходят к записям 60—70-х гг. В настоящее время в пределах Карело-Финской ССР бывш. Кижская волость вместе с восточной частью Прионежья — Пудожьем — должны считаться наиболее значительными былинными гнездами с живой эпической традицией, в которой не прекращаются творческие процессы. Достаточно указать на то, что в Кижях, как и в Пудожье, не только сохраняется и бытует старая былина, но на ее основе создается новый, советский эпос, выросший на ее основе.

1 Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. 2-е изд., т. I, М., 1909, стр. LXXVIII.

2 Это исключительное богатство сюжетов в Зимней Золотнице обусловлено тем, что здесь в большей степени, чем в Прионежье, наблюдался позднейший процесс — оформление в былинны сказок, песен и повестей. Традиционных же сюжетов в Кижях записано больше.

Кижи — родина сказителей Рябининых. Здесь, сперва в деревне Гарницы, потом в Серёдке протекла долгая жизнь старшего из них — Трофима Григорьевича. Крестьянствовал всю жизнь в Гарницах Иван Трофимович; он всегда горячо рвался обратно в родной угол, когда несколько затягивалось его пребывание в Петербурге и других местах, куда его вызывали для выступлений. Сюда же в Гарницы возвращается после ряда лет, проведенных им на Колпинском заводе и затем на военной службе во время войны 1914—1918 гг., Иван Герасимович Рябинин-Андреев, воспринявший от своего отчима Ивана Трофимовича искусство былиного сказительства. Жил до 1941 г. в тех же родных Гарницах в доме своего деда — современный нам потомок славного рода — Петр Иванович Рябинин-Андреев. В его семье бережно хранятся семейные реликвии — вещи, связанные с поездками Ивана Трофимовича, с его выступлениями в Петербурге, Москве и за границей (паспорт, грамоты, подарки и пр.), а также некоторые принадлежавшие ему предметы домашнего обихода.

С Прионежьем крепко связано эпическое знание и искусство Рябининых. Главными учителями Трофима Рябинина были крупнейшие местные мастера былины первой половины XIX в. — Илья Елустафьев, крестьянин-бедняк с Волкоострова (недалеко от Киж), и дядя Трофима Григорьевича — Игнатий Иванович Андреев Гарниц. Несколько былин перенял он и от других кижских сказителей. Былины Рябининых принадлежат всецело прионежской эпической традиции, являясь одним из наиболее ярких выражений ее особенностей.

## II

Высокое мастерство Трофима Рябинина, выделявшее его среди других сказителей Прионежья, было отмечено обоими собирателями, с ним работавшими. Рыбников рассказывает, как не раз во время записи он бросал перо, жадно вслушиваясь в повествование. «И где Рябинин научился такой мастерской дикции, — восклицает собиратель, — каждый предмет у него выступал в настоящем свете, каждое слово получало свое значение!» «Удивительное умение сказывать придавало особенное значение каждому стиху».<sup>1</sup>

Таким же артистом-исполнителем был и его сын Иван Трофимович. Евг. Ляцкий вспоминает о том большом впечатлении, которое этот сказитель неизменно производил своим исполнением былин. «Его задушевный, несколько сдавленный, но мягкий и высокий тенорок раздавался в зале, сразу очаровывая слушателей

<sup>1</sup> Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, 2-е изд. т. I, стр. LXXVI.



Иван Герасимович Рябинин-Андреев

*Портрет воспроизведен с фотоснимка, принадлежащего собранию В. Н. Всеволодского-Гернгросса.*

оригинальностью и красотой напева».<sup>1</sup> И. Т. Рябинин все былины исполнял на один напев, исключая былину о Вольге и Микуле, которая пелась на особый мотив. Но «благодаря разнообразию темпа и множеству оттенков, часто неуловимых, то неподдельной, искренней иронии, как в былине о Вольге и Микуле, то величавого спокойствия, которое так отличает истинного эпического повествователя», сказитель сообщал каждой исполняемой им былине свой особый отпечаток, «свою физиогномию».<sup>2</sup> «Эти оттенки в высшей степени разнообразят монотонность напева и вместе с тем увлекают слушателя за нитью рассказа», — говорит собиратель. «Сказывалось по интонации, что певец чутко отзывался на каждое слово песни и невольно придавал каждому слову особый, лучше сказать — музыкальный смысл».<sup>3</sup>

Но не только исполнение былин старшими Рябининными было прекрасно. Сами тексты, от них записанные, несут печать большого творческого дарования.

В репертуаре Трофима Рябинина мы видим как выдающиеся сюжеты героического цикла, так и несколько из наиболее значительных новеллистических былин. Собиратели не оставили нам указаний о том, какие былины предпочитал сам сказитель. Но и характер разработки былин того и другого типа и самый состав материала говорят о несомненно большем тяготении старшего Рябинина к героическим мотивам нашего эпоса. За исключением великолепных обработок сюжетов о Дюке, о Добрыне и Алеше и о Хотене, остальные былины новеллистического жанра у него значительно менее отделаны, а некоторые, как «Садко», «Василий Буслаев», «Потык», «Сорок калик», записаны от него лишь в отрывках или в сильно сокращенных вариантах. Отдельные записи этих былин собиратели сопровождают примечаниями о том, что конец или пропущенный эпизод сказитель не мог сообщить, не помнит («Садко», «Василий Буслаев», «Сорок калик» — у Рыбникова, «Сорок калик» — у Гильфердинга). Что данные былины им мало или даже, быть может, и вовсе не исполнялись как раз в годы его врелого мастерства, подтверждает и то обстоятельство, что они не сохранились в репертуаре его сына. Об этом свидетельствует список былин Ивана Трофимовича, составленный Евг. Ляцким.<sup>4</sup> Зато лучшие былины героического цикла — «Илья и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Калин-царь», «Добрыня и Змей», а также при-  
мыкающая к татарскому циклу былина «Королевици из Крякова»,

<sup>1</sup> Е в г. Ляц к и й. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины. М., 1895, стр. 13.

<sup>2</sup> Там же, стр. 28.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же. стр. 30—31.

былина переходного типа «Дунай», в которой элементы военной героики очень сильны, знаменитая былина «Вольга и Микула», воспевающая героику труда,—прошли через все поколения сказителей Рябининых и до сих пор исполняются современным представителем рябининской традиции.

Героические мотивы в былинах Т. Г. Рябинина всегда особо акцентируются. Его редакция быliny «Королевичи из Крякова», например, резко выделяется среди всех других вариантов на этот сюжет. Идея защиты родины, блестяще развернутая батальная картина — изображение поединка — вводят ее в основной героический цикл. Характерно также, что лучшие новеллы Рябининских принадлежат киевскому циклу, даже «Хотена» Трофим Рябинин вводит в этот цикл, относя начальный эпизод быliny к пиру у князя Владимира: следовательно, действие в этих новеллах связано с теми же, привычными по героическим былинам, богатырскими образами. Кроме того, в этих былинах новеллистического типа тоже заметно выдвинут героический элемент. Хотен, например, наделен типичными для богатыря-воина чертами («Он одной ручкой паличку подхватывает,— не велика его паличка булатная, весу она и девятьсто пуд» и т. п.); преодоление Дюком застав, состязание конями — мотивы, родственные героическому эпосу.

В этом отношении необходимо также отметить контаминацию новеллистического сюжета о неудачной женитьбе Алеши Поповича с рассказом о подвигах Добрыни, участвующего в посольстве к королю Ботияну и вместе со своими товарищами освобождающего Киев от «даней-выплат» («Добрыня и Василий Казимиров», Гильфердинг, № 80).

В том же плане интересно и наличие в репертуаре Т. Г. Рябинина редкой исторической песни о Скопине (не сюжет об отравлении Скопина, а песня об освобождении Москвы от Литвы, Гильфердинг, № 88). В этой песне действие развернуто совершенно в духе героической быliny на сюжет нападения на русский город вражеских полчищ.

С другой стороны, обращают на себя внимание две быliny-баллады, записанные от Трофима Рябинина,—«Молодец и худая жена» и «Горе». Обе совершенно не связаны с героическим циклом и очень богаты чисто реалистическими, бытовыми деталями. Первая из них тоже прочно удержалась в репертуаре всех четырех Рябининских. Реалистические тенденции сильны и в других былинах Трофима Григорьевича. В этом отношении интересен вариант «Потыка» в записи Рыбникова (№ 12). Былина не принадлежала у скажигеля к числу любимых им сюжетов. Собиратели оставили нам три варианта ее, представляющие: 1) отрывок — начало (Рыб-

ников, № 11); 2) краткий вариант первой части былины (женитьба Потяка), данной как законченный сюжет (Гильфердинг, № 82, всего 57 стихов); 3) тоже краткий вариант (187 стихов), но всей былины, хотя и с пропуском истории захоронения Марьи Лебедь белой и Потяка (Рыбников, № 12). При этом указанный пропуск в последнем варианте был замечен самим сказителем и после того, как он пропел собирателю старину, он пытается отдельными вставными отрывками заполнить пропуск.<sup>1</sup> Несмотря на этот пропуск, былина не потеряла ясности в развитии сюжетной линии, но на первый план здесь выдвинута не сказочная история захоронения живого Потяка с его умершей женой, а вторая часть былины — измена жены Потяка. Интересен тот переход, который делает Рябинин от эпизода женитьбы к рассказу об измене жены, расправе с ней Потяка и его вторичной женитьбе. Он вводит в былинный новый эпизод, заимствованный им из песен об освобождении девушки из стана разбойников или из плена. Жена Потяка, узнав о том, что Потык освободил девушку и привез ее в Киев, укоряет его в измене. Потык тогда уходит «на царев кабак» и начинает «ушиваться в зеленое вино», в это время приезжает царский сын Федор Иванович и сманивает Марью Лебедь белую в замужество. Так, в чисто реалистическом, бытовом и психологическом плане мотивируется измена жены Потяка.

Хотя данная былина и не сохранилась у потомков Трофима Рябинина, мы сочли нужным остановиться на ней, так как этот случай выделяет две характерных тенденции в творчестве старшего Рябинина, которые он, вместе с увлечением героикой и идеальными образами богатырства, передал преемникам своего мастерства: 1) стремление к четкой мотивировке всех эпизодов, которая обуславливает логическую ясность композиционного развития и 2) несомненную склонность к реалистическим деталям.

Вторая особенность сочетается у Рябинина с большим интересом к социальным мотивам.

Социальные тенденции нашего эпоса получают иногда в некоторых районах распространения былины свою особую форму выражения, которая и характеризует местную традицию. Бывает и наоборот: известные мотивы и образы широко распространены и не могут считаться спецификой какого-либо одного района. Так, мотив противопоставления богатырства как выражения народной мощи — социальной верхушке, князю и его приближенным характерен для всего эпоса в целом. Мотив этот с особой силой воплощен в былинах героического цикла, главным образом в известной ситуа-

1 См. «Песни, собранные П. Н. Рыбниковым». Изд. 2-е, т. I, стр. 85—86.



ции: враг подступает к городу, грозя неисчислимыми бедствиями, князь Владимир и его «князья-бояре» застигнуты врасплох, дрожат от страха, не зная, что предпринять, и только герой-богатырь спасает положение. Чтобы усилить конечный эффект и еще более оттенить подвиг богатыря, часто вводится эпизод ссоры князя с богатырями. Князь Владимир потому-то и оказывается в таком жалком положении, что лучший его богатырь подвергнут им несправедливому заточению или оскорблен как-нибудь иначе, а остальные богатыри вследствие этого уезжают из Киева. Но оскорбленный князем богатырь, забывая свою личную обиду, откликается на призыв князя о помощи, собирает своих товарищей и отводит невагоду от народа, спасает Родину.

В таком именно виде указанный мотив встречается в былинах разных районов, и в отношении Прионежья можно говорить только об особой четкости, яркости выражения и планомерном проведении его. Так, как раз именно в прионежских и примыкающих к ним кенозерских вариантах особенно подчеркивается, что Илья Муромец идет на врага не ради князя Владимира и княгини Апраксии, а «ради матушки свято-Русь земли» (Гильфердинг, № 57), «за вдов, за сирот, за бедных людей» (Гильфердинг, № 257).

Былина Трофима Рябинина «Илья Муромец и Калин-царь» разворачивает отмеченную сюжетную ситуацию и отличается большой четкостью социальных тенденций. Особенно выразительно передан в ней основной социальный конфликт. На призыв Ильи Муромца ехать против врага богатыри отвечают отказом—так мотивируя этот последний:

Да не будем мы беречь князя Владимира  
Да еще с Опраксой королевичной:  
У него ведь есте много да князей-бояр,  
Кормит их и поит да и жалует,  
Ничего нам нет от князя от Владимира.

(Гильфердинг, № 75)

Но если самый мотив противопоставления богатырей князю и его «князьям-боярам» встречается повсеместно и не является исключительной принадлежностью прионежской традиции, то ей принадлежит особый тип обработки в самостоятельную былинную эпизода ссоры: Илья Муромец бушует, стреляет по церкви и теремам, сбивая волоченые маковки, ватем сзывает голей, которых и угощает в кабаке или на площади; князь вынужден отправить крестового брата Ильи—Добрыню с просьбой сменить гнев на милость и пожаловать к князю на пир. Нам известно всего лишь

несколько вариантов этой замечательной былины. Один из них принадлежит Трофиму Рябинину.

Социальная сатира в изображении князя и его придворных входит как органический момент и в былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Приехавший впервые к княжескому двору богатырь встречает недоверие и насмешки, когда сообщает о совершенном им подвиге. Тем сильнее эффект конечного апофеоза этого богатыря: при свисте Соловья все бояре падают замертво или расползаются на карачках, сам князь Владимир в испуге прячется или тоже теряет сознание, и лишь один Илья Муромец остается стоять, сохраняя присутствие духа. Эти мотивы опять-таки широко распространены, наблюдаются в различных вариантах данной былины. Но прионежские сказители с особой тщательностью разрабатывают юмористическую сцену конца. Вариант Рябининых следует общей тенденции нашего эпоса, но еще более усиливает впечатление, подчеркивая первоначально презрительное отношение князя Владимира к приехавшему «мужику деревенщине». Для прионежской традиции характерно здесь то, что презрительная кличка вложена в уста именно князя, а не только «князей-бояр», как это мы видим в былинах из других районов (см., например, Марков, № 68). Это связано с общей особенно сильно выраженной тенденцией прионежской традиции к сатирическому изображению князя Владимира.

Эта характерная черта эпического творчества Прионежья наиболее ясно видна при сопоставлении прионежских обработок некоторых повеллистических сюжетов с вариантами на те же сюжеты из других районов. Резко выделена она в прионежских былинах о Ставре, о Дюке, о Добрыне и Алеше. Особенно показательна в этом отношении последняя былина. Социальную окраску придает ей не только отрицательное изображение Алеши Поповича с традиционным подчеркиванием его происхождения (поповский сын), но и неблагоприятная роль князя Владимира. Последний изображен в былине как сводник, за спиной у своего богатыря устраивающий свадьбу его жены со своим любимцем Алешей Поповичем. Эта роль князя Владимира органически с былиной не связана, для ее композиции вовсе не обязательна, что ясно из целого ряда вариантов северо-восточной группы (Мезень, Печора), где данный мотив отсутствует.

В Прионежье же он тщательно разработан. Есть варианты, в которых участие в интриге князя Владимира мотивируется родством с ним Алешей Поповича (последний оказывается племянником князя). В одном из вариантов князь Владимир является даже, вместо Алеши, в роли обманщика, привозящего лживую весть о

гибели Добрыни. Его сватовство рисуется как прямое насилие: он угрожает Настасье выслать ее вон из города или превратить в свою батрачку («возьму в портомойницы», «возьму еще в коровницы» и т. д.). Он принимает даже особые меры на случай возможного возвращения Добрыни, чтобы не пустить его на свадебный пир и т. д. Неблаговидность действий князя Владимира ярко вскрывается в развязке, когда Добрыня обращается с резким укором к князю: он «от живого мужа жёну сосватал». Изображение самого князя в данный момент подчеркивает справедливость укора («Тут Владимиру к стыду пришло», «Он повесил буйну голову» и т. п.). Некоторые варианты включают еще рассказ о подвигах, совершенных Добрыней во время отлучки из дому. Это выставляет князя Владимира в еще более отрицательном свете.

К последним вариантам примыкает и былина Трофима Григорьевича Рябинина. Благодаря указанной уже контаминации этой повеллы с сюжетом о Василии Казимировиче, «глупости» князя Владимира, как он сам определяет свой поступок (см. Гильфердинг, № 80, стихи 1008—1009), противопоставляются важные заслуги Добрыни перед Родиной. Последняя сцена «посрамления князя» развернута в духе прионежских обработок.

Также в полном соответствии с местной трактовкой сюжета разработана у него и повелла о Дюке. Смысл изображенного состязания Дюка и Чурилы не в личном столкновении этих двух богатырей, как это мы видим в печорских вариантах, а в противопоставлении героя быliny Дюка князю Владимиру и его приближенным. Характерна та презрительная кличка, которую придворный богатырь Чурила бросает Дюку: «Холопина дворянская». Эта «холопина» выигрывает во всех состязаниях, и для описи его богатств на один только перья и бумагу нехватает всей золотой казны Киева.

Говоря о социальном содержании прионежских былин, об идейном смысле их образов, следует еще остановиться на былинах о Вольге и Микуле. В центре этой быliny — образ могучего богатыря пахаря, который трудолюбиво осваивает под пашню огромные земельные пространства. В былинах опоэтизирован крестьянский земледельческий труд, воспета народная мощь; крестьянин противопоставлен здесь князю и его дружине, у которых нехватает силы для поднятия из земли его сошки. Эта прекрасная, полная глубокого смысла былина составляет исключительную принадлежность прионежской эпической традиции.<sup>1</sup>

<sup>1</sup> В последние годы былина была записана в Зимней Золотце на Белом море от М. С. Крюковой. Но источник ее варианта — не местная устная традиция, а книга, из которой сказительница узнала былину в одной из прионежских редакций.

Рябининская редакция принадлежит к числу лучших, как раз тех, которые выдвигают на первый план образ пахаря в картине встречи его с Вольгой.

П. Н. Рыбников рисует Трофима Рябинина, как человека, обладающего большой выдержкой, внутренне сильного и независимого, наделенного сознанием собственного достоинства. Хорошо известен рассказ собирателя о том спокойном, но решительном отпоре, который был дан Рябининым зарвавшемуся чиновнику, когда тот бросился на него с поднятыми кулаками: «Трофим Григорьевич отстранил его руки прочь от себя и заметил суровым голосом: «Ты, ваше благородие, это оставь: я по этим делам никому еще должок не оставался».<sup>1</sup> Этот не раз приводившийся в литературе яркий эпизод дореволюционного прошлого характерен не для одного только Т. Г. Рябинина. Чувство собственного достоинства, независимость — черты, которые были присущи многим северным крестьянам, в частности прионежанам. В этих чертах находим объяснение особому выделению таких социальных моментов в нашем эпосе, как противопоставление крестьянина-богатыря Микулы кнзю и его дружине, подчеркивание крепкой связи Микулы с остальной массой крестьянства, культивирование образа сильного и независимого Ильи Муромца и т. п.

Со стороны художественной структуры прионежские былины отличаются прежде всего особенно четкими, стройными, композиционно выдержанными формами. В записях XIX и начала XX вв. преобладают простые, неконтаминированные композиции.<sup>2</sup> Это заметно отличает прионежскую группу от северо-восточной, главным образом от мезенских и отчасти вимневолотических былин, где еще в записях 1900-х гг. наблюдаем целый ряд случаев довольно сложных и разнообразных контаминаций. Так например, контаминированных вариантов былины-новеллы «Добрыня и Алеша» в одних григорьевских записях на Мезени 27%, в прионежских же записях у Рыбникова и Гиллфердинга — всего 15%; сюжет «Илья Муромец и Идолище» в вариантах Пинеги, Мезени, Печоры и Зимнего берега почти всегда дается в сложном контаминированном виде, в Прионежье в большинстве вариантов облечен в самостоятельную песню.

Существующие же в Прионежье контаминации обычно носят характер определенной устойчивой традиции и не столь многооб-

1 Песня, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е, т. I, М., 1909, стр. LXXIX.

2 Заметное усиление процесса контаминирования, а также и образования больших сводных былин-поэм наблюдаем уже в былинном творчестве прионежан в 20–30-е годы XX в. в связи с ростом более свободного отношения к традиционным текстам. См., например, книгу Г. Н. Парильовой и А. Д. Соимова «Былины Пудожского края». Петрозаводск, 1941.

разны, как в северо-восточной группе. Так, сюжет «Добрыня и Змей» объединяется только с сюжетом женитьбы Добрыни на Настасье Никуличне. Самые сложные из всех героических былин в Прионежье—былины о Калине-царе—включают часто, как мы видели, эпизод ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром. Но он обычно не разворачивается в подробный рассказ о ссоре, а служит лишь отправным пунктом, завязкой для центрального сюжета.

Вместе с тем, при чрезвычайно четкой и ясной композиции, былины Прионежья отличаются в большинстве вариантов исключительным богатством образов, художественной разработкой описательной части. При этом некоторые мотивы оказываются опять-таки традиционными в Прионежье, если не для всех, то для многих былин; эти мотивы и представляют те особенные черты, которые отличают прионежские редакции от других. Так, только в прионежских вариантах былины о Дюке (хотя и не во всех) начальная часть былины включает мотив «трех застав», через которые должен проехать и благополучно проезжает герой. Известная жалоба Добрыни на свою участь, на то, что ему приходится «слезить матерей, вдовить молодых жен, сиротать малых детушек»—почти неотъемлемая принадлежность прионежских вариантов, в северо-восточной группе встречается лишь эпизодически. В некоторых прионежских редакциях этой же былины находим также художественный мотив голубей-вестников, через которых Добрыня узнает о предстоящей свадьбе своей жены с Алешей Поповичем. Мотив этот неизвестен эпическим традициям других районов. Ряд своеобразных деталей отличают прионежские типы былин «Дунай», «Чурила», «Добрыня и Змей» и др.

На фоне прекрасного эпического творчества Прионежья Трофим Рябинин рисуется нам как подлинный мастер—«классик», воспринявший и выразивший в своем искусстве все лучшие черты местной традиции. Его былины отличаются стройностью и ясностью композиции. Среди его былин лишь одна представляет контаминацию двух сюжетов—это уже называвшаяся выше былина о Добрыне и Василии Казимировиче. Но и она, при всей своей сложности, представляет образец четкого художественного построения с внутренней мотивировкой каждого звена, каждого включаемого эпизода. Выше мы видели, что даже позабываемая сказителем былина, видимо им редко исполнявшаяся («Потык», Рыбников, № 12), не теряет ясности и мотивированности изложения. Прекрасно разработана с точки зрения композиции былина «Добрыня и Змей». В тексте Т. Г. Рябинина сохранена главная особенность прионежских редакций этого сюжета—четкое распадение на две части, как бы на две главы, каждая из которых по-

священа столкновению героя со Змеем. Первое происходит на Пучай-реке. Сюда, вопреки наказу матери, он едет купаться, потоптав по пути множество змеенышей. Бой со Змеем кончается заключением договора, по которому оба обязуются «не делать боюдраки-кроволитыца промеж собой».<sup>1</sup> Второе столкновение вызвано насилием, которое совершает Змей, — похищением племянницы князя Владимира Забавы Путятичны. На Добрыню возлагается поручение вернуть девушку. Добрыня не только успешно выполняет данное поручение, но и освобождает еще из нор змеиных «много множество да полонов расейских». Этим последним мотивом былина объединяется с основной частью героического цикла, где богатырь-герой является избавителем и защитником русского народа от иноземных захватчиков и насильников.

Т. Г. Рябинин не только следует в основном традиционным в Прионежье схемам в построении того или иного сюжета, но и использует в своих былинах традиционные для Прионежья мотивы, образы, детали в разработках отдельных частей. Он также придерживается в своем повествовании общеэпических канонов — троичности, повторений и других средств эпического замедления и т. п. Вся эта эпическая «обрядность» соблюдается и применяется им с большим чувством художественной меры, известного поэтического равновесия, с большим вкусом и тактом. Недаром его былины всегда занимают видное место во всех хрестоматиях и антологиях, как лучшие образцы классического былинного стиля.

Но будучи глубоко традиционным, в смысле выражения местных художественных традиций, сказительство Т. Г. Рябинина несет печать известного своеобразия. В его текстах находим мотивы, только ему присущие, поэтические формулы, которых у других сказителей — его современников — не встречаем. Так, былина его «Королевичи из Крякова» представляет новую редакцию сюжета, которая отличается от типовой прионежской значительно более подробной художественной разработкой отдельных мотивов (ср., например, образ черного ворона в других вариантах Прионежья). Кроме того, в нее включен отсутствующий в других редакциях сказочный эпизод встречи героя с девушками-лебедями. Редакция былины «Дунай» тоже имеет свои характерные особенности, до известной степени выделяющие ее из прионежской группы. У Трофима Рябинина Добрыня не принимает участия в поездке и даже не упоминается. Его заменяет в былине Василий Ка-

---

<sup>1</sup> В других прионежских вариантах взаимное обязательство более развернуто и еще крепче связано со смыслом дальнейших событий: Добрыня обязуется не топтать змеенышей, Змей — не брать «полонов». Нарушение договора Змеем неизбежно вызывает нарушение его и Добрыней.

вмиров со своим «паробком заморским» — очевидно влияние былины самого Рябинина о Добрыне и Василии Казимирове. Свой отказ король литовский мотивирует не тем, что за младшую дочь сватаются раньше, чем за старшую (см., например, варианты у Гильфердинга, №№ 94, 108 и др.) или что князь Владимир «не велик», «царище уродливо» (вариант Т. Иевлева, Гильфердинг, № 102), а тем, что князь сватом прислал «холопину дворянскую». Роль Опраксии, в полном контрасте с основным прионежским типом, чрезвычайно активна: Опраксия говорит, что три года молила выйти за князя Владимира; она же предостерегает Дуная, что в поле «полякует» ее сестра-богатырка.<sup>1</sup> Большим своеобразием и разработкой деталей отличается и композиция былины «Илья Муромец и Калин-царь» (Гильфердинг, № 75), в основном отразившая как раз (см. об этом выше) характерные для Прионежья художественные и социальные тенденции в отношении данного сюжета.

Совершенно уникальной является былина Рябинина на тему единоборства Ильи Муромца с чужеземным богатырем (Гильфердинг, № 77): неизвестный богатырь-враг оказывается не сыном Ильи, а его дочерью, прижитой им в земле Тальянской (или в Литве — в записи Рыбникова). В построении же сюжета былина примыкает к одному из прионежских типов этой былины — с упоминанием вставы, мимо которой проезжает чужеземец, но без развертывания характеристик богатырей.

Не имея перед собой непосредственного источника былинного знания Трофима Рябинина, былины его учителей, мы не можем точно разграничить усвоенное сказителем и лично им привнесенное и установить, в какой мере именно ему принадлежит своеобразие его редакций. Мы знаем только, что некоторые из былин Рябинина отличаются от вариантов на те же сюжеты других учеников Ильи Елустафьева. Кроме того, сопоставление между собой его же вариантов одной и той же былины свидетельствуют о сравнительно свободном варьировании им отдельных частных при сохранении, впрочем, основы композиции. Это говорит о значительности творческого момента при исполнении. Повидимому, Трофиму Рябину принадлежит самостоятельное переоформление какой-то части усвоенного им наследия, быть может создание новых редакций.

В противоположность своему знаменитому предку потомки Трофима Рябинина, преемники его былинного мастерства, относятся к категории тех сказителей, которые очень точно усваивают былины своих учителей и полностью сохраняют их редакции.

<sup>1</sup> Рябининская редакция «Дуная» заключает еще ряд своеобразных черт, которые отмечены в примечании, см. стр. 132.

Рыбников говорит, что Трофим Григорьевич «замкнулся под старость в самого себя и поет больше про свое семейство».<sup>1</sup> Зато здесь, в своей семье, исполнение им былин было, очевидно, постоянным, и частое повторение еще более способствовало точному восприятию наследия Трофима Рябинина его сыном Иваном.

Еще первым исследователем сказительства второго Рябинина была отмечена исключительная стойкость редакций отца в исполнении сына «Сравнение репертуаров отца и сына, — говорит Ляцкий, — еще более убеждает в традиционной устойчивости сюжетов; тексты их чрезвычайно сходны».<sup>2</sup> В то же время он отмечает в текстах сына и «признаки самостоятельности». Эта самостоятельность, однако, проявляется у Ивана Трофимовича лишь в некоторых, не имеющих существенного значения, перестановках эпизодов, в пропусках некоторых деталей, в чисто словесном развертывании или, наоборот, сокращении отдельных формул, вообще в случаях словесной перефразировки.<sup>3</sup> Все эти отступления не вносят никаких решительных изменений в редакции отца, композиция былины в целом и композиция большинства эпизодов остаются теми же. Очень часто дословное или почти дословное повторение не только отдельных стихов, но и целых значительных частей былинного текста.

К сожалению, от Ивана Рябинина известно сравнительно небольшое число текстов (всего шесть), и наблюдения над случаями варьирования у этого сказителя невозможно провести на большом материале. Сопоставление же имеющихся от него записей с вариантами тех же былин у отца приводит к следующим заключениям: 1) Иван Трофимович какую-то часть своего репертуара, может быть и большинство своих былин, очевидно, усвоил довольно рано — некоторые его тексты ближе к записям Рыбникова, чем Гильфердинга;<sup>4</sup> 2) некоторые отклонения от текстов отца обусловлены, должно быть, теми вариациями, которые допускал и сам Трофим Рябинин; таким образом, момент импровизации, неразрывно связанный с характером самого былинного жанра и проявляющийся при исполнении, сказывался у Ивана Рябинина лишь в варьировании очень незначительных деталей, причем, в боль-

1 Заметка собирателя. Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е, т. 1, М. 1909, стр. LXXIX.

2 Евг. Ляцкий. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины. М., 1895, стр. 24.

3 Примеры см. А. М. Астахова. «Былины Севера», I, М.—Л., 1938, стр. 71—72, и у Евг. Ляцкого, стр. 24—26.

4 П. Н. Рыбников в своей «Заметке собирателя» называет Ивана Трофимовича, как уже определившегося сказителя: «Из детей его лучше всех выучился у него петь младший сын Иван» (стр. LXXIX).



шинстве случаев, в пределах перенятого им от отца уже готового запаса этих деталей.

Такой же тип исполнителей представляют в основном и двое младших Рябининых — Иван Герасимович и его сын Петр Иванович — современный сказитель. Благодаря этому, редакции Трофима Рябина со всеми теми особенностями, которые были отмечены выше, и которые, как мы видели, составляют одно из лучших проявлений местных художественных традиций, донесены до нашего времени.

Но для того, чтобы редакции учителя были усвоены и сохранены сказителем-учеником в художественно целостном, полном и стройном виде, нужно не только чисто механическое восприятие, хотя бы и при исключительной памяти, а глубокое проникновение сказителя в материал, в образы, в художественный замысел данной композиции, во все средства его выполнения, — одним словом, необходимы поэтическая восприимчивость и одаренность сказителя. Это мы и видим в лице Ивана Герасимовича Рябина-Андреева.

### III

Иван Герасимович не был родным сыном Ивана Трофимовича Рябина. Отец его потонул во время рыбной ловли, когда ребенку было всего два года. На пятом году жизни Ивана Герасимовича, в 1878 г., в его семье случилось событие, которому мы и обязаны замечательной судьбой наследия Трофима Рябина. Мать «приняла» к себе в дом в Гарницах сына известного кижского сказителя, Ивана Трофимовича Рябина, уже к тому времени воспринявшего былинное знание и мастерство отца. Иван Рябинин любил своего пасынка и не отличал его от своих родных сыновей. Работая вместе с ним, он приохотил и его к сказыванию былин. «Пасынок Иван служит предметом особой родительской заботы Рябина. — рассказывает Евг. Ляцкий. — Он растил и поженил его в прошлом году и ждет от него в будущем хорошего семьянина и работника: он парень степенный, не пьет, не курит, и к тому же попривык старишки (так Рябинин называет былины) и божественные (духовные) стихи тянуть, хоть голос-то у него тоненький: молод еще».<sup>1</sup>

Иван Герасимович Рябинин-Андреев прожил с отчимом до 23-летнего возраста, не отделяясь от него и после своей женитьбы. В этот-то ранний период своей жизни Иван Герасимович и научился искусству былинного сказительства. По словам его жены, он был «вострой грамоты да и памятной». В 23-летнем возрасте Иван Герасимович «сехал в Питер» и поступил на завод в Колпине.

---

<sup>1</sup> Е в г. Л я ц к и й. Сказитель И. Т. Рябинин и его былины. М., 1895, стр.9.

Проработав около двух лет, он возвращается к себе в Гарницы, однако живет здесь недолго, всего несколько лет, и снова едет в Колпино, где и работает восемь лет, вплоть до империалистической войны 1914 г. Во время войны он был призван на действительную службу, на которой пробыл 7 месяцев. После освобождения от военной службы Иван Герасимович окончательно поселяется в родных Гарницах. В 1921 г. он ездил в Петроград по вызову научных организаций и выступал здесь с исполнением былин.. Умер в ночь на 27 февраля 1926 г. от жестокой простуды.

Вот те скудные внешние факты его биографии, которые нам удалось узнать от вдовы Ивана Герасимовича — Марфы Петровны Андреевой.

И. Г. Рябинин-Андреев хорошо знал кижскую сказительницу Настасью Степановну Богданову-Зиновьеву, которая не раз выступала в Петрозаводске и в 1911 г. ездила в Петербург. По воспоминаниям М. П. Андреевой, Настасья Степановна «звала сколько раз ехать на Кавказ, аль куды там» — известна в этом отношении активность и смелость Настасьи Степановны: она уже в преклонных годах всегда охотно соглашалась на поездки в Ленинград и Москву и непрочь была ехать и за границу. Но Иван Герасимович неизменно отвечал, что не хочет «с бабам этим делом заниматься». Однако у себя в Гарницах он пел постоянно. «Дома, как беседа собиратца — пел, али где на мельницы», — рассказывает М. П. Андреева.<sup>1</sup> У Ивана Герасимовича была многочисленная семья — четырнадцать детей: девять сыновей и пять дочерей, в живых из них осталось пять — три сына и две дочери. Но из всех перенял от отца былины только средний сын Петр, от других, по словам их матери, она «поючи не слыхала, ни от большево, ни от меньшево».

В 1921 г. от И. Г. Рябинина-Андреева были записаны в Петрограде тексты его былин В. Н. Всеволодским-Гернгроссом, и на фонограф записаны отдельные фрагменты былин С. И. Бернштейном. В. Н. Всеволодский-Гернгросс записал все или почти все былины Ивана Герасимовича (по словам сына и жены, он знал 15—16), но, к сожалению, из этих записей сохранились лишь девять: семь полностью и две — неполных. На фонограф записаны фрагменты следующих былин: 1) «Вольга и Микула», 2) «Илья Муромец и Соловей-равбойник», 3) «Илья Муромец в ссоре с Владимиром» [«Илья Муромец и Калин-царь»], 4) «Илья Муромец и дочь», 5) «Первый бой Добрыни со Змеем», 6) «Второй бой Добрыни со Змеем», 7) «Добрыня в отъезде» [«Добрыня и Василий Казимирович» +

<sup>1</sup> Материалы рукописного хранилища сектора фольклора Института литературы АН СССР, коллекция XXVII. Запись М. Б. Каминский и Н. Н. Тяпониной 1 января 1932 г.

Добрыня и Алеша», 8) «Добрыня и Марына», 9) «Женитьба князя Владимира» [«Дунай»], 10) «Королевичи из Крякова», 11) «Боярин Дюк Степанович», 12) «Василий Окульевич», 13) «Молодец и худая жена»; кроме того, духовный стих «Христово вознесение».<sup>1</sup>

Из них лишь былина о Вольге и Микуле представлена в фонографической записи в нескольких фрагментах, остальные — в коротких отрывках.

Но эти записи вместе с текстами, записанными В. Н. Всеволодским-Гернгроссом, воссоздают перед нами самый состав репертуара третьего Рябинина. Сопоставляя его со списком былин Ивана Трофимовича Рябинина,<sup>2</sup> мы видим, что Иван Герасимович почти полностью воспринял репертуар отчима (в его репертуаре недостает только былины о Хотее и двух исторических песен об Иване Грозном и о Скопине).

У отчима перенял он и его напевы, тоже восходящие к Трофиму Рябину, и все характерные особенности исполнения.

Слишком малое число записей от И. Т. Рябинина препятствует с точностью установить индивидуальные черты былинного сказительства Ивана Герасимовича. К тому же из былин, записанных от отчима, только одна имеется в записи от Ивана Герасимовича. Это — «Королевичи из Крякова»;<sup>3</sup> былина эта была записана в двух вариантах и от Трофима Рябинина. Остальные былины приходится сопоставлять непосредственно с текстами первого Рябинина.

Однако все же на основе имеющихся в нашем распоряжении материалов вырисовываются не только общие качества текстов Ивана Герасимовича, но и кое-какие черты личных его вкусов и художественных тенденций.

Иван Герасимович Рябинин-Андреев, как и его предки, принадлежит к представителям классического стиля былинного сказительства. Свои былины он всегда пел, а не сказывал словесно, и они отличаются исключительной четкостью и чеканностью, ритма. Все художественные и идейные достоинства, отмеченные нами в текстах Трофима Рябинина и унаследованные от него сыном Иваном, находим и в былинах Ивана Герасимовича: стройность и ясность композиции, с внутренней оправданностью всех частей, четкость основного замысла и социальной идеи, полноту и картинность описаний, яркие, строго выдержанные образы персонажей. В его бы-

<sup>1</sup> Фонограмм-архив сектора фольклора, Института литературы АН СССР, №№ 703—711.

<sup>2</sup> В г. Л я ц к и й, стр. 31; Былины П. И. Рябинина-Андреева, Петрозаводск, 1940, стр. 16.

<sup>3</sup> Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Записали: слова Ф. М. Истомина, напевы Г. О. Дютш, Спб., 1894, стр. 29.

линах мы не замечаем тенденции к сокращению, не видим пропусков, которые бы обедняли художественную ткань произведения, как это наблюдается в нисходящих линиях некоторых других семейных традиций (например, у наследников Домны Суриковой, в боновых линиях рода Рябининых и др.)

По своим размерам былины Ивана Герасимовича почти не отличаются от былины Трофима Григорьевича. Колебания в ту или иную сторону незначительны. Есть былины, по количеству стихов даже превосходящие деловские («Второй бой Добрыни со Змеем», «Женитьба князя Владимира»), есть — несколько короче («Добрыня и Марына», большинство почти совпадают.<sup>1</sup> Внутри былин одни эпизоды несколько более развернуты, другие, наоборот, сокращены. Варьирование в данном направлении — вообще характерный для былинного сказительства момент, который неизменно присутствует в большей или меньшей степени у всех сказителей, даже у носителей наиболее устойчивых едакций. При одном исполнении они несколько более детализируют одно описание, в другой раз — другое. Поэтому, только имея несколько вариантов той же былины от одного сказителя, можно делать заключение о тяготении его к выделению и развертыванию определенных эпизодов и к затухиванию других. Подобные внутренние колебания, касающиеся большего или меньшего раскрытия одних и тех же мотивов, находим и у самого Трофима Григорьевича и у Ивана Трофимовича. Иван Герасимович мог наблюдать эти колебания в исполнении отца. Возможно, что и сам он давал иногда варианты, еще более близко стоящие в отношении степени детализации одних и тех же эпизодов к записи от деда, чем те, которые у нас имеются.

Однако, при внимательном наблюдении над всеми случаями отступлений подобного рода, мы все же усматриваем в былинах Ивана Герасимовича некоторую закономерность во вносимых им изменениях, которая и вскрывает особенности художественного метода этого сказителя.

К числу этих особенностей можно отнести частые пропуски эпизодов «подготовительных» или «предваряющих», т. е. тех, которые изображают не самое действие, составляющее новый поступательный в движении сюжета момент, а лишь предваряющую это действие экспозицию. Такая экспозиция, в которой изображены намерения действующих лиц, их подготовка к действию и т. п., составляет переход от одного действия к другому. Так например, в былине «Ссора князя Владимира» Иваном Герасимовичем выпускаются: а) изображение того, как князь Владимир идет по горенке

---

<sup>1</sup> Точные данные по сопоставлению размеров былин см. в примечаниях.

и становится против Добрыни (стихи 51—53 варианта деда)<sup>1</sup> — после же раздумья князя Владимира, кого послать за Ильей, непосредственно следует обращение его к Добрыне; б) наставление князя Добрыне о том, как он должен подойти к Илье Муромцу (стихи 56—66 варианта деда) — передается только формула самого приглашения; в) изображение того, как Добрыня идет к Илье Муромцу (стихи 75—78 варианта деда) — после краткого описания одевания Добрыни говорится о самом приходе Добрыни к Илье Муромцу; г) описание того, как князь Владимир смотрит в окошко, в тревоге ожидая результатов миссии Добрыни (стихи 103—108 варианта деда) — в былине Ивана Герасимовича за сборами Ильи Муромца сейчас же следует рассказ о его приходе к князю.

В последнем случае мы видим уже не простой тип предваряющей экспозиции, а очень значительный момент психологической характеристики, рисующей нетерпеливое ожидание князя, испуганного бунтом богатыря. Здесь Иван Герасимович ускоряет темп развития действия уже за счет психологической полноты образа. Но обычно пропуски касаются именно простой экспозиции (указанного выше типа). Все психологические детали сказителем сохраняются. В былине о Добрыне и Маринке, наиболее сокращающей дедовскую редакцию, находим: а) отсутствие стихов, аналогичных стихам 25—29 дедовского варианта, говорящих о намерении Добрыни идти в Маринкину улицу — у Ивана Герасимовича сразу после рассказа о прогулке Добрыни по Киеву говорится: «Заходил он в татарскую слободушку»; б) пропуск стихов, передающих предложение Добрыни идти в поле венчаться (стихи 63—70 у Трофима Рябинина) — у Ивана Герасимовича: «А повел (Добрыня) в раздольице в чисто поле»; в) не указано перед убийством Маринки, что Добрыня берет саблю (стихи 80—81 дедовского варианта), а прямо говорится: «Как смахнул Добрыня саблей вострою». Опущен характерный «подготовительный момент» и в былине «Королевичи из Крякова» — перечисление в словах героя перед стрельбой по ворону всех действий, которые он готовится совершить («Я подстрелю эту птицу черна ворона, его крьсь-то росточу да по сыру дубу» и т. д.). Момент этот имеется во всех трех предшествующих записях этой былины, в двух — от Трофима Рябинина и в одной — от Ивана Трофимовича, поэтому отсутствие его у Ивана Герасимовича особенно убеждает нас в неслучайности подобных пропусков у данного сказителя.

Иногда, правда, мы имеем и обратные случаи — наличие такой экспозиции, при отсутствии ее у Трофима Рябинина — но они зна-

---

<sup>1</sup> В данном и последующих случаях имеются в виду записи Гильфердинга.

чительно реже, и определенная тенденция Ивана Герасимовича в указанном направлении совершенно очевидна.

Другая особенность повествовательного метода Ивана Герасимовича — более последовательное проведение прямой речи в то время, как у Трофима Рябинина заметна тенденция к замене диалога косвенной речью или кратким сообщением от автора. Так, пространному докладу приближенных князя о нашествии Калинцаря у Ивана Герасимовича (стихи 132—145) в варианте Трофима Рябинина соответствует краткое сообщение от автора, что Калинцарь «подъехал под Киев-град» (3 стиха, 100—102). Сравним также варианты отправки Опраксии в Киев с Василием Казимировым в былинне «Женитьба князя Владимира».

#### У Т. Г. Рябинина:

Тихия Дунаюшко Иванович  
А послал с нима<sup>1</sup> паробка любимого  
Он того Василия заморского,  
Отвести ю князю на широкой двор,  
Отвести в полаты белокаменны.  
А подать-то ю князю во белы ручки.

(Гильфердинг, № 81, стихи 278—282)

#### У И. Г. Рябинина-Андреева:

Говорит тут тихий Дунаюшка:  
«Ай же, братец мой да й ты крестовый мой,  
Молодой Василий ты Казимиров,  
А Василий паробок заморский,  
Поезжайте вы во стольный Киев-град,  
А свезите вы Опраксю королевешну  
А ко князю на широкий двор,  
Проводите во горенку столовую,  
Отведите князю во белы руки».

(Стихи 320—328).

В той же былинне у Трофима Рябинина говорится так о приеме литовским королем приехавших послов:

Садил их король за единой стол,  
А кормил-то их ествушкой сахарною,  
А поил-то их питьцем медвянным,

(Гильфердинг, № 81, стихи 165—167,  
см. также у Рыбникова, № 9, стихи 126—129).

1 С Василием Казимировым и с Опраксией.

У Ивана Герасимовича это описание угощения послов передано в обращении короля литовского к послам с предложением угощаться:

Говорил тут король-та й литовский,  
Говорил король тут таковы слова:  
«Ай же вы, дуродни добры молодцы,  
Тихия Дунаюшка Иванович,  
Приходите вы во горенку столовую.  
А садитесь за столки дубовыи,  
А за ты ль скамеечки окольные,  
А поешьте ествушки сахарней,  
Да и попейте питьвицов медвяных».

Характерно, что совершенно аналогичный случай находим и в вариантах былины о ссоре (ср. Гильфердинг, № 76, стихи 120—121 и в настоящем сборнике № 2, стихи 117—118) В той же былине раздумье князя Владимира о том, как помириться с Ильей Муромцем, опять-таки передано в прямой речи, в форме обращения к князьям-боярам и к богатырям:

«А вы думайте-тка думу крепкую,  
Как же мне с Ильей да помириться».  
(Стихи 52—53).

У Трофима Рябиниана же говорится:

Тут Владимир князь да стольнй-киевской  
И он стал Владимир дума думати,  
Ёму как-то надобно с Ильей помирится.  
(Гильфердинг, № 76, стихи 40—42).

Все эти примеры (которые можно было бы еще умножить) убеждают нас в том, что здесь не случайное расхождение, а разница в методах повествования. Обратные случаи единичны, а потому не характерны.

Вообще в отношении прямой речи, диалога, совершенно определенно вырисовывается тенденция Ивана Герасимовича их усиливать, развертывать; при этом средством для этого часто служит ему повторность. Так, в былине об Илье Муромце и Калине параллельно краткому сообщению дочери князя Владимира в варианте Трофима Григорьевича, о том, что Илья жив в погребе (см. Гильфердинг, № 75, стихи 115—117) у Ивана Герасимовича находим подробный рассказ дочери о том, что она сделала, чтобы сохранить жизнь Илье Муромцу, с полным повторением уже указанных выше ее действий:

«А я сделала ключи поддельными,  
Положила людей потаенных  
На тыи погребы глубокии...»

и т. д.

Вместо дедовских трех стихов, здесь мы находим целых 18 стихов (166—183).

Таким образом, если первая из указанных тенденций — включение промежуточных переходных моментов — ведет к убыстрению повествования, то вторая, наоборот, несколько задерживает его и тем самым уравнивает общее соотношение в темпе повествования и в размере былины. В то же время усиление прямой речи значительно оживляет рассказ.

Что касается приема повторности вообще, то на имеющемся материале трудно уловить какое-либо существенное отличие былины Ивана Герасимовича от былин его предков. Мы видим иногда усиление повторности, развертывание повторяемых частей, иногда и некоторое их сокращение. Вообще же повторность в былинах Ивана Герасимовича занимает очень большое место, и скорее можно говорить о склонности к усилению ее, чем к сокращению.

Из других особенностей былинного сказительства Ивана Герасимовича следует отметить довольно свободное перемещение им некоторых описаний, словесных формул, «общих мест» из одной былины в другую. Вследствие этого бывает, что какое-либо место былины, отличаясь в своей словесной редакции от соответствующего места той же былины у первого Рябикина, полностью совпадает с оформлением аналогичного мотива другой дедовской былины. У самого же Ивана Герасимовича наблюдаем точное повторение словесных формулировок в передаче близких эпизодов. Начиная былины «Ссора князя Владимира», например, восходит не к вачине той же былины у Трофима Рябикина, а к началу его же былины об Илье Муромце и Калине-царе (Гильфердинг, № 75). Таким образом, вачины обеих названных былин в вариантах Ивана Герасимовича одинаковы, Трофима Григорьевича — различны. Концы той же былины «Ссора князя Владимира» также изменен. Вместо краткого сообщения о том, что «они тут с Ильей и помирились», дается «общее место» — описание самого пира — в формуле, которую встречаем и у Трофима Рябикина, но в других случаях (см., например, в его «Дунае», Гильфердинг, № 81, стихи 337—338, в былинне «Добрыня и Василий Кавымиров», Рыбников, № 8, стихи 5—6). Начальные 59 стихов былины «Василий Окульевич» дословно повторяют начало его же былины о женитьбе князя Владимира. Обращение князя к Добрыне в былинне «Второй бой Добрыни со Змеем» Иван Герасимович оформляет тоже иначе, чем это делается в соот-



вещающей части варианта Трофима Рябинина. Он строит его по типу обращения князя к богатырям, посылаемым им к королю Ботияну, из былины Трофима Григорьевича «Добрыня и Василий Казимирович» (ср. у И. Г. стихи 61—85 его былины «Второй бой со Змеем» со стихами 270—283 варианта Гильфердинга № 79 и со стихами 61 и след. варианта Гильфердинга № 80).

В результате получается несколько большая однотипность близких эпизодов и мотивов у Ивана Герасимовича, в то время как у Трофима Григорьевича они более индивидуализированы. Однако, благодаря известному чувству художественной меры, поэтическому чутью, эта склонность к большей стандартизации не приводит у Ивана Герасимовича к полной нивелировке описательных моментов в его былинах.

В основном они сохраняют все высокие художественные качества редакций Трофима Григорьевича, а в некоторых случаях даже и превосходят их. Значительно более красочно описание заточения Ильи Муромца в былине об Илье и Калине-царе. В записи от Трофима Рябинина находим сжатое указание, что князь Владимир, разгневавшись на Илью Муромца,

Засадил его во погреб во глубокий  
Во глубокий погреб во холодный  
Да на три-то году поры-времени.

У Ивана Герасимовича в стихах 4—11 дается развернутое изображение заточения:

Засадил козѣка Илья Муромца  
А на тыя ль на погребы глубокий,  
А на тыя ль на ледники холодныи,  
А на тыя решѣтки за железныи.  
А на тыя на кѣсени на смертныи.  
Не на мало поры-времени — на три году,  
На три году й на три месяца,  
Чтобы не был жиз дуродний добрый молодец.

Это замечательное по художественной силе и выразительности изображение в дальнейшем повторяется сказителем (стихи 17—21), чего в варианте Трофима Рябинина нет.

Также более подробно, пышно, с большой экспрессией, и опять-таки в двукратном повторении, рисуются в той же былине, в стихах 267 - 289, картины вражеского наступления. Сопоставление данного места у Трофима Григорьевича с соответствующим ему описанием врага в другой его былине о Калине-царе

(Рыбников, № 7, стихи 170—181) показывает, однако, что Трофим Григорьевич и сам варьировал это изображение и что некоторые мотивы, которыми обогащено описание Ивана Герасимовича, были свойственны и ему (имеются в записи Рыбникова). Следовательно, Иван Трофимович Рябинин мог услышать от отца и, в свою очередь, передать Ивану Герасимовичу и более развернутое описание, чем то, которое мы находим в записях и Рыбникова и Гильфердинга. Но для Ивана Герасимовича здесь характерно то, что он запомнил и сохранил данное описание как раз именно в развернутом его виде.

Очень интересно и показательно то дополнение, которое мы находим в развязке былины «Второй бой Добрыни со Змеем». Особенностью варианта Трофима Рябинина является отсутствие убийства змеи. Добрыня укоряет змею в похищении Забавы Путятичны, затем выводит девушку из змеиной норы, а также выпускает «полона расейский». Иван Герасимович вводит прежде всего вызов Добрыней змеи на бой. Это пугает змею, вспоминающую победу над ней на Пучае не вооруженного тогда Добрыни, и она беспрепятственно дает вывести Забаву из норы. Далее Добрыня замыкает змею в норе с железной дверью, приговаривая: «Не бывать тебе, змеи, да й на белом свете» и т. д. Таким образом, каждый из отдельных этапов развязки строго мотивирован, и подвиг Добрыни получает логическое завершение.

Зная, что как раз почти все былины Трофима Григорьевича отличаются логической законченностью сюжетной линии, мы предполагаем, что это недостающее до полного завершения сюжета звено принадлежало редакции Трофима Рябинина, при записи же от него былины Гильфердингом было сказителем пропущено. Возможно поэтому, что так же, как Иван Герасимович, передавал это место и его отчим. В то же время видим, что эпизод убийства змеи из редакции Трофима Григорьевича мог и выпадать, поскольку решительного ущерба для основного замысла от этого не было: подвиг Добрыней все же совершен, поручение выполнено. Тем более показательно и характерно сохранение данного эпизода, так как оно свидетельствует о чрезвычайно вдумчивом отношении сказителя ко всем тем композиционным звеньям, которые приводят к наиболее полному и убедительному осуществлению художественного замысла.

Так же тонко чувствует Иван Герасимович и социальную направленность нашего эпоса. Все характерные в этом отношении особенности былин деда, отмеченные выше и представляющие выражение определенной местной традиции, находим и в вариантах третьего Рябинина. Образы богатырей Ильи Муромца, Добрыни

и других служат воплощением силы и благородства и противостоят социальной верхушке. В этом отношении у него иногда даже чувствуется более обостренное восприятие классовых взаимоотношений. Так, известную формулу богатыря Самсона, которой он мотивирует отказ богатырей ехать на врага, Иван Герасимович слегка перефразирует, внося очень тонкий, более близкий к восприятию его времени, штрих.

У Т. Г. Рябинина:

У него (т. е. Владимира—А. А.) ведь есте много да  
князей-болр,  
Кормит их и поит да и жалует,  
Ничего нам нет от князя от Владимира.

У И. Г. Рябинина-Андреева:

Много есть у князя й у Владимира,  
Много есть госпóд, да и бояринов,  
Он их кормит, поит, да он их жалует,  
Ничего ведь мы от князя й не предвидели.

Данная былина «Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром» [Илья и Калин-царь], также былины «Ссора с князем Владимиром» и «Боярин Дюк Степанович» в вариантах Ивана Герасимовича полностью сохраняют все высокие идейные качества редакций Трофима Рябинина. В былине о Дюке среди других социальных мотивов сохранен и эпизод отвода Алеши Поповича при выборе послов в Индию, — отвода, который основан на известной социальной характеристике этого богатыря:

Он роду есть ведь-то поповского,  
А поповского роду он вадорного,  
Он увидит бесчётну волоту кавну,  
Так ведь там ему да й голова сложить.

Использование данного мотива в эпизоде посланки богатырей в Индию в былине о Дюке всецело принадлежит нижесказанной школе певцов былин (см. также Гильфердинг, № 85, стихи 460—465; № 152, стихи 366—369; № 159, стихи 350—353).

Сопоставляя тексты Ивана Герасимовича с былинами его предков, видим некоторые изменения в лексике. В былинне «Женитьба князя Владимира» вместо «ломаешься» употреблено слово «гребуешь», вместо «обгалиться» — «оббаять», исключен эпитет лани — «напольская», вводится слово «кивер» («А снимал кивера да й со головушек», см. также былинну «Боярин Дюк

Степанович»). Замечаем введение слова «взлепетал» вместо «возговорил», и оно становится у Ивана Герасимовича излюбленным выражением, применяемым им в отношении животного, говорящего по-человечьему («Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром», «Боярин Дюк Степанович», «Королевича из Крякова»). Вместо «червлёный» стул — «ременчат» стул; «львы-звери» на вставе вместо «звери»; вводится следующее изображение горьковидной: она плачет «женским голосом да й во всю голову» и др. В большинстве случаев эта замена происходит на основе местного же лексического фонда и прочно входит в передачу былины Иваном Герасимовичем; о последнем свидетельствуют варианты его сына, где находим те же слова и выражения.

Вообще же сопоставление былины всех четырех Рябининых приводит к следующему заключению: в основном редакции Трофима Рябинина донесены до нашего времени без существенных переработок, и те изменения, которые вносят его потомки, выражаются по преимуществу в перестановках эпизодов и стихов, словесных перефразировках и т. п. и не дают принципиальных различий; наиболее заметные случаи внутренних перемещений, сдвижений и в композиции и в словесном оформлении принадлежат двум младшим Рябининам. При этом некоторые из тех отдельных деталей, которые отличают варианты современного представителя рябининской традиции от текстов первого Рябинина, должны быть отнесены за счет Ивана Герасимовича.<sup>1</sup>

Вместе с тем в лице Ивана Герасимовича Рябинина-Андреева мы видим чуткого и вдумчивого хранителя семейной эпической традиции, выражающей характерные черты местной эпической школы, иногда, правда, в своеобразной, с индивидуальными оттенками форме. Третий Рябинин — несомненно, один из крупнейших мастеров былины кижской школы сказителей.

*А. М. Астахова*

---

<sup>1</sup> У Петра Ивановича находим один случай особенно решительного отклонения от семейной традиции — контаминация сюжета о Калине-царе с сюжетом союзы типа «Никиты Залешанина». Происхождение этой контаминации еще не выяснено.

## ЗАПИСЬ БЫЛИН ОТ И. Г. РЯБИНИНА В 1921 г.

В конце 1918 г. по моей инициативе и при непосредственном участии тогдашнего Наркома просвещения А. В. Луначарского было основано научное учреждение и высшее учебное заведение, ставившее своей задачей изучение живой человеческой речи,—Институт живого слова. Художественной речью занимались факультеты — театральный и словесный; большое внимание было уделено мастерству слова в области рассказывания и декламации; естественно, возник вопрос о методике исполнения былин. Впервые передо мной поставила этот вопрос одна из специалистов в области педагогического рассказывания — Е. И. Иорданская. В беседе с ней я, правда, без достаточной уверенности, сказал, что исполнять былины следует так, как они бытуют в народных массах, и что, вообще, напевное исполнение баллад, поэм и былин, т. е. всего стихотворного эпоса, единственно верное, ибо органически неотделимо от словесного материала. Возник новый вопрос—допустимы ли приемы эмоционально-образного расцвечивания баллад, поэм и былин и, если да, то в какой мере; верно ли, что их исполнять следует с «эпическим спокойствием». Слово за слово—выяснилось, что вопрос очень сложен. Тут-то и возникла мысль о необходимости непосредственного наблюдения.

В процессе изучения вопроса я столкнулся с проблемой былинной традиции, и, естественно, главное внимание к себе привлекла семейная традиция Рябининых, к тому времени (зима 1920—1921 гг.) представленная сказителями двух поколений Трофимом Григорьевичем и Иваном Трофимовичем. Было известно, что и молодое поколение культивировало былинную традицию. Я и решил командировать в д. Гарницы одну из студенток института, хорошо знакомую с крестьянским бытом, Анну Ивановну Смир-

нову, с поручением привезти в Петроград одного из преемников рябининской традиции. Снабдив необходимыми документами, мы усадили ее в поезд. Это было в январе 1921 г. Вот что рассказывает Анна Ивановна о своей поездке.

Получив от Петрозаводского исполкома путевку на подводу, и вечеру она была в Гарницах. Дровни окружила толпа ребятишек. На вопрос, где именно живут Рябины, один из мальчиков проводил ее к себе в дом. Оказалось, что Иван Трофимович, которого мы рассчитывали видеть, уже умер, но, со слов хозяйки, выяснилось, что приемный сын умершего—Иван Герасимович—унаследовал былинное мастерство. Ивана Герасимовича не было дома—он поехал в лес за дровами. Через некоторое время он вернулся со своим средним сыном лет 14-ти. Узнав, зачем приехала Анна Ивановна, он охотно стал ей петь былины и в принципе согласился ехать в Петроград. Исполнение былин происходило при очень типичной для этого края обстановке. Жена зажгла лучину, предварительно вставив ее в светец, в избу собрались соседки—женщины и девушки; мужчин не было. Так каждый вечер, покуда Анна Ивановна жила в Гарницах, Иван Герасимович сказывал былины, иногда не заканчивая их, но досказывая своими словами.

В один из вечеров он повез Анну Ивановну в соседнюю деревню, чтобы познакомить ее с другим стариком-сказителем. «Может, он вам больше понравится, его и возьмете в Петроград», сказал он шутливо. Сосед-старик так же охотно, как и Иван Герасимович, стал сказывать Анне Ивановне былины. Но он несколько отступал от текста, исполняемого Иваном Герасимовичем, и потому этот последний часто останавливал его. «А мой батюшка здесь сказывал иначе»,— и он цитировал отрывок по-отцовски. Анне Ивановне исполнение Рябинина понравилось больше: он это делал истовее, благоговейнее, да и в вокальном отношении был выше своего соседа.

Анне Ивановне пришлось задержаться в Гарницах на несколько дней, так как Иван Герасимович мог поехать только после того, как свезет домой стога сена. Наконец он справился, и они поехали.

А в то время, как Анна Ивановна ездил в Гарницы, в Петрограде Институт живого слова организовал конференцию работников по рассказыванию в школе. Только в последний день конференции приехала она вместе со своим спутником. Снятая с Ивана Герасимовича в дни его пребывания в Петрограде фотография и пастельный портрет, сделанный одной из студенток института Спасской, вскоре безвременно погибшей, очень верно пере-

дают его внешний облик. Это был человек немного выше среднего роста, статный, худощавый шатен с небольшой окладистой бородой и светлыми, необычайно искристыми глазами, крепкий на ногах, степенный и приветливый, несколько медлительный в движениях и речи. Он хорошо знал, что к мастерству, которым владела его семья, есть интерес в научных и художественных кругах, и охотно готов был знакомить с ним. Институт в это время помещался на площади Островского в доме, до октябрьской революции принадлежавшем Городскому кредитному обществу. Здесь, в третьем этаже, в бывшем концертном зале, происходила конференция. Все ждали приезда сказителя и волновались, боясь, что он опоздает. Но вот, в самый момент закрытия конференции в зал вбежала в валенках и шубейке, с платком на голове А. И. Смирнова. Она вела с собой Ивана Герасимовича. Все были потрясены удачей. И прямо с поезда, не успев умыться и закусить, Иван Герасимович был вынужден выступить на конференции. Ни сцены, ни эстрады не было. Наскоро составили несколько столов, на стол поставили венский стул, он сел и негромким голосом запел былины, гулко разносившиеся в зале со скверной акустикой. В перекурах А. И. Смирнова рассказывала о своих путевых приключениях. Успех Рябинина был неопределенный: присутствовавшие на конференции лица, повидимому, ожидали профессионального мастерства. Мастерство же Рябинина было несомненно высоким и в то же время глубоко отличным от обычного профессионального. Во всяком случае, внешний успех был большой. Он спел около десяти былин; слушатели, и без того утомленные конференцией, затруднялись прослушивать былины, длившиеся минут по 15—20 каждая, и устали. Но аплодисменты были восторженные. Рябинина обступили — начались расспросы.

Рябинин поселился у меня, а я жил в то время в институтском доме, в нижнем этаже. Работа моя с ним началась со следующего же дня. Опубликованные Ляцким рябининские былины вместе с нотным сопровождением мне были хорошо знакомы; мало того, я знал все напевы и умел их воспроизводить. Это мне облегчало работу с Иваном Герасимовичем и ваостряло интерес к его текстам и его напевам. И первое, что я заметил, это прочность былинной традиции у них в роду. Но записи Ю. И. Блока по-новому предстали передо мной после того, как я услышал былины в исполнении Ивана Герасимовича.

Иван Герасимович знал много былин (я сейчас не помню, сколько именно). Но все они пелись на три напева: на один напев — былина о Вольге и Микуле, на другой о Василии

Окулиевиче и на третий—все остальные былины. По словам Ивана Герасимовича в их роду в старину число напевов было больше, но они со временем забылись. По манере исполнения каждый из трех напевов имел свои особенности: былинку о Вольге и Микуле Иван Герасимович исполнял более декламационно, передавая мелодикой напева интонации разговорной речи, два других напева интонировались значительно более песенно, напевно.

Как в этом легко убедиться по прилагаемым нотным образцам, третий напев состоял из двух музыкальных полустроф. Любой из своих стихов Рябинин мог легко уложить в любую полустрофу, варьируя расстановку вставных ритмических словечек: то, ведь, а, да, и. Если исполнителя не перебивали, то он связывал стихи текста и музыкальные полустрофы, по моему впечатлению, самопроизвольно, импровизационно, причем вслед за первой вторая повторялась несколько раз, в целом формируя подобие строф. Но стоило задать ему во время исполнения какой-нибудь вопрос или ему чем-нибудь отвлечься, как вслед за этим непременно следовала первая половина музыкальной строфы.

Словесная ткань во время свободного исполнения каждый раз несколько разнилась от словесной ткани во время замедленного исполнения или диктовки для записи. И, когда я ему задавал вопрос, какой же именно текст правильный, он неизменно отвечал: «А все равно, как хочешь, так и пиши». Я провел с Рябининым много времени и много его записывал. В итоге у меня сложилось впечатление, что в исполнении И. Г. Рябинина несомненно присутствовал момент автоматизма, наблюдаемый у декламаторов в тех случаях, когда они слишком часто выступают с исполнением данного произведения. Так, например, даже целые эпизоды вставлялись или выпускались зачастую произвольно, по чисто мнемоническим причинам. Это явление в исполнении былин необходимо учесть, чтобы ошибочно не приписывать художественно-творческому процессу факты, имеющие чисто технологическую природу.

Исполнение Рябинина было, по моим наблюдениям, внеэмоциональным.

Наблюдения над Рябининым убедили меня еще раз в том, что ритмико-мелодическая структура былины является прекрасным мнемоническим и организующим текст средством и что утрата ее влечет за собой деформацию текста. Знакомство с Рябининым привело меня и моих учеников к напевному исполнению эпоса с индивидуальной для каждого данного исполнителя композицией напева. Образцы подобных композиций опубликованы в моей работе «Искусство декламации».

*Проф. В. Всеволодский-Гернгросс*



## I

### ИЛЬЯ МУРОМЕЦ В ССОРЕ С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ

[Илья Муромец и Калин-царь]

Как Владимир князь да стольне-киевский  
С Ильей Муромцем да й порассорился,  
Порассорился с козаком Ильей Муромцем,  
Засадил козака Илью Муромца

6       А на тыя ль на погребы глубокии,  
          А на тыя ль на ледники холодныи,  
          А за тыи за решетки за железныи,  
          А на тыя на казени на смертныи.  
          Не на мало поры-времени — на три году,  
10       На три году й на три месяца,  
          Чтобы не был жив дуродний добрый молодец.

У ласкового князя у Владимира  
А любимая была дочька одинакая,  
Она видит дело ёсть нехорошее:  
15       Посадили дуродня й добра молодца

А на тыя погребы глубокии,  
          А на тыи ль ледники холодныи,  
          А за тыи за решетки железныи,  
          А на тыя на казени на смертныи,  
20       Не на мало поры-времени — на три году,  
          На три году й на три месяца,

А который бы дуродний добрый молодец  
Постоять бы мог за веру й за отечество,  
Сохранить бы мог да й стольней Киев-град,  
25       А сберечь бы мог бы церкви божии,  
          А сберечь бы мог князя Владимира.

Она сделала ключи поддельные,  
 Положила людей да и потаённых,  
 А снесла она и ествушки сахарни,  
 Да и снесла она питьвица медвяныи,  
 Да и перинушки-подушечки пуховыи,  
 А одьялышки снесла теплыи,  
 На себя она шубоньку ведь ю куньею,  
 А сапоженки на ноженки сафьянныи,  
 На головушку шапку соболиную.  
 В полону сидит дуродний добрый молодец,  
 В полону сидит да и под обиду,  
 Он не старится да и лучше ставится.  
 А тут в ту ль пору, в тое ль времячко  
 Да и на тот на славный стольный Киев-град  
 Воспылал собака ли царь Калина.  
 Посылает он посла да и в стольней Киев-град,  
 Пословешно собака он наказывал,  
 Говорит-то и собака таковы слова:  
 «Поезжай-ка, мой посланник, в стольный  
 Киев-град,  
 Заезжай-ка к князю и на широкий двор,  
 Станови коня ты богатырского,  
 Выходи на матушку и сыру землю,  
 Ты и спускай коня на двор да и не привязывай,  
 Ты иди в палату белокаменну,  
 На пяту ты дверь да и поразмахивай,  
 Не запирай дверей в палату белокаменну,  
 Не снимай-ка кивера ты со головушки,  
 Не клади креста да и по писанному.  
 Не веди поклонов по ученому,  
 А ты князю Владимиру и не кланяйся,  
 Яго всем князьям да и подколенным,  
 Положи-тка грамоту на золот стол,  
 Пословесно князю выговаривай:  
 «Ты, Владимир князь да и стольне-киевский,  
 А очисти-тка ты улицы стрелецкии,  
 Все широки двory княженецкии,  
 А наставь-ка ты хмельних напитокок,  
 Чтобы бочечка о бочечку и частехонько,  
 А частехонько были, близехонько,  
 Чтобы было б где стоять собаке царю Калине  
 Со своима и войсками со великима».  
 Тут поёзжает посланник в стольней Киев-град,  
 Он садился молодец да на добра коня,

70 Приезжал во славный стольней Киев-град,  
 Заезжал ко князю й на широкий двор,  
 Становил коня да й богатырьского,  
 Выходил на матушку й сыру землю,  
 Он спускал коня во двор да й не привязывал,  
 75 Скоро шел в палату белокаменну,  
 На пяту он дверь да й поразмахивал.  
 Не запира́л дверей в палату белокаменну,  
 Не снимал он кивера да й со головушки,  
 Не кладет креста он по писанному,  
 80 Не ведет поклонов по учёному,  
 А он князю Владимиру й не кланялся,  
 Яго всем князьям да й подколенным,  
 Положил он грамоту й на золот стол,  
 Пословесно князю й выговаривал:  
 85 «Ты, Владимир князь да й стольне-киевский,  
 А очисти-тка ты улицы стрелецкии,  
 Все широ́ки дво́ры княже́нецкии,  
 А наставь-ка ты хмельных напитокок,  
 Чтобы бочечка о бочечку й частёхонько,  
 90 А частёхонько были, близёхонько,  
 Чтобы было б где стоять собаке царю Кáлине  
 Со своима й войсками со великими».  
 Тут Владимир-князь да й стольне-киевский  
 А садился князь Владимир на ременчат стул,  
 95 А писал он грамоту й посыльную  
 А тому ль собаки царю Кáлины,  
 А просил он строку поры-времени,  
 Не на мало поры-времени—на три году,  
 На три году и на три месяца:  
 100 «Ай же ты, собака ли царь Кáлина,  
 А дай-ка мни сроку поры-времени  
 Не на мало поры-времени—на три году  
 Приочистить улицы стрелецкия,  
 Все широ́ки дво́ры княже́нецкии,  
 105 А наставить хмельных напитков,  
 Чтобы бочечка о бочечку частёхонько,  
 А частёхонько были, близёхонько,  
 Чтобы было б где стоять собаке царю Кáлине  
 Со своима й войсками со великими».  
 110 Подает он грамоту послу да й во белы руки,  
 Тут пошел посланник на широкий двор,  
 А садился посланник на добра коня,  
 Приезжал посланник к собаке царю Кáлине,

115      Подавает он грамоту посыльную  
           А тому ль собаке царю Кåлины.  
 Этот собака ли царь Кåлина  
           Прочитал он грамоту й посыльную  
           От того ль от князя й от Владимира,  
 А дает он яму строку поры-времени  
 120      Не на мало поры-времени — на три году,  
           На три году й на три месяца—  
           Приочистить улички стрелецкии,  
 Все ширьки двõры княженецкии,  
           А наставить хмельных напитокок,  
 125      Чтобы бочечка о бочечку й частёхонько,  
           А частёхонько были, близёхонько,  
           Чтобы было б, где стоять собаке царю Кåлине  
           Со своима й войсками со великима.  
 Да й прошло тут времячки по год поры,  
 130      Да й прошло тут времени по двå году,  
           Да й прошло тут времени по три году,  
           Ведь по три году й по три месяца.  
           Тут доклåдуют ко князю ко Владимиру:  
 «Ты, Владимир князь да стольне-киевский,  
 135      Ты сидишь во тереме златом верьхи,  
           А ты ешь да пьешь да й прохлаждаешься,  
           Над собой невзгодушки не ведаешь.  
 А ведь твой-то славный стольней Киев-град  
           В полону стоит да й под обидою,—  
 140      Обошла его литва поганая  
           А того ль собаки царя Кåлины,  
 Он хочет черных мужичков твоих повырубить,  
           Хочет божья церкви все на дым спустить,  
 А тебя, князя Владимира, в полон-то взять  
 145      Со Опраксией да королевишной,  
 А в полон-то взять да й голову срубить».  
           Прикручинился Владимир, припечалился,  
           Он ходил по горенке столовой,  
           Да й погуливал о столики дубовыи,  
 150      Да й ронил Владимир горячий слезы,  
           Говорил Владимир таковы слова:  
           «Ая глупость сделал князь да стольне-киевский —  
 Засадил дуродня й добра молодца,  
           Старого козåка Илью Муромца  
 155      А на тыя погребы глубокии,  
           А на тыи ледники холодныи,  
           А за тыя ль решетки за железныи,

Не на мало поры-времени—на три году,  
 На три году й на три месяца,  
 А который бы дуродней добрый молодец  
 Постоять бы мог за веру й за отечество,  
 Сохранить бы мог наш Киев-град,  
 А сберечь бы мог он церкви божии,  
 Да й сберечь бы мог меня, князя Владимира».

Тут у славного у князя й у Владимира  
 А любима й была дочь одинакая,  
 Говорит она да й таковы слова:  
 «Ай же, батюшка да й ты Владимир-князь,  
 А прости-ка ты й меня в вины великой,  
 А я сделала ключи поддельные,

Положила людей потаенных  
 На тьи погребы глубокии,  
 Да й снесли-та й ествушки сахарнии,  
 Да й снесли-та й питьвица медвяныи,  
 Да й перинушки-подушечки пуховыи,  
 Одеялушки снесли да й теплыи,  
 А сапоженки на ноженки сафьяныи,  
 На себя снесли да й кунью шубоньку  
 А шапку на головушку й соболиную  
 А тому ль дуродню добру молодцу,  
 Старому козаку Илье Муромцу.

Он есть жив богатырь святорусский,  
 В полону сидит да й под обидою,  
 Он не старится да й лучше ставится».

Тут Владимир князь да й стольне-киевский  
 А берет Владимир золоты ключи,  
 Да идет на погребы й глубокии,

Отмыкает погребы глубокии,  
 Усмотрел он дуродня добра молодца,  
 Старого козака Илью Муромца.

На себѣ у него да й кунья шубонька,  
 А сапоженьки на ноженьках сафьяныи,  
 На головке шапка соболиная,  
 Да й перинушки-подушечки пуховыи,  
 А одьялышки да й еще теплыи,  
 Перед ним стоит ествушка сахарнии,  
 Перед ним стоит питьвицо медвяныи,

В полону сидит богатырь святорусский,  
 Он не старится да й лучше ставится.

Тут Владимир князь да й стольне-киевский,  
 Он берет его й за ручушки за белые,

Да й за перстни брал да й за злачёныи,  
 Целовал во уста да й во сахарнии,  
 Да й повел его в палату белокаменну.  
 205 Приводил его в палату белокаменну,  
 Да й во горенку он во столовую,  
 Да й сажал за столики дубовыи,  
 За тыи за скамеечки окольнии,  
 Да й кормил яго ествушкой сахарной,  
 210 Да й поил яго питьвицем медвяным.  
 Говорит Владимир таковы слова:  
 «Ай же, старый козак ты Илья Муромец,  
 Ты прости меня в вины великой,  
 На меня ты, князя, ведь не гневайся,  
 215 А постой-ка ты за веру й за отечество,  
 Да й за тот за славный стольней Киев-град,  
 Да и за тыя ль за церкви да й за божии,  
 За меня за князя за Владимира,  
 Наш ведь Киев-град да й в полону стоит,  
 220 В полону стоит да й под обидою—  
 Обошла ведь его литва поганая  
 А того ль собаки царя Калины,  
 Хочет черных мужичков он всех вырубить,  
 Хочет божья церквы все на дым спустить,  
 225 А меня, князя Владимира, в полон возьмет  
 Со Опраксией да й королевишной».  
 Так тут старый козак да Илья Муромец  
 Он поел тут ествушек сахарниих,  
 Да й попил тут питьвицов медвяных,  
 230 Выходил за столиков дубовых,  
 Да й за тех скамеечек окольных,  
 Выходил на славный на широкий двор,  
 Да й на тот на славный стольне Киев-град.  
 Он ходил-гулял по городу по Киеву,  
 235 Цельный день гулял с утра й до вечера,  
 Заходил в свою палату й белокаменну,  
 Да й во тую ль горенку столовую,  
 Он сажался к столику дубовому,  
 А за тыи скамеечки окольнии,  
 240 Он псел тут ествушки сахарной,  
 Да й попил он питьвицов медвяных,  
 Спать ложился й на кроваточку тесовую,  
 Да й на тую ль на перинушку пуховую,  
 А поутрушку вставал ранёшенько,  
 245 Умывался он да до белёшенька,

Одевался он да й хорошёхонько,  
 Он одел одёжу драгоценную,  
 А снарядную одёжицу опальную,  
 Манишечки-рубашечки шелковыи.  
 250 Да й берет свой тўгой лук разрывчатой,  
 А набрал он много стрелочек каленых,  
 А берет свою он саблю вострую,  
 Свое вострое копье да й муржамецкое,  
 Выходил мōлодѣц тут на широкий двор,  
 255 Заходил он в конюшню во стоялую,  
 А берет тут молодец добра коня,  
 А берет коня за поводы шелковыи,  
 Яго добрый конь да й богатырский,  
 Не в примѣр лучше он выпоен да й выкормлен  
 260 У его ли паробка любимого.  
 Говорит тут старый козак Илья Муромец:  
 «Ай же, верный мой слуга ты неизменныи,  
 Я люблю тебя за то и жалую,  
 Что кормил, поил ты моего добра коня».  
 265 Он берет коня за поводы й шелковыи,  
 Выводил коня да й на широкий двор,  
 Становил коня он посреди двора,  
 Стал добра кōня мōлодец заседлывать,  
 Он заседлывал коня да й закольчуживал,  
 270 Садился мōлодѣц да й на добра коня,  
 Да й поехал мōлодец и с широка двора,  
 С широка двора в раздольице чисто полѣ,  
 Подъезжал ко рать-силы великойей.  
 Он вскочил на гору й на высокую,  
 275 Посмотрел на все четыре на сторонушки,  
 Он не мог нāсмотрѣть конца й краѣ силы  
 татарскойей,  
 А скрозь пару-та ведь лошадиного,  
 Да скрозь того пару человечьего  
 Да й не может пропекать да й красно солнышко,  
 280 Ото ржания да й лошадиного,  
 А от покриков да й человечецких  
 Ужახается сердечко й мōлодецкое.  
 А тут старый козак Илья Муромец  
 Он спускался с той горы высокойей,  
 285 Он тут ехал по раздольицу й чисту полю  
 А об эту ю рать-силу великую.  
 А скочил на ету гору на высокую,  
 Посмотрел на все четыре на сторонушки,

Он не мог на́смотреть конца́ й краёу силы́  
татарско́ей;

290 От того ли пару лошадиного,  
Скрозь того пару челове́чьего  
Не может пропекать да й красно солнышко.  
Ото ржания да й лошадиного,  
А от покриков да й челове́чских  
305 Ужасается сердечко й молоде́цкое.  
Старый козак Илья́ Муромец  
Он спускался с той горы́ высоко́ей,  
Он тут ехал по раздо́льицу й чисту́ полю,  
А об эту́ о ра́ть-силу́ великую.

310 Да й скочил на гору́ й на высоко́ую,  
Посмотрел на все четыре́ й на сторо́нушки,  
Посмотрел он в восточную́ сторо́нушку,—

А во той восточной сторо́нушки,  
Во славном во раздо́льице чистом поли  
315 Стоят добры́ кони́ богаты́рские  
У того́ ль они́ да й у бела́ шатра,  
Оны́ зоблю́т пше́ницу бело́ярову.

Так тут старый козак да Илья́ Муромец  
Он спуска́лся с той горы́ высоко́ей  
320 А поехал в восточную́ сторо́нушку  
Ко́ тому он да й ко́ белу́ шатру́,

Приезжал молоде́ц тут ко́ белу́ шатру́,  
Становил ко́ня он богаты́рского,  
Выходил на мату́шку й сыру́ землю́,  
325 Прина́кинул ко́ню й по́воды шелко́выи.

Он спу́стил ко́ня к по́лотноу́ бело́му,  
Яго́ й добрый ко́нь да й богаты́рский  
Смелой гру́дью шел к по́лотноу́ бело́му,  
А все добры́я кони́ расскочи́лиси.

330 Говорит старый козак тут Илья́ Муромец:

«А ве́дь ве́рно е́сть е́ще й во бело́м шатри́  
А мне-то е́сть е́ще бо́жья́ помо́чь».  
Тут старый козак Илья́ Муромец  
Заходи́л тут он да й во бело́й шатер.

325 А во том во славном е́о бело́м шатри́  
А его́ кресто́вый е́ще й ба́тюшка,  
А Сампсон-то е́сть да и Само́йлович  
Со сво́ей дру́жинушкой хоро́бро́ей.

Он сади́тся хле́ба-соли́ куша́ти,  
335 Говорит Самсон да й тако́вы слова́:  
«Ай же, крестни́чек да ты лю́бимый мой,



Старый козак да Илья Муромец,  
 А садись-ка с намы за единый стол,  
 А поешь-ка ествушки сахарней,  
 335 Ты попей-ка питьвицов медвянных».

А тут старый козак да Илья Муромец  
 А сядился молодец тут за единый стол,  
 Да й поел он ествушек сахарних,  
 Да й попил он питьвицов медвянных.

340 Тут удалыя дуродни добры молодцы  
 А ложатся спать да й во белом шатри.  
 Говорит Илья тут таковы слова:  
 «Ай же ты, крестовый ты мой батюшка,  
 А Сампсон же ты да и Самойлович!

345 А вы вся дружинушка хоробрая,  
 Вы й седлайте-тка коней богатырьских,  
 Да й поедemтa в раздольице в чисто поле,  
 Постоимтa за веру й за отечество,  
 Сохранимте мы да й стольний Киев-град,  
 350 Сохранимте мы да й церкви божии,  
 Сберегёмте мы князя й Владимира».

Говорит тут Самсон еще й Самойлович:  
 «Ай же ты, любимыи мой крестничек,  
 Старый козак да Илья Муромец,

355 А не будем мы коней седлатъ,  
 Не поедem в раздольице й чисто полё  
 В поле биться, больно й раниться  
 А на тьи на удары й на тяжелыи,  
 А на тьи ль побоища на смёртныи.  
 Много есть у князя й у Владимира,  
 360 Много есть господ да й бояринов,

Он их кóрмит, пойт, да он их жалуетъ,  
 Ничего ведь мы от князя й не предвидели».

Так тут старый козак да Илья Муромец  
 365 Он ведь бьет целом еще й на дру́гой раз,  
 Говорит тут молодец он таковы слова:  
 «Ай же ты, крестовый ты мой батюшка,  
 А Сампсон же ты да и Самойлович,  
 А вы вся дружинушка хоробрая,

370 Вы седлайте-тка коней богатырьских,  
 Да й поедemтa в раздольице в чисто поле,  
 Постоимтa за веру й за отечество,  
 Сохранимте мы да й стольний Киев-град,  
 Сохранимте мы да й церкви божии,  
 375 Сберегёмте мы князя й Владимира».

Говорит тут Самсон еще й Самойлович:

«Ай же ты, любимыи мой крестничек,

Старый козак да Илья Муромец,

А не будем мы коней седлать,

Не поедem в раздольице й в чисто полё,

В поле биться, больно й раниться

А на тыи на удары й на тяжелыи,

А на тыи ль побоища на смёртныи.

Много есть у князя й у Владимира,

Много есть господ да и бояринов,

Он их кóрмит, поит, да он и жалует,

Ничего ведь мы от князя й не предвидели».

Старый козак да Илья Муромец

А он бьет целом еще й по третий раз,

Говорит молодец да й таковы слова:

«Ай же ты, крестовый мой батюшка,

А Самсон же ты да и Самойлович!

А седлай-тка кóней богатырьских,

Мы поедemте в раздольице чисто поле,

Постоимте за веру за отечество,

Сохранимте вы да й церкви божии,

Сберегёмте вы князя Владимира».

Так тут все молодцы на покой легли.

А старый козак да Илья Муромец

Выходил молодец да из бела шатра,

Да й садился молодец тут на добра коня,

А поехал в раздольице й чисто полё

Да й ко той ли рать-силе ко великойей.

Подъезжал он ко рать-силе ко великойей,

Он просил себе тут бога на помочь,

Да й пречистую пресвятую богородицу,

Препускал коня он богатырьского

На етую на рать-силу великую.

А он стал как силы с крайчика потапынать,

Как куда проедет—падёт улицы,

Перевернется—дак переулками.

Яго добрый конь тут богатырскийи

Взлепетал языком человеческим:

«Ай же, старый ты козак да Илья Муромец,

Напускаешь ты на рать-силу й великую.

А ведь сила есть тут очинь сильняя,

А ведь воины-то есть могучии,

Поляницы есть ведь разудалыи;

Есть три подкопа подкóпаны глубоких,

420 Я прогрязну в первы ямы-подкопы глубокии,  
 Я оттуда с подкопов повыскочу,  
 А тебя Илью й Муромца повыздыну;  
 Я прогрязну в други ямы-подкопы глубокии,  
 А я с дру́гих ям-то ведь повыскочу,  
 425 А тебя Ильи Муромца й повыздыну;  
 Я й прогрязну в третьи ямы-подкопы глубокии,  
 Я ведь с третьих ям да как-нибудь повыскочу,  
 А тебя Ильи Муромца не выздыну».  
 Разгорелось сердце й у богатыря  
 430 А у старого ль коза́ка Ильи Муромца,  
 Говорит тут он да й таковы слова:  
 «Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок,  
 Ты оставить хочешь в ямах во глубоких!»  
 Он берет тут в руки плеточку шелковую,  
 435 Он тут бил коня да й по тучной бедра,  
 Первый раз он бил коня между ушей,  
 Дру́гой раз он между ноги между заднии,  
 А давал удары всё тяжелыи.  
 Яго й добрый конь тут богатырский,  
 440 По чисту полю он стал поскакивать,  
 Не в пример он зло поехал по чисту полю.  
 Он прогрязнул в первы ямы-подкопы глубокии,  
 А он с первых ям еще й повыскочил,  
 Да й козака Илью Муромца й повыздынул.  
 445 Он прогрязнул в други ямы-подкопы глубокии,  
 А он с дру́гих ям еще й повыскочил  
 Да й козака Илью Муромца повыздынул.  
 Он прогрязнул в третьи ямы-подкопы глубокии,  
 С третьих ям конь еще й повыскочил,  
 450 А коза́ка Илью Муромца й не выздынул,  
 Он свернулся с седлышка черкальского,  
 А упал в ямы-подкопы глубокии.  
 Не могли захватить коня й татарова,  
 Тут нападали татарова й поганыи  
 455 На того ль дуродня добра молодца,  
 Да й сковали Ильи да й ножки резвыи,  
 Да й связали Ильи да ручки белыи,  
 Да й хотели срубить буйну́ й головушку.  
 Говорят тут татарова поганыи:  
 460 «Не рубите-ка ему буйно́й головушки,  
 Это есть богатырь святорусьский,  
 Вы сведемте его к собаки царю Ка́лину,

Что он знает, над ним дак то пусть и  
делает».

Повели тут дуродня добра молодца

465

А к тому собаке царю Калину

Приводили к собаке царю Калину

А вот оне да и во бел шатер.

Говорит собака ли царь Калина:

470

«Ай же ты, стерва й молодой щенок,

Напускаешь ты й на рать-силу великую,

А ведь сила есть тут очень силняя,

Воины ведь есть могучии,

Паляницы есть ведь разудалыи,

Есть три подкопа подкопачи глубокии,

475

Ай же, старый ты козак да Ильи Муромец,

Не служи-ка ты князю ведь Владимиру,

Ничего ведь вы от князя не предвидите.

А служи ты мне собаке царю Калины,

Положу я тебе ествушку й сахарнию,

480

Положу я тебе питьвица медвяныи,

Я дарить буду й дары драгоценныи».

Говорит собака ли царь Калина:

«А раскуйте-ка Ильи вы ножки резвыи,

Развяжите-ка Ильи да ручки белыеи».

485

Расковали Ильи да ножки резвыи,

Развязали Ильи да ручки белыеи.

Старый козак тут Ильи Муромец

А вставал молодец на резвы ноги,

Говорит тут он да й таковы слова:

490

«Ай же ты, собака ли царь Калина,

Не могу я служить тебе собаке царю  
Калины,

У меня сделаны заповедей великии,

Что служить мне князю-то Владимиру,

Сохраниать мне надо стольний Киев-град,

495

Сберегать я й буду церкви божии,

Сохраниать буду веру православную,

Сберегать буду князя Владимира».

Так тут старый козак Ильи Муромец

Повернулся он тут в шатри белом,

500

Да й пошел в раздольице в чисто полё.

Говорит собака ли царь Калина:

«Ай же, мои вы слуги верныи,

Вы скуйте-ка Ильи да й ножки резвыи,

Вы свяжия Ильи да й ручки белыеи».

505 Тут нападали татарова поганыи  
 На того ль козака Илью Муромца,  
 А тут старый козак да Илья Муромец  
 Он схватил татарина как за ноги,  
 Он как стал татаринoм помахивать,  
 510 Он тут стал татар да й поколачивать,  
 А татары от него да й стали бегати.  
 А он бросил татарина тут в сторону  
 Да й пошел в раздольице й чисто поле.  
 Пригодились быть при себе свистки да й  
 богатырский,  
 515 Засвистал в свистки он богатырский —  
 Яго добрый конь тут богатырский  
 Прибежал он из чиста поля  
 А со всею сбруей богатырской.  
 А тут старый козак да Илья Муромец  
 520 Он берет коня за поводы шелковыи,  
 Садился молодец тут на добра коня,  
 Да й поехал по раздольицу й чисту полю.  
 Он вскочил на гору й на высокую,  
 Посмотрел в восточную сторонушку, —  
 525 А во той восточной сторонушки  
 А стоят кони богатырский  
 У того ли они да й у бела шатра,  
 Они зоблют пшеницу белоярову.  
 Так тут старый козак да Илья Муромец  
 530 Выходил на матушку й сыру землю,  
 Скоро й тугой лук разрывчатой отстегивал  
 От правого ль стремечки булатного,  
 Натянул тетивочку шелковую,  
 Наложил он стрелочку каленую,  
 535 Говорил Илья да й таковы слова:  
 «Ты просвистни, моя стрелочка й каленая,  
 А во славное раздольице чисто поле,  
 А пади-ка ты да й в етот бел шатер,  
 А ты выхвати крышку со бела шатра,  
 540 Да й пади Самсону на белы груди,  
 Выхвати цапеньку й немалую,  
 А немалую цапенку невредимую».

Да й спустил от тетивочку шелковую  
 А во ету стрелочку каленую.  
 545 Тут просвистнула яго стрелочка каленая  
 А во его славныи во белой шатер,  
 Она й выхватила крышку со бела шатра,

Она пала Самсону на белы груди.  
 У того ль Самсона у богатыря  
 560 Пригодился быть да крест на вороти,  
 Крест на вороти да й ровно три пуда.  
 Пробудился он от звону от крестового,  
 Да й вскочил Самсон тут на резвы ноги,  
 565 Говорит Самсон тут таковы слова:  
 «Ай же, мои братыца крестовыи,  
 Вы богатыри да святорусскиеи,  
 Вы вставайте, братцы, на резвы ноги,  
 Да й седлайте коней богатырских,  
 570 Прилетели нам гостинички-подарочки  
 От моего крестничка любимого,  
 А от старого козака Ильи Муромца,  
 А его ведь стрелочка каленая  
 Выхватила крышку й со бела шатра,  
 А пала мне да й на белы груди.  
 575 Вы поедемтя в раздольице в чисто поле,  
 Постоимтя за веру, за отечество,  
 Верно мало ему в поле можется,  
 Сохранимте мы да стольний Киев-град,  
 Сохранимте мы да й церкви божии,  
 580 Сберегемте мы князя й Владимира».  
 Тут удалыя дуродни добры молодцы  
 Оседлали коней богатырских,  
 А садились на коней богатырских,  
 А поехали в раздольице й чисто ноле,  
 585 А ко етой ко рать-силе великойей.  
 А старый козак тут Илья Муромец  
 Он тут смотрит с горы высокойей,  
 А куда поедут ети двенадцать да й  
 богатырей —  
 А ко рать ли силе ко великойей,  
 590 Аль во тде во раздольице чисто полё.  
 Тут поехали двенадцать-та й богатырей  
 А ко той ли рать-силе великойей,  
 А тут старыи козак да Илья Муромец .  
 Он поехал наперелуч тринадцатый.  
 595 Оны съехались тут, поздоровались,  
 Становили добрых коней богатырских,  
 Оны делали сговор между собой,  
 Как же им побить литва поганая.  
 Говорит старый козак да Илья Муромец:  
 600 «Ай же, мои братыца крестовыи.

Вы богатыри да святорусскии,  
А ведь сила есть тут очень сильная.

А ведь воины тут есть могучии,

Поляницы есть тут разудалыи,

595 Есть три подкопа подкопаны глубокии.

Тут удалый дуродни добры молодцы

А просили себе да й бога на помочь,

Пречистую пресвятую богородицу.

Припускали добрых коней богатырскиих

600 А на егую на рать-силу великую,

Стали силы с крайчика й потаптывать,

А куда поедут — падёт улицы,

Перевернётся — дак переулками.

Оны вытоптали силушку, повыкёлёлй

605 А того ль собаку царя Калину

А оне его да ведь и в плён брали.

Говорят удалы добры молодцы:

«А отрубимтя собаке буйну й голову».

Говорит старый козак да Илья Муромец:

610 «Ай же, мои братыица крестовыи,

Вы богатыри да й святорусскии,

Не рубите ему буйной головушки,

А свеземте яго да й во стольный Киев-град

А ко ласковому князю ко Владимиру,

615 Что он знает, над ним так то пусть делает».

Привозили тут собаку Калина

А во тот во стольный Киев-град

А ко ласковому князю ко Владимиру.

Говорят удалы добры молодцы:

620 «Ты, Владимир да й князь столыпе-киевский,

Привезли тиби царя Калину,

Что ты знаешь, над ним да то и сделаешь.

А яго мы рать-силу великую

Мы разбили в раздольице чистом поли».

625 Говорит тут князь Владимир таковы слова:

«Благодарствуй вас, могучии богатыри,

Что стояли вы за славный стольный Киев-град,

Охраняли да й церкви божии.

Сберегли меня князя Владимира».

630 А того собаку царя Калину

Отпустил во славу во темну Орду.

Да и тым былиночка й покончилась.

### ССОРА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Да й Владимир князь да й стольне-киевский  
 С Ильей Муромцем он порассорился.  
 Порассорился с козаком Ильей Муромцем.

А он не позвал казака Илью Муромца

5       А на тот на славный на почестный пир,  
       А пришло его Ильи да й за обидушку,  
 За великую пришло й досадушку.

      Он берет свой тугой лук разрывчатой,  
       А набрал он много стрелочек каленых,  
 10       Пошел ходить по городу по Киеву,  
       Он ходил-гулял о матушки божьи церкви,  
       А на тех на матушках божьих церквах

Он вси крестички золочены да й повыстрелял,  
 А все маковки он золочены повыломал

15       Из того ли он да из туга лука.

Тут вскричал Илья да й во всю голову,  
 Во всю голову скричал да й громким голосом:  
 «Ай же, пьяницы, голи кабацкие!

20       Выбегайте с кабаков, домов питейных,  
       Оберайте кресты, маковки да й золочены,  
       Вы несите в кабака, дома питейны,  
       А вы пейте зелено вино-та й досыти,  
       Пропивайте кресты, маковки да й золочены».

Услыхали пьяницы голи кабацкие,

25       Выбегали с кабаков, домов питейных,  
       Оберали кресты, маковки да й золочены,



А несли в кабака, дома питейны,  
Оны пили зелена вина там досыта.

Тут докладают ко князю й ко Владимиру:

«Ты, Владимир князь да стольне-киевский,  
Ты сидишь во тереме златом верьхи,  
А ты ешь да й пьешь да прохлаждаешься,  
Над собой невзгодушки не ведаешь.

Твой богатырь святоруський,

Старый козак да Илья Муромец  
Он ходил-гулял о матушки златы церкви,  
А на тых на матушках божьих церквах  
Он вси крестики золочены повыстрелял,  
А он маковки золочены повыломал  
Из того ли он да из туга лука.

А кричал Илья да й во всю голову,

Во всю голову скричал да й громким голосом:  
«Ай же, пьяницы, голй кабацкие,  
Выбегайте с кабаков, домов питейных,  
Оберайте кресты, маковки да й золочены,  
Вы несите в кабака, дома питейны,  
А вы пейте зелено вино-та й досыта,  
Пропивайте кресты, маковки да й золочены!».

Говорит тут князь Владимир стольне-киевский:

«Ай же вы, князья да мои бояры,  
Сильни руськийи могучийи богатыри,  
А вы думайте-тка думу крепкую,  
Как же мне с Ильей да помирится».

Тут Владимир князь да стольне-киевский

Заводил-то князь Владимир он почестный  
пир,

А почестный пир да й он на другой день,  
На многих князей, на многих бояров,  
Да й на сильниих могучиих богатырей,  
Да й на славных паляниц-та й разудалых.

Собирались все князья и бояры,

Сильни русския могучийи богатыри,  
Паляницы тут да й разудалы,  
А на тот да й на почестный пир.

Говорит тут князь Владимир стольне-киевский:

«Ай же вы, князья да вы и бояры,  
Сильни русския могучия богатыри,  
Паляницы вы да й разудалы,  
Мни кого из вас послать позвать козака Илью  
Муромца

А на тот на славный на почестный пир?

Самому пойти мне ведь не хочется.

А Опраксия послать, так не к лицу придет».

Говорит тут Владимир таковы слова:

«Ай же ты, молоденькой Добрынюшка Микитинец,

А сходи-ка ты к козаку Ильи Муромцу,

Позови его да й на почестен пир

А от имени от князя от Владимира,

А от имени Опраксьи королевичной».

Молодой Добрынюшка Микитинец,

Он ставал скореньку на резвы ноженки,

Одел шубку кунью на одно плечко,

Одел шапочку соболью на одно ушко,

Да й пошел к козаку Ильи Муромцу,

Приходил он к козаку Ильи Муромцу

А во тую палату белокаменну,

Проходил во горенку столовую.

Он ведь крест кладет да й по писанному,

А поклоны ведет да по ученому,

На дви, три, четыре сторонки поклоняется,

А козаку Ильи Муромцу в особенну.

Говорит Добрыня таковы слова:

«Ай же, братец мой да й ты крестовый мой,

Старый козак да Илья Муромец!

Ты не гневайся на князя на Владимира,

А пойди-ка к нему на почестный пир,

На почестный пир да й пированьице

А от имени от князя от Владимира,

А от имени Опраксьи королевичной».

Так тут старый козак да Илья Муромец

Он скореньку ставал да й на резвы ноги,

Одел кунью шубку на одно плечко,

Одел шапочку соболью на одно ушко,

Да й пошли на пир ко князю ко Владимиру.

Приходили ко князю й на широкий двор,

Проходили в палату белокаменну,

Да й во тую ль горницу столовую;

Старый козак да Илья Муромец

А он крест кладет да й по писанному,

А поклоны он ведет да й по ученому,

На дви, три, четыре сторонки поклоняется,

А он князю Владимиру в особенно,

Его всем князьям да й подколенным.

Говорит тут князь Владимир таковы слова!

«Ай же, старый козак да Илья Муромец,  
На меня ты князя ведь не гневайся,  
115 А садись-ка с нами за единый стол,  
Да й садись-ка ты во место бõльшее,  
Да й поешь ты ествушки сахарной,  
Да попей ты питьвицов медвяных».

Так тут старый козак да Илья Муромец  
120 А садился он да за единый стол,  
А во тое ль он во место бõльшее,  
Так тут все на пирѹ да й наедались,  
Наедались да оны досыти,  
125 Аще все на пирѹ да й напивались,  
Напивались до оны допьяна.  
Да и тым былиночка й прекончилась.

# ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ДОЧЬ ЕГОР

А биться боем-рукопашкою.  
 Выходили на матушку й сыру землю,  
 Оны бились боем-рукопашкою.  
 Эта й паляница разудалая  
 5 А весьма была злодогядлива,  
 Подходила к добру й молодцу й близёхонько,  
 Осадила молодца во конинный ступ,  
 А схватила молодца да й на косу бодру,  
 А сдынула молодца да й выше головы,  
 10 Да й спустила да й ниже пояса,  
 Ниже й пояса на матушку сыру землю.  
 Поскореньку становилась на белы груди,  
 Во руках она дёржит свой булатный нож,  
 А хотит срубить-то й буйную й головушку,  
 15 Распластать ему да й груди белые,  
 А достать его сердце й со печеньем.  
 Занесла свою да й ручьку правую,  
 Ручьку праву й занесла да й выше головы,  
 А хотит спустить да й ниже пояса.  
 20 Правая рука в плечё да й застояласи,  
 Во очах у ней свет да помущается,  
 Она стала у богатыря выпрашивать:

<sup>1</sup> Начало утрачено

35 «Ты скажи-тка, удалый добрый молодец,  
И с коёй земли ты и с коёй орды,  
Ты какого отца да ты есть матери,  
А кдою жё есть роду-племени,  
Как же тебя да именём зовут,  
Удалого звеличают по отчеству?»  
Старый козак тут Илья Муромец  
80 Размахнул свои да й очи ясныи,  
Он тут смотрит — стоит паляница на белой  
груди.

Во руках она дёржит свой булатный нож.  
Он ударил своей ручькой правую  
А со всёю силой богатырьской  
35 А по той палянице разудалой.  
Он тут сбил паляницу из белой груди,  
Поскореньку вскочил да на резвы ноги,  
Да й схватил паляницу й на косу бодрю,  
40 А сдвинул он паляницу выше головы,  
А спустил он паляницу ниже пояса,  
Ниже пояса на матушку сыру землю.  
Поскореньку становился на белы груди,  
Во руках он дёржит свой булатный нож,  
45 Он занёс свою да й ручьку й правую,  
Ручьку правую занёс он выше головы,  
Да й хотит спустить да й ниже пояса.  
Правая рука в плечё да й застояласи,  
Во очах у няго свет да й помущается,  
50 Он тут стал у паляницы повыспрашивать:  
«Ты скажи мни, паляница й разудалая,  
Ты с коёй земли и с коёй орды,  
Ты какого отца да ты есть матери,  
А кдою же есть роду-племени,  
55 Как же тебя да именём зовут,  
Удалого звеличают по отчеству?».  
Говорила паляница, слёзно плакала:  
«Ах ты, старая базыка новодревная,  
Теби просто надо мною надсмехатися,  
60 Как стоишь ты на моих на грудях белых,  
Во руках ты дёржишь свой булатный нож,  
Ты хотишь срубить мне буйную й головушку,  
Распластать мои да груди белые,  
А достать мое сердце со печеньей,  
65 Если была б я да на твоёй груди,  
Не спросила бы ни баюшки, ни матушки,

Да й не твдего бы роду-племени,  
А срубила бы тебе буйнѹ й головушку.  
Распластала бы тебе да груди белыи,  
А достала бы твое сердце со печеньей,  
Да й забросила бы молодца да за ракитов  
куст».

Разгорелось сердце й у богатыря,  
А у старого козака Ильи Муромца.  
Он занес свою да й ручьку правую,  
Ручьку правую занес он выше головы,  
Да й хотѣт спустить да й ниже пояса.  
Правая рука в плечѣ да й застоялася,  
Во очах у няго свет да й помущается,  
Он тут стал у паляницы повыспрашивать:  
«Ты скажи мне, паляница й разудалая,  
Ты с коѣй земли и с коѣй орды,  
Ты какого отца да ты есть матери,  
А кѣго же есть роду-племени,  
Как же тебя именѣм зовут,  
Удалого звеличают по отечеству?»  
Говорила паляница, слѣзно плакала:  
«Ах ты, старая базыка новодревная.  
Теби просто надо мною надсмехатися.  
Как стоишь ты на моих на грудях белых,  
Во руках ты дѣржишь свой булатный нож,  
Ты хотѣшь срубить мне буйную й головушку,  
Распластать мои да груди белыи,  
А достать мое сердце со печеньей.  
Если была б я да на твоѣй груди,  
Не спросила бы ни батюшки, ни матушки,  
Да й не твдего бы роду-племени,  
А срубила бы тебе буйнѹ й головушку,  
Распластала бы тебе да груди белыи,  
А достала бы твое сердце со печеньей,  
Да й забросила бы молодца да за ракитов  
куст».

Разгорелось сердце й у богатыря,  
А у старого козака Ильи Муромца.  
Он занес свою да й ручьку правую,  
Ручьку правую занес он выше головы,  
Да й хотѣт спустить да й ниже пояса.  
Правая рука в плечѣ да й застоялася,  
Во очах у няго свет да й помущается,  
Он тут стал у паляницы повыспрашивать:

110 «Ты скажи мне, паляница й разудалая,  
 Ты с коёй земли и с коёй орды,  
 Ты какого отца да ты есть матери,  
 А кдо же есть роду-племени,  
 Как же тебя именём зовут,  
 Удалого звеличают по отчеству?»  
 Говорила паляница, слезно плакала:  
 115 «Когда стал ты у меня про то выспрашивать,  
 Я буду тебе про то высказывать:  
 Ёсть й со славною с темной орды,  
 И с темной орды да хоробрый Литвы,  
 От того короля я хоробровського,  
 120 А ведь мать моя была калашница,  
 А она ли хорошо да й калачи пекла,  
 Она тем меня еще й возростила.  
 Я стала иметь велику силу й в могучих  
 плечах,  
 Избирала коня я й богатырьского,  
 125 А поехала в раздольице й чисто поле,  
 Да й на тую ль матушку святую Русь  
 Поискать себе да й роду-племени».  
 Так тут старый козак да Илья Муромец  
 Поскореньку скочит с грудей белых,  
 130 Он берет ее за рученьки за белые,  
 Да й за перстни брал да й за злачёныи,  
 Целовал ее в уста да й во сахарнии,  
 Называл свдеей дочерью любимоей,  
 Он кормил тут ёю ествушкой сахарнеей,  
 135 Да й поил ёю питьвицей медвяноей,  
 Оны друг с другом тут распростилиси,  
 Распростилиси оне й, разъехались.  
 Эта паляница разудалая  
 А поехала в раздольице в чисто поле,  
 140 А старый козак да Илья Муромец  
 Он поехал в раздольице в чисто поле  
 К тому сыру дубу крякновисту,  
 Становил коня да й богатырьского,  
 Он раздернул тут полотно белое,  
 145 Насыпал коню пшены да й белояровой,  
 После драки-бою-кроволития  
 Сам ложился спать да й во белом шатри,  
 Заснул тут он да й богатырским сном.  
 А эта паляница й разудалая  
 150 Она ездила в раздольице в чистом поли,

Она ездила да й пораздумала:  
«А ведь съездилъ я на матушку святую Русь,  
А надсмешечку да й себи й добыла,  
А наехала я мужика деревеньщину,  
155 Назвал матку б....., меня выб.....,  
Я поеду в раздольице в чисто поле  
А убью я мужика да й деревеньщину».  
Поворачивалъ коня да й богатырского  
А поехала да й ко белу шатру.  
160 Конь козака Ильи Муромца  
А он бьет копытом о сыру землю,  
А он будит козака Илью Муромца.  
Старый козак да Илья Муромец  
А не может проснуться от богатырска сна.  
165 Ета паляница разудалая  
Подъезжала она да ко белу шатру,  
Она сдернула крышку со бела шатра,  
Она бьет рогатиной звериной,  
А старого козака по белой груди.  
170 У старого козака Ильи Муромца  
А случился крест да й на белой груди,  
Пробудился он от звону й от крестового,  
Размахнул свои да й очи ясныи,  
Смотрит—стоит паляница разудалая,  
175 Она бьет рогатицей звериной.  
Поскореньку он скочил тут на резвы ноги,  
Он схватил паляницу за праву руку,  
За праву руку да й за ляву ногу  
Пополам паляницу он тут перервал,  
180 Говорил тут он да й таковы слова:  
«А не твой же кус да й не тебе поесть,  
Не тебе побить козака Илью й Муромца.»  
Половину он бросал серым волкам,  
А другую половину й черным воронам.  
185 Да й сажился молодец тут на добра коня,  
Да й поехал на заставу й московскую,  
Приезжал на заставу московскую,  
Становил коня он богатырского,  
Выходил на матушку й сыру землю,  
190 А он после драки-бою-кроволития  
А ничем он своим братьям не хвастает.  
Да и тым былиночка й покончилась.



ВТОРОЯ БОЯ ДОБРЫНИ МИКИТИНЦА  
СО ЗМЕЕМ ГОРЫНИЩЕМ

Как во стольном городе во Киеве,  
 Да й у ласкового князя й у Владимира  
 Был хорош почестный пир да й пированьица,  
 На многих князей, на многих бояров,  
 Да й на сильнях, могучиих богатырей,  
 Да й на славных паляниц-та й разудалых.  
 Красна́я солнышко на вечера,  
 Да й идет почестный пир на веселе,  
 Все молодцы да й на честном пиру  
 На честном пиру да й пьяны-веселы.  
 А Владимир князь да стольне-киевский  
 Он по горенки столовой похаживал,  
 А о столики дубовыя й погуливал,  
 Говорит тут князь Владимир таковы слова:  
 «Ай вы, мои князья и бояра,  
 Сильни руськии могучии богатыри,  
 Паляницы вы да й разудалыи,  
 А вы думайте-тка думу крепкую —  
 Мне кого бы послать из вас повыехать  
 В далече, в далече й во чисто поле,  
 Да й на славныя на горы Сорочиньскии,  
 А сходить во норы во змеинны  
 По мою ль плевницу любимую,  
 По прекрасную Забавушку й Путятичну,

Привезти ее да й на широкий двор,  
 Привезти в палаты белокаменны,  
 Да й во ты ль во горенки столовыи,  
 Да й подать ее мне во белы руки».

Тут все молодцы да й на честном пиру,  
 На честном пиру да й преумолкнули,  
 Приумолкнули да й затулялися,  
 Аще й старшая тулечка ко средней,  
 А середня тулечка й за меньшую,  
 А от меньшей тулечки ответу нет,

Таковых людей во граде не находится.  
 Тут с-за тых ли столиков дубовых.  
 Из-за тых скамеечек окольных,  
 Выходит Олошенька Григорьевич.

Он по горенке столовой похаживал,  
 Пословесно Олеша выговаривал,  
 Говорит Алеша таковы слова:

«Ты, Владимир князь да стольне-киевский,  
 А я знаю тебе й кого послать повыехать  
 А во то ль раздольице чисто полё,  
 Да й на славныя на горы Сорочинский,  
 Да й сходить во норы во змеинны  
 По твою ли плевницу любимую,  
 За прекрасной Забавушкой Путятишной,  
 Привезти ее к тебе да на широкий двор,  
 Привезти в палаты белокаменны,  
 Да й во ты ль во горенки столовыи,  
 Да й подать ее да й во белы руки.

Ты пошли-ка молодого Добрынюшку,  
 У того ль Добрынюшки Микитинца  
 А со той Змеинищей Горынищей  
 А на той на славной на Пучай-реки  
 Его сделаны записи великии,  
 А великия записи немалыи —

Не съезжаться й не слетаться им в чистом поли,  
 А не делать драки-бою-кроволития,  
 Кроволития да й промежду собой».

Тут Владимир князь да стольне-киевский  
 Он берет-то й чару во белы руки,  
 Наливает чару зелена вина,  
 Он немалую стопу да полтора ведра.  
 Разводил медами всё стоялыми,  
 Подносил к молодому Добрынюшки.  
 Молодой Добрынюшка Микитинец

Поскореньку вставал да й на резвы ноги,  
 Принимал он чару й во белы руки,  
 Принимал он чарочьку одной ручькой,  
 Испивал он чарочьку одним душкѡм,  
 На ногах стоит да й не шатается,  
 А он с князем говорит он не мешается:  
 75 «Благодарствуй, князь Владимир стольне-киевский,  
 За твое ли сладко винцо й водочку,  
 За твои ли сладкие й напитки.  
 А ведь еду я в раздольице чисто поле,  
 А на славныя на горы Сарачинский,  
 80 А сходить во норы во змеинны  
 По твою ли плевницу й любимую,  
 По прекрасную Забавушку й Путятишну,  
 Привезти к тебе да й на широкий двор,  
 Провести в палаты белокаменны,  
 85 Да й во тыя ль горницы столовыи,  
 А подать тебе да во белы руки».  
 Тут Владимир князь да стольне-киевский  
 Подходил к козаку Ильи Муромцу,  
 Говорил козаку й таковы слова:  
 90 «Ай же, старый козак ты Ильи Муромец,  
 Наложу я на тебя служебку великую,  
 А великую служебку немалую —  
 А съезди-тка во землю Шведскую,  
 А к тому ли королю ко шведскому,  
 95 А свези-тка дани ему выходы,  
 Дани-выходы да й за двенадцать лет».  
 Тут Владимир князь да й стольне-киевский  
 Подходил к Михайлы сыну Пѡтыку,  
 Говорил ему да таковы слова:  
 100 «Ай же ты, Михайло Пѡтык сын Иванович,  
 Наложу я на тебя слѹжебку немалую,  
 А немалу слѹжебку й великую —  
 А ты съезди-тка да й в хоробрѹ Литѹ,  
 Ко тому ль кѡролю хоробровскому,  
 105 Получи-тка дани еще й выходы  
 Не за мало поры-времени — двенадцать лет,  
 За двенадцать лет да й с половиною».  
 Молодой Добрынюшка Микитинец  
 Он ставал за столика дубового,  
 110 Да й прошел он из палаты белокаменной,  
 Выходил во славный во широкий двор,  
 Приходил в свою палату белокаменну,

Во свою во горенку столовую.  
 Да й сажился Добрыня на ременчат стул,  
 115 Ясны очюшки втопил да й во кирпичный пол.  
 Говорит Добрыне родна матушка:  
 «Ай же, свет мое ты чадо милое,  
 Молодой Добрынюшка Микитинец!  
 Что же невесел ты пришел да й со честна пира,  
 120 Ясны очюшки втопил да й во кирпичный пол?  
 Али место было Добрынюшке не по чину,  
 Али чарою Добрынюшку приобнесли,  
 «Али пьяница-дурак да й приобгалился?»  
 Говорил Добрынюшка Микитинец:  
 125 «Ай же, свет моя ты государыни,  
 Государыня ты родная матушка.  
 А ведь место в пиру мне было по чину,  
 Да ведь чарою Добрынюшку не обнесли,  
 Да ведь пьяница-дурак да не обгалился,  
 130 Только несчастного Добрынюшку спородила,  
 Ты несчастного молодого Добрынюшку.  
 А Владимир князь да стольне-киевский  
 Наложил на меня службу немалую,  
 А немалую службу, великую —  
 135 Съездить в дăлече, в далече, во чисто поле,  
 Да й на славны тьи горы Сорочинский,  
 Да й сходить во норы во змеинны  
 По яго той плевницы любимую,  
 А прекрасную Забавушку й Путятишну,  
 140 Привезти ее да й на широкий двор,  
 Провести в палаты белокаменны,  
 Да во тую ль во горницу столовую,  
 А подать ему да й да во белы руки».  
 Говорит тут Добрыни родна матушка:  
 145 «Ай же, свет ты мое да й чадо милое,  
 Молодой Добрынюшка Микитинец!  
 Ты поешь-ка ествушки сахарной.  
 Ты попей-ка питьвицов медвяных,  
 Спать ложись-ка на перинушку пуховую,  
 150 А ведь утро бывает мудренее вечера».  
 Молодой Добрынюшка Микитинец  
 Он поел тут ествушки сахарной,  
 Да й попил тут питьвицов медвяных,  
 Спать ложился й на кроваточку тесовую.  
 155 Да й на тую на перинушку пуховую.  
 А иоутрушку было й ранешенько,

До восходу-то й до зари утренней,  
Да выстѣванья да й солнца красного  
А будила й Добрыню рѣдна матушка:  
«Ай же, свет мое ты чадо милое,  
Молодой Добрынюшка Микитинец,  
Ты вставай-ка, молодец, да й на резвы  
ноги,

А ты делай-ка дело повелѣнное».   
Молодой Добрынюшка Микитинец  
Поскореньку вставал тут на резвы ноги,  
Умывался он тут да белѣшенько,  
Одевался он да й хорошоохонько,  
Одевал свою одѣжу драгоценную,  
А манишечки-рубашечки шелковьи,  
Он берет свой тугой лук разрывчатой,  
Да й набрал он много стрелочек каленых,  
Он берет свою да й саблю вострую,  
Свое й вострое копье да муржамецкое,  
А шалыгу бирет да й поддорожную.  
Выходил молодец тут на широкий двор.

Заходил в конюшенку стоялую,  
А берет тут молодец добра коня,  
Он берет коня за поводы шелковыи,  
Выводил коня да й на широкий двор,  
Стал добра кѣня молодец засѣдлывать,  
Он засѣдлывал коня да й закольчуживал,  
Тут садился мѣлодец да й на добра коня,  
А поехал молодец тут с широка двора,  
С широка двора в раздольице й чисто полѣ.

Тут ведь свет честна вдова й заплакала  
Женским голосом а во всю голову:  
«Ай же, свет мое ты чадо милое,  
Молодой Добрынюшка Микитинец,  
Ты поедешь на горы Сорочинскии,  
А будешь ходить во норы во змеинныи,  
Етая Змеинища й Горынища  
Растерзает твое да й тело белое,  
Она выпьет Добрынюшки горячу кровь».

Молодой Добрынюшка Микитинец  
Он ведь едет раздольицем чистым полем,  
Коротает путь-дорогу во чистом поли.  
Приезжает он на горы Сорочинскии,  
А он ездит по горам да Сорочинскиим,  
Он тут топчет малых лютых змеенышей,

200 Яго й добрый конь тут богатырский  
 А не можат ходить да й по чисту полю —  
 Еты змееныши поганыи  
 А тому ль Добрынину добру коню  
 205 Подточили резвы ноженьки по щеточкам.  
 Молодой Добрынюшка Микитинец  
 Он берет в руки плеточку шелковую,  
 Он тут бил коня да й по крутым бедрам,  
 Он давал удары всё тяжелыи.  
 Первой раз он бил коня между ушей.  
 210 Другой раз он между ноги между заднии,  
 Яго добрый конь да й богатырския  
 По чисгу полю-раздолью стал поскакивать,  
 А целой версты да й перемахивать,  
 По ножку в землю да й угрызывать,  
 215 По сенной копны земли выхватывать,  
 За три выстрёла от ног камня выбрасывал,  
 Потоптал он много-множество змеенышей.  
 Подъезжал к норы он ко змеиной,  
 Становил коня он богатырского,  
 220 Выходил на матушку й сыру землю.  
 Он походит в нору тут змеиную.  
 Во праву руку берет он саблю вострую,  
 Во ляву руку копье да й муржамецкое,  
 А под леву пазуху он палицу булатную,  
 225 А за пояс клал шалыгу поддорожную.  
 Да й пошел во нору во змеиную,  
 А у той Змеинице Горинице,  
 А во ту ль нору во змеиную  
 А поставлены двери ты железныи,  
 230 Да й запоры положены ведь медныи,  
 А нельзя войти дуродню добру молодцу.  
 Молодой Добрынюшка Микитинец  
 Он запоры повыкидал тут медныи,  
 А он двери выставил железныи,  
 235 Проходил он в нору й во змеиную.  
 А во той во норы во змеинны  
 Там сидят все пѣлоны росейскыи,  
 И сидят там князьи да бѣяра,  
 Сильни русскыи могучии богатыри,  
 240 Паляницы сидят там разудалыи.  
 Молодой Добрынюшка Микитинец  
 Проходил он по норы да й по змеиной,  
 Смотрит — сидит Змеиница й Горынища,

- 245      А рядом с ней Забавушка Путятишна.  
Говорит Добрынюшка Микитинец:  
    «Ай же ты, Забавушка Путятишна,  
    А поедем-ка со мной во славный Киев-град  
    А ко ласковому князю й ко Владимиру,  
Из-за тебя я по горам да ведь и странствую,  
250      Из-за тебя хожу по норам я змеиным».  
Говорит Змеинище й Горынище:  
    «Ай же ты, Добрынюшка Микитинец,  
    Ты нарушил заповедь великую,  
    Не отдам тебе Забавушки Путятишной».
- 255      Говорит Добрынюшка Микитинец:  
    «Ай же ты, змея проклятая,  
    А я ль нарушил заповедь великую?  
    А зачем ты летела через Киев-град,  
    А зачем ты припадала ко сырой земли,  
260      Унесла Забавушку Путятичну  
А на тьи ль горы Сорочинский,  
    Да й во тьи во норы во змеиный?  
А поедем-то со мной ты во чисто поле,  
    Поотведаем-ка нашу силу богатырскую».
- 265      Тут Змеинища Горынища спужаласи  
    А того ль молодого Добрынюшка:  
    «Нагой был Добрынюшка Микитинец  
    А у той ли славной у Пучай-реки,  
    А он чуть не отрубил моих голов змеиных,  
270      А теперь у молодого Добрынюшки  
    Во правдой руки да й сабля вострая,  
    Во лядвой руки копые да й муржамецкое,  
А под левою пазухой палица булатная,  
    А за поясом шалыга поддорожная».
- 275      Молодой Добрынюшка Микитинец,  
    Он берет тут Забаву за белы руки,  
    А повел с норы да он змеиноей,  
    А пошли вси полоны российский,  
    Выходили на матушку на сыру землю,  
280      А на славных на горы Сорочинский.
- Молодой Добрынюшка Микитинец  
    Он поставил все двери тут железный,  
    Положил запоры-ты он медный,  
    Говорил Добрыня таковы слова:  
285      «А теперь ты, змеинище, ведь там сиди,  
    Не бывать тебе, змеи, да й на белом свети,  
    Не видать тебе, змея, да света белого, —

Не видать тебе да солнца красного».  
Тут молоденькой Добрынюшка Микитинец  
Он сажал Забаву на добра коня,  
На добра коня да к головы хребтом,  
А он сам садился к головы лицом,  
Да й поехал по раздольицу чисту полю,  
А ко славному ко городу ко Киеву.  
Коротают путь-дорожку во чистом поли,  
Приезжают во славный стольний Киев-град,  
Заезжает ко князю й на широкий двор.  
Становил коня он богатырьского,  
Выходил на матушку й сыру землю  
Опускал Забавушку й Путятишну  
А с того ли он да со добра коня,  
Он повел ю в палаты белокаменны,  
Проводил во горенку во столовую,  
Становил он к столику й дубовому,  
Подавал он князю й во белы руки.  
Говорит тут князь Владимир стольне-  
киевский:  
«Благодарствуешь, молоденькой Добрынюшка,  
Что привез мою любимую племянницу».  
Да и тым былиночка й покончилась.



## ДОБРЫНЯ И МАРЫНА

Как три году молодец-та стольничал,  
 Да й три году молодец-та й чашничал,  
 Да й три году молодец да й у ворот стоял:

Молодой Добрынюшка Микитинец

Похотел гулять по городу й по Киеву,  
 Он по славным по улицам широкиим,  
 Да й по славным переулкам княженецким.

Говорит Добрыни родна й матушка:

«Ай же, свет мое ты чадо милое,  
 Молодой Добрынюшка Микитинич,

Ты гуляешь по городу й по Киеву,  
 А по славным по улицам широкиим,  
 А по славным переулкам княженецкиим.  
 Ни ходи-ка ты во тую й во татарскую  
 слободушку,

А во тую ль Маринкиную улицу:  
 А побила й Маринка трех богатырей,  
 Да й побьет тебя Добрынюшку й четвертого»

Молодой Добрынюшка Микитинец

Родной матушки своей не слушался,  
 Он по утрушку вставал ранёшенько,

Умывался он да й да белёшенько,  
 Одевался он да й хорошёхонько,  
 Да й манишечки-рубашечки шелковыи,  
 Он берет свой тугой лук разрывчатой,

28 Да й набрал он много стрелочек каленых  
Он берет свою да й саблю вострую,  
Выходил молодец на славный Киев-град.  
Он ходил-гулял по городу по Киеву,  
А он цельный день с утра й до вечера.  
30 Заходил он в татарскую й слободушку,  
А в ту ю ль Маринкину улицу.  
У Маринкиных палат да й белокаменных  
Пораздернуты шатры да й полотнянныи,  
А во тых шатрах да й полотнянныих  
35 Там Маринка с татаринoм лобзается.  
Ето й дело Добрыне не слюбилоси,  
Не слюбилось дело й не в любви пришло.  
Он берет-то тугой лук да й во белы руки,  
Натянул тетивочку й шелковую,  
40 Наложил он стрелочку й каленую,  
Да й спустил тетивочку шелковую  
А во ету стрелочку каленую.  
Тут просвистнула яго стрелочка каленая  
А во етого ль татарина й поганово,  
45 Пополам татарина он перервал.  
Тут Маринки ето дело й не слюбилоси,  
Не слюбилось дело й не в любви пришло,  
А подходит к добру молодцу й близехонько.  
Молодой Добрынюшка Микитинец  
50 Он пошел от Маринки тут в сторонушку,  
Да й пошел Добрынюшка во другую,  
Никуда Добрынюшки тут ходу нет.  
Молодой Добрынюшка Микитинец  
Говорит Маринки таковы слова:  
55 «А идешь ли ты, Маринка, замуж за богатыр  
За молодого ль Добрынюшку й Микитинца?»  
Говорила Маринка й таковы слова:  
«Я три году ведь госпoду молиласи,  
Как попасть бы замуж за богатыря,  
60 За молодого ль Добрынюшку Микитинца».  
Молодой Добрынюшка Микитинец  
Он берет Маринку й за белы руки,  
Он за рученьки берет ее й за белыи,  
А за перстни брал да за злаченыи,  
65 А повел в раздольице в чисто поле.  
А венчался он с Маринкой окол кустышка,  
Окол кустышка венчался он ракитова,  
А провел Маринку ровно три разà,

Становил Маринку й супротив себя,  
Говорит Маринке таковы слова:  
«Ты теперь, Маринка, ведь мужня жёна,  
Ты должна мужу повиноватися».

Как смахнул Добрыня саблей востроей,  
Отрубил Маринке резвы й ноженьки,  
Говорил Добрыня й таковы слова:

«А зачем же еты резвы й ноженьки  
Оплетали татарина й поганого?»  
Как смахнул Добрыня саблей востроей,  
Отрубил Маринке белы й рученьки,

Говорит Добрыня таковы слова:  
«А зачем же еты белы рученьки  
Обнимали татарина й поганого?»  
Да й смахнул Добрыня саблей востроей,  
Отрубил Маринке уста сахарныи,  
Да й и тут Маринке и славу поют.  
А и тым былиночка й покончилась.

## ЖЕНИТЬБА КНЯЗЯ ВЛАДИМИРА

Как во славном городе во Киеви,  
А у ласкового князя й у Владимира  
Был хорош почестный пир да й пированьица,  
На многих князей, на многих бояров,  
5 Да й на сильнях могучинх богатырей,  
Да й на славных паляниц-та й разудалых.  
Красная солнышко на вечера,  
Да й хорош идет почестный пир на веселе,  
Все молодцы вы на честном пиру,  
10 На честном пиру да й пьяны-веселы.  
А Владимир-князь да й стольне-киевский  
Он по горенки столовоей похаживал,  
А о столики дубовыя й погуливал,  
Говорит тут князь Владимир таковы слова:  
15 «У нас красно й солнышко й на вечера,  
А хорош идет почестный пир на весели,  
Все молодцы вы на честном пиру,  
На честном пиру да й пьяны-веселы,  
А ведь все вы, молодцы, поженены,  
20 За вас красны девушки замуж даны,  
Только я один хожу холост не женой.  
Вы й не знаете ли, братцы, супротивницы,  
Чтобы ростом была да й высокешенька.  
А ведь станом была она й примешенька.  
25 Умом-разумом да й не глупешанька,  
Как бы личушком была да й снегу й белого,

30 А ведь очюшки были бы ясна сокола,  
А ведь бровушки были бы чёрна соболя,  
А походочкой была на лани белыи,  
А на белыя лани, златорогии,  
Чтобы было мни молодцу с кем жить да быть,  
А вам молодцам да й поклонягися?»  
Так тут все мѡлодцы да й на честнѡм пиру  
На честнѡм пиру да й преумолкнули,  
35 Преумолкнули да й загулялиси,  
Аще й старшая тулечка ко средней,  
А середня тулечка й за меньшую,  
А от меньшей тулечки ответа нет,  
Таковых людей во граде не находится.  
40 Из-за тых ли столиков дубовых,  
Из-за тых скамеечек окольных  
Выходил старѡй Спермечь да й сын Иванович,  
Становился он во горенки столовой,  
А супрѡтив столичка дубового,  
45 Супрѡтив он князя да й Владимира,  
Низко бѣет целом да й поклоняется  
А до тых полов да й до кирпичных,  
Говорит тут он да й таковы слова:  
Ты Владимир князь да стольне-кеевской,  
50 Благѡсловѡй-ка, государь, словечко й  
вымолвить,

Я ведь знаю тебе да й супротивницу  
А ведь ростом была да й высокѣшенька,  
А ведь станом была она й примѣш ныка,  
Умом-разумом да й не глупѣшанька,  
85 Как бы личушком была да й снегу й белого,  
А ведь очюшки были бы ясна сокола,  
А ведь бровушки были бы чёрна соболя,  
А походочкой была на лани белыи,  
А на белыя лани, златорогии.  
60 А было бы тебе молодцу с кем жить да быть,  
А ведь нам молодцам да й поклонягися.  
Есть во славной хоробрѡй Литвы  
У того ль королѣ да й хоробровьского  
Есть двѣ дочери да й двѣ любимыи.  
65 Старша дочь — Настасѡя королевична,  
Не сидит она в тереме девицею,  
Она ездит в поле паляницею.  
Младша дочь Опраксѣя королевична,  
Она й сидит во тереме златѡм верьхи,

70 На ню й буйны ветры й не обвеяли,  
 На ню й добрыи люди не оббаяли».

Говорит тут Владимир-князь стольне-киевский:  
 «Ай же вы, мои князья да бояры,  
 75 Сильни русския могучия богатыри,  
 Поляницы вы да й разудалыи,  
 Мне кого из вас послать-та ведь посвататься,  
 К тому ли королю да й хоробровьскому,  
 На его ли дочери любимоей,  
 На прекрасной Опраксьи корол вичной?»

80 Так тут все молодцы да на честном пиру  
 На честном пиру да й преумолкнули.  
 Говорит Спермеч да й сын Иванович:  
 «Ты Владимир-князь да стольне-киевский,  
 Я ведь знаю, кого тебе послать посвататься

85 Ко тому ли королю да ко литовскому,  
 На его ли дочери любимоей,  
 На прекрасной Опраксьи королевичны.  
 Ты пошли-ка тихого Дунаюшка:  
 А ведь тихий Дунай да много земель знавал,  
 90 А ведь тихий Дунай да во послах бывал,  
 А ведь тихий Дунай да й говорить горазд».

Тут Владимир-князь да стольне-киевский  
 Он берет свою чару во белы руки,  
 Наливал он чару й зелена вина,  
 95 Он немалую стопу да й полтора ведра,  
 Разводил медамы все стоялыми,  
 Подносил он к тихому Дунаюшку.  
 Тихий Дунаюшка Иванович  
 Поскореньку вставал да й на резвы ноги.

100 Принимал он чару й в белы руки,  
 Принимал он чарочку одной ручькой,  
 Испивал он чарочку одним душком,  
 На ногах стоит да й не шатается,  
 Говорит он с князем, не мешается:

105 «Благодарствуй, князь Владимир стольне-  
 киевский.  
 За твое ли сладко винцо-водочку,  
 За твоё ли сладкие напитки.  
 А ведь еду я-то в землю дальнюю,  
 А во тую ль славну хоробру Литву,  
 110 Ко тому же королю хоробровьскому,  
 На яго ли дочери посвататься,  
 На прекрасной Опраксьи королевичной

За тебя за князя за Владимира.  
 Только дай мне еще ты й во товарищах  
 115 Своего же мне брата крестового,  
 Молодого Василья ты Казимирѣвъ.  
 Тут Владимир князь да стольне-киевский  
 Он берет свою чару во белы руки  
 Наливал он чару й зелена вина,  
 120 Он немалую стопу да й полтора ведра,  
 Разводил медамы всё стоялыми,  
 Подносил он к молодому Васильюшку.  
 Молодой Василий тут Казимиров  
 Поскорѣшеньку вставал он на резвы ноги,  
 125 Принимал он чару во белы руки,  
 Принимал он чарочьку одной ручькѣй,  
 Испивал чарочьку одним душкѣм,  
 На ногах стоит да й не шатается,  
 Говорит он с князем, не мешается:  
 130 «Благодарствуй, князь Владимир стольне-  
 киевский,  
 За твое ли сладко винцо-водочку,  
 За твоё ли сладкие напитокѣи,  
 А ведь еду я-то в землю дальнюю,  
 А во тую ль славну хоробрѣ Литву,  
 135 Ко тому же к королю хоробровьскому,  
 На яго ли дочери посвататься,  
 На прекрасной Опраксѣ королевичной  
 За тебя за князя за Владимира  
 Со тихим Дунаюшком Ивановым.  
 140 Только да й еще нам ты в товарищах  
 Своего ли парубка лѣбимого,  
 А того ль Васильюшка заморского:  
 А тому ли парубку коней седлать.  
 А тому ли парубку рассѣдлывать,  
 145 Ему плети подавать, нам плети принимать».  
 Тут Владимир князь да стольне-киевский  
 Он берет свою чару во белы руки,  
 Наливал он чару й зелена вина,  
 Он немалую стопу да й в полтора ведра,  
 150 Разводил медамы всё стоялыми,  
 Подносил он к Васильюшку заморскому.  
 Молодой Васильюшка заморский  
 Поскорѣшеньку вставал да й на резвы ноги,  
 Принимал он чару во белы руки,  
 155 Принимал он чарочьку одной ручькѣй,

Испивал он чарочьку одним душкѡм,  
На ногахъ стоитъ да ѣ не шатается,  
Говоритъ онъ съ княземъ, не мешается:  
«Благодарствуй, князь Владимиръ стольне-  
киевскій,

- 160 За твое ли сладко вино-водочку,  
За твоѣ ли сладкіе напитки,  
А ведь еду я-то въ землю дальнюю,  
А во тую ли славу хоробрѣ Литву,  
Ко тому же къ королѣ хоробровьскому,  
165 На яго ли дочери посвататься,  
На прекрасной Опраксѣ королевичной  
За тебя за князя за Владимира  
С тихимъ Дунаюшкомъ Ивановымъ,  
С молодымъ Васильемъ да ѣ Казимѣровымъ».  
170 Тутъ удалыя дуродни добры ѣ молодцы  
Выходили съ палаты белокаменной  
А на тотъ на славный на широкій дворъ,  
Расходились по полатамъ белокаменнымъ,  
А по комнатамъ по богатырскимъ.  
175 А по утрушку вставали онѣ ранѣшенько,  
Умывались да ѣ да белѣшенько,  
Снаряжались онѣ да ѣ хорошехонько,  
Одевали одѣжу драгоценную,  
А манишечки-рубашечки шелковыя,  
180 А брали доспехи богатырскія,  
Выходили на славный на широкій дворъ,  
А седлали добрыхъ коней богатырскихъ,  
А садились на коней богатырскихъ,  
Выезжали въ раздольице чисто поле,  
185 Оны съѣхались въ раздольице чистѡмъ поле,  
Да ѣ поехали по раздольицу чисту полю,  
Оны день едутъ по красному по солнышку,  
Оны въ ночь едутъ по светлому по мѣсяцу,  
А ведь день за день такъ быдто дождь дождитъ,  
190 А неделька за неделкой какъ река бежитъ,  
Приезжаютъ молодцы да въ хоробрѣ Литву,  
Заезжаютъ къ королѣ да ѣ на широкій дворъ,  
Становили добрыхъ коней богатырскихъ,  
Выходили на матушку ѣ сырѣ землю,  
195 Тихій Дунай да ѣ сынъ Ивановичъ,  
Молодой Василий да Казимировъ,  
Да ѣ пошлы въ палаты белокаменныя.  
А Василий паробокъ заморскій



А он по двору да стал похаживать,  
Добрых коней за поводы й поваживать.

Тихий Дунай да сын Иванович,  
Молодой Василий да Казимиров  
Приходили в палату белокаменну,  
На пята оны дверь да й поразмахивай,  
А снимали кивера да й со головушек,  
Оны крест кладут да й по писаному,  
А поклоны ведут да й по ученому,  
На дви, три, четыре на сторонки поклонялися,  
А ведь королю оны в особенну,  
Его всем князьям да й подколенным.

Говорит тут король-та й литовский,  
Говорил король тут таковы слова:  
«Ай же вы, дуродни добры молодцы,  
Тихая Дунаюшка Иванович,

Проходите вы во горенку столовую,  
А садитесь за столики дубовы  
Да за ты ль скамеечки окольны,  
А поешьте ествушки сахарней,  
Да й попейте питьвицов медвяных».

Тут удалыи дуродни добры молодцы  
Проходили за столики дубовы  
Да й садились на скамеечки окольны,  
А тому ль Дунаюшку Иванову  
Подносили чару й зелена вина.

Тихий Дунай да сын Иванович  
Поскореньку он вставал да на резвы ноги,  
Он берет тут чару во белы руки,  
А за етой чарочкой посватался  
А за ласкового князя за Владимира  
У того ли короля у литовского  
На его ль на дочери любимой,  
На прекрасной Опраксы королевичной.

Говорит тут король-та литовский:  
«А ведь глупый князь Владимир стольне-  
киевский.

А не знал, кого ко мне послать посвататься.  
Из бояр послал боярина б знаменитого,  
Из богатырей послал богатыря бы сильняго,  
Из крестьян послал крестьянина й хорошего.  
Он послал мне й холопину дворянскую.  
Ай же вы, мои да слуги верныи,  
Вы берите-тка Дуная за белы руки,

245

А сведите-ка его на погребы глубокии —  
А пускай-ка Дунай там обумеется».   
Тут пришло его Дунаю за обидушку,  
За великую ему досадушку,  
Тут скочил Дунай да й на резвы ноги,  
А скочил Дунай да через золот стол,  
Как схватил татарина он за ноги,  
Он тут стал татаринoм помахивать,  
250 А король-то ведь да й литовский  
Он по застолью да й охучается,  
А он сам Дуная й уговаривал,  
Говорил Дунаю таковы слова:  
«Ай же ты, Дунай да й сын Иванович,  
255 А садись-ка ты со мной да за единой стол,  
А ты будешь есть да пить да с одной мисочки».   
Говорит Дунаюшка Иванович:  
«Ай же ты, король литовский,  
Не учествовал ты молодцов приедучись,  
260 Не ужаловать ти нас молодцов поедучись.  
Если честию твою Опраксю королевишну,  
Так возьму я за князя за Владимира,  
А не за честию —возьму я за товарища,  
За того Василья Казимирѡва».   
265 Тут тихий Дунай да й сын Иванович  
Выходил из палаты белокаменной  
А прошел Дунай да на широкий двор,  
Подходил к злаченому он терему,  
Где жила Опракся королевишна,  
270 Стал он дверьцы дубовыи выставлять,  
А замочиков железных повыщалкивать.  
Проходил в палату белокаменну.  
Увидал он Опраксю королевишну,  
Говорил Дунай тут таковы слова:  
275 «Ай же ты, Опракся королевишна,  
Ты идешь ли заму́ж на святую Русь,  
Да й за ласкового князя й за Владимира?»  
Говорит Опракся королевишна:  
«Ай же тихии Дунай да сын Иванович,  
280 Я три году ведь госпoду молиласи,  
Как попасть бы заму́ж на святую Русь,  
Да й за ласкового князя за Владимира».   
Тут снаряжаласи да й красна девушка  
А во тую ль путь да й во дороженку.

Тихий Дунай да й сын Иванович,  
Он берет ее за рученьки за белыи,  
Да й за перстни брал да й за злаченыи,  
Выводил Дунай да на широкий двор,

Да й садил Опраксю королевичну  
На того ли он да на добра коня,  
Посадил ее да к головы хребтом,  
А он сам садился к головы лицом,  
Тут удалыи дуродни добры молодцы  
А садились на коней богатырьских,  
А поехали оны да с широка двора  
А во славное раздольице й чисто поля,  
Ускоряют путь-дорожку во чистом поли.

Тут застала их да й темна й ноченька  
На пути ли да ведь на дороженьки,  
Тут удалыи дуродни добры молодцы  
Становили коней богатырьских,  
Выходили на матушку сыру землю,  
Как раздернули оны полотно белое,  
Насыпали коням пшены да й белояровой,  
Не успели заснуть да й оны крепким сном,  
Слышат едет за ними да тут погонушка.

Говорит тут Опракся королевична:  
«Ето едет моя сестрица-та й родимая,  
Молодая Настасья й королевична,  
Паляница она да й разудалая».

По целой версты-то конь поскакивает,  
А по колёну в землю он угрязывал,  
А с земли-то ножки он выдёргивал.  
По сенной копны земли он да й выхватывал.  
За три выстрела от ног камня откидывал.

Тут проехала паляница разудалая  
По тому ль раздольицу чисто полю,  
Ехала она да й не дорогою,  
Прямо ехала ко городу ко Киеву.

Говорит тут тихий Дунаюшка:  
«Ай же, братец мой да й ты крестовый  
мой,

Молодой Василий ты Казимйрѳ,  
А Василий паробок заморский,  
Поезжайте вы во стольный Киев-град,  
А свезите вы Опраксю королевичну  
А ко князю на широкий двор,  
Проводите во горенку столовую,

Отведите князю во белы руки».

Тут молодой Василий-то Казимиров  
 А сажал Опраксю королевичну  
 На того ли он да и на добра коня,  
 Он сажал ее да и к головы хребтом,  
 А он сам садился к головы лицом,  
 Да и садился Василий паробок заморский.

Тут поехали дуродни добры молодцы  
 По тому ль раздольицу чисту полю.  
 Ускоряют путь-дорогу и во чистом поли,  
 Приезжают во славный стольный Киев-град,  
 Заезжают ко князю на широкий двор,  
 Становили добрых коней богатырских,  
 Выходили на матушку и сыру землю,  
 Опускал он Опраксю королевичну  
 А с того ли он да со добра коня,  
 Проводили в палаты белокаменные,  
 А во тую ль во горницу столовую,  
 Подавал он князю во белы руки.

Тут Владимир-князь да стольне-киевский  
 Да и пошел во матушку божью церковь  
 А принимать с Опраксей по злату венцу.

А тихий Дунаюшка Иванович  
 Садился молодец тут на добра коня  
 Он поехал в раздольице чистое поле  
 За паляницею да и разудалоей.  
 Он наехал на паляницу и во чистом поли,  
 Становил он паляницу и разудалую,  
 Говорил он палянице и таковы слова:  
 «Ай же ты, Настасья королевична,  
 Мы в любви везем твою сестрицу ведь  
 родимую

А на ту ль матушку святую Русь  
 За славного князя за Владимира,  
 Ай же ты, Настасья королевична,  
 А поди-ка ты замуж за богатыря,  
 За того ли тихого Дунаюшка».

Говорит тут Настасья и королевична:  
 «Ай же ты, богатырь святирусьский,  
 Тихий Дунай да и сын Иванович,  
 Если мной ты да и не гребуешь,  
 То пойду я замуж за богатыря,  
 За того ль за тихого Дунаюшка».

Тут тихий Дунай да и сын Иванович

375

Оне й поехали с Настасьей королевешной  
 Ко тому ль ко городу ко Киеву.  
 Приезжали во славный стольний Киев-град,  
 Заезжали ко князю на широкий двор,  
 Становили добрых коней богатырьских,  
 Выходили на матушку сыру землю.  
 А Владимира дома не случилось,  
 А ушел Владимир во божью церковь  
 Принимать с Опраксей по злату венцу,  
 Так тут тихий Дунаюшка Иванович  
 Пошли с Настасьей королевешной  
 А во тую матушку божью церковь  
 Принимать с Настасьей по злату венцу.  
 А Владимир-князь тут стольне-киевский  
 Он идет со матушки с божьей церкви,  
 Тихий Дунай да сын Иванович  
 Принимали с Настасьей по злату венцу,  
 Выходили со матушки божьей церкви,  
 А пошли ко князю на почестный пир.  
 А Владимир-князь да стольне-киевский  
 Заводил тут князь Владимир да й почестный  
 пир,

380

385

390

395

400

405

410

Да й почестный пир и в воскресный день,  
 На многих князей, на многих бояров,  
 Да й на сильниих могучиих богатырей,  
 Да й на славных паляниц-та й разудалых.  
 А й ведь все тут на пиру да й наедались,  
 Наедались да й напивались,  
 Напивались да оны досыта,  
 Напивались да оны допьяна,  
 Напивались да й порасхвастались.  
 Богатый хвастал бесчетной золотой казной,  
 Сильный хвастает силой богатырьской,  
 Инный хвастал молодец добрым конем,  
 Инный хвастал удалством молодецким.  
 Тихий Дунаюшка Иванович  
 Выходил за столика дубового  
 От своей любимой семеюшки.  
 Стал по горенке Дунаюшка й похаживать,  
 Да й похаживал да й порасхвастался,  
 Говорит Дунай да таковы слова:  
 «Нет то удали вот добра молодца  
 А во всем во городе во Киеве  
 Как тихо во Дунаюшка Иванова,

415

А горазд ведь я стрелять да из туга лука,  
Я ведь сам жанился и людей жанил».   
Говорит яму Настасья й королевична:  
«Ай же ты, моя любимая семеюшка,  
Тихий Дунаюшка Иванович.

420

А не здря ли ты, Дунаюшка, расхвастался  
А ведь силою своею богатырьскою,  
А ничем тебя не хуже я,  
Да из туга лука стрелять я побыстрей тебя».   
Говорит тут Дунаюшка Иванович:

425

«Ай же ты, Настасья королевична,  
А пойдем-ка мы с тобой в чисто полё,  
Поотведаем мы нашу храбрость богатырьскую».   
Тихий Дунаюшка Иванович

430

А пошли с Настасьей королевичной  
А во славное раздольице чисто полё,  
Тихий Дунаюшка Иванович

435

Положил себе он на головушку  
Тое колечко он серебряно,  
А наставил Дунаюшка булатный нож,  
Говорил он Дунай тут таковы слова:  
«Ай же ты, Настасья королевична,  
Отойти-ка ты да й на пятьсот шагов,  
Ты стреляй-ка оттуль да из туга лука,  
Пропусти-ка стрелочку каленую

440

По тому острёю ножовому,  
Попади-ка в колечко во серебряно».   
Молодая Настасья королевична  
Отходила от Дуная на пятьсот шагов,  
Берет тугой лук да й во белы руки,  
Натянула тетивочку шелковую,

445

Наложила стрелочку й каленую,  
Да й спустила тетивочку шелковую  
А во ету стрелочку каленую,  
Прокатилась стрелочка й весом ровна  
По тому ль острёю по ножовому,  
Да й попала в колечко во серебряно.   
Тут тихий Дунаюшка Иванович  
Пологает колечко на головушку  
Той Настасьи королевичной.

450

455

Говорит ему Настасья королевична,  
Говорила она й слёзно плакала:  
«Ай же, свет моя любимая семеюшка,  
Тихий Дунай да сын Иванович!

460 Ты прости меня в вины да й женской глупости,  
Что стреляла я по тебе да из туга лука,  
Ты теперь, Дунаюшка, пьянёшенёк.  
Да й пьянёшенёк, Дунаюшка, хмельнёшенек,  
Попадешь мни в буйную головушку,  
Ты побьешь две головки бесповинных,  
465 У меня с тобой есть чадушко засеяно,  
По коленкам ножки еще в золоти,  
По локоткам ручки еще й в серебри,  
А во лбу-то введен светёл месяц,  
По косицам звезды часты рассыпаются».  
Ничему тут Дунай да й не поверовал,  
470 Положил он колечко й на головушку,  
Отошел Дунай да й на пятьсот шагов,  
Он берет тут тугой лук в белы руки,  
Натянул тетивочку й шелковую,  
Наложил он стрелочку й каленую,  
475 Да й спустил тетивочку шелковую  
А во ету стрелочку й каленую.  
А тут спела яго стрелочка й каленая.  
А попала Настасье во белую грудь,  
Он убил Настасью королевешну.  
480 Тут тихий Дунаюшка Иванович  
Приходил к Настасьи королевешной,  
Убивался он да й горько плакался,  
Вынимал свою он саблю вострую,  
Распластал Настасьи тут он белу грудь,  
485 Смотрит — чадушко ведь там заморожено,  
По коленочкам да ножки в золоти,  
По локоткам да й ручки в серебри,  
А во лбу то введенной светёл месяц.  
По косицам звезды часты рассыпаются.  
490 Говорит тут Дунай да й таковы слова:  
«Только Дунаюшка й женат бывал,  
Да и только Дунаюшка с женой живал,  
А ведь где протекала река Настасьиная,  
Так ведь тут протекай же и Дунай река!»  
495 А наставил тут свою да й саблю вострую  
А во тую ль во матушку сыру землю,  
Во сыру землю да он тупым концом,  
Он пал на саблю-ту на вострую,  
Отрубил себи да й буйную голову,  
500 Так ведь тут Дунаюшку й славу поют.  
Да ведь тым былинушка й покончилась.

### БОЯРИН ДЮК СТЕПАНОВИЧ

Как из той Индеюшки богатой,  
Да из той Галичии с проклятой,  
Из того со славна й Волын-города  
Да й справляется да й снаряжается  
5 А на тую ль матушку святую Русь  
Молодой боярин Дюк Степанович  
Посмотреть на славный стольней Киев-град,  
А на ласкового на князя на Владимира,  
А на сильниих могучиих богатырей,  
10 Да й на славных паляниц-та й разудалых.  
Говорит тут Дюку й родная матушка:  
«Ай же, свет мое ты чадо милое,  
Молодой боярин Дюк Степанович!  
Хоть справляешься ты, снаряжаешься  
15 А на тую ль матушку светую Русь,  
Не бывать тебе да й на светой Руси,  
Не видать тебе да й града Киева,  
Не видать тебе князя Владимира,  
Сильниих могучиих богатырей  
20 Да и славных паляниц-та й разудалых».  
Молодой боярин Дюк Степанович  
Родной матушки своей не слушался.  
Одевал свою одёжу й драгоценную,  
А манишечки-рубашечки шелковыи,  
25 А сапоженки на поженки сафьяныи,  
Окол носу-носу ййцѡ кати,



Окол пѣту-пѣту воробѣй лети,  
 30 Одел шапку на головку ѣ соболиную,  
 На себя надел кунью ѣ шубоньку,  
 Да ѣ берет свой тугой лук разрывчатой,  
 А набрал он много ѣ стрелочек каленыхъ,  
 Да ѣ берет свою он саблю вострую,  
 Свое ѣ острое копье да ѣ муржамецкое.  
 Выходил молодец тут на широкий двор,  
 35 Заходил в конюшню во стоялую,  
 Да ѣ берет тут молодец добра коня,  
 Он берет коня за поводы шелковыи,  
 Выводил коня да ѣ на широкий двор,  
 Становил коня да ѣ посреди двора,  
 40 Стал добра коня молодец засѣдлывать,  
 Он засѣдлывал коня да ѣ закольчуживал.  
 Говорит тут Дюку родная ѣ матушка:  
 «Ай же, свет мое ты чадо милое,  
 Молодой боярин Дюк Степанович!  
 45 Как поедешь ты в раздольице чистом поли,  
 А на тую ль матушку святую Русь,  
 Да ѣ во славномъ раздольице чистом поле  
 Есть три заставы там три великия:  
 Первая застава — ведь змеи поклѣвучии,  
 50 Друга застава — львы-звери поядучии,  
 Третья застава есть горушки толкучии,  
 Оны сходятся вмѣстѣ ѣ расходятся.  
 Ты подъедешь к этим заставам великимъ,  
 Ты бери-ка в руки плеточку шелковую,  
 55 А ты бей коня да ѣ по крутой бедра,  
 Ты давай удары все тяжелыи,  
 Первой раз ты бей коня между ушей,  
 Другой раз ты между ноги между заднии,  
 Чтобы добрый конь твой богатырьскій  
 60 По чисту полю раздольицу поскакивал.  
 Ты проедешь еты заставы великимъ,  
 А ты выедешь на матушку святую Русь,  
 А ты будешь во городе во Киеве  
 Да ѣ у ласкового князя ѣ у Владимира,  
 65 Так охоч ты упиваться в зеленѣ вино,  
 Так не хвастай-ка ты своимъ художествомъ  
 Ты супротивъ князя-та ѣ Владимира,  
 Супротивъ сильныхъ могучиихъ богатырей,  
 Супротивъ паляницъ-та ѣ разудалыхъ».  
 70 Молодой боярин Дюк Степанович

Да й сажился молодец тут на добра коня,  
 Столько видѣли сядучись,  
 Со двора его й не видели поедучись,  
 Со двора он ехал не воротамы,  
 75 А он с города ехал не дорогою,  
 Яго добрый конь да й богатырский  
 Проскакал он через стены городовыи,  
 Через башни проскакал он трехугольныи,  
 А не молния в чистом поли промолвила,  
 80 Так проехал боярин Дюк Степанович.  
 Выезжал он в раздольице чисто поле.  
 Подъезжал он к етым застам великим,  
 А ко тым змеям поклявучим,  
 А ко лвам-зверям да поядучим,  
 85 А ведь к етым горушкам толкучим;  
 Он берет тут в руки плеточку й шелковую,  
 А он бил коня да й по тучной бедры,  
 Он давал удары всё тяжелыи,  
 Первый раз он бил коня между ушей,  
 90 Другой раз он между ноги между задним.  
 Яго добрый конь тут богатырский  
 По чисту полю-раздолью стал поскакивать,  
 Он проехал еты заставы великии  
 Он тут выехал в раздольице в чисто поле,  
 95 А на тую ль матушку светую Русь,  
 Приезжал во славный стольней Киев-град,  
 Заезжал ко князю й на широкий двор,  
 Становил коня да й богатырского,  
 Выходил на матушку й сыру землю.  
 100 А Владимира дому не случилось,  
 Он ушел во матушку й божью церковь.  
 А он господу богу помолитися,  
 Ко чудным крестам да й приложитися.  
 Молодой боярин Дюк Степанович  
 105 Он пошел во матушку й божью церковь,  
 Приходил во матушку й божью церковь,  
 Он снимает кивер со головушки,  
 А он крест кладет да й по писаному,  
 А поклоны ведет да й по ученому,  
 110 На дви, три, четыре сторонки поклоняется,  
 А он князю Владимиру й в особинно,  
 Яго всем князьям да й подколенным.  
 По праву руку князь Владимира  
 А стоял Добрынюшка Микитинец,

115 По лаву руку князя Владимира  
 А стоял Чурилушка-та Плёнкович.  
 Говорит тут князь Владимир таковы слова:  
 «Ты откуляшний дуродний добрый молодец,  
 120 Из коёй земли да из коёй орды,  
 Ты каково же есть роду-племени,  
 Ты какого отца да ты есть матери,  
 Как же тебя да именём зовут,  
 Удалого звеличают по отчеству?»  
 Говорил боярин Дюк Степанович:  
 125 «Ты, Владимир князь да й стольне-киевский,  
 А ведь есть я с Индеюшки богатой,  
 А и с той Галиции с проклятой,  
 И с того ль со славна Волын-города  
 Молодой боярин Дюк Степанович».  
 130 Говорил Щурилушка тут Плёнкович:  
 «Ты, Владимир князь да й стольне-киевский,  
 Поговорушки тут есть не Дюковы,  
 Поворотушки тут есть не Дюковы,  
 Тут должна быть холопина й дворянская».  
 135 Ета й дело Дюку не слюбилось,  
 Не слюбилось да й не в любви пришло.  
 Оны господу тут богу помолилися,  
 Ко чюдным крестам да й приложилися,  
 Да й пошли в палаты белокаменны  
 А ко ласковому князю й ко Владимиру.  
 Оны шли мосточиком кирпичным,  
 Молодой боярин Дюк Степанович  
 Стал Владимиру й загодочек отгадывать,  
 Говорил тут он да й таковы слова:  
 145 «Ты, Владимир князь да стольне-киевский,  
 Что же в Киеве у вас всё не по-нашему:  
 У вас построены й мосточки кирпичныи,  
 А ведь столбики поставлены еловыи,  
 А порученьки положены сосновыи,  
 150 У вас медное гвоздьё да й приущиплется,  
 А ведь цветное платье призабрызжется.  
 Как в моёй Индеюшки богатой  
 У моёй родители у матушки  
 А построены мосточки калиновы,  
 155 А ведь столбики поставлены серебряны,  
 А ведь грядочки положены орлены,  
 А ведь насланы сукна гармузинныи,  
 А ведь медное гвоздьё да й не ущиплется,

А ведь цвѣтно платье не забрызжется».

160 Тут Владимир к етой речи да й не примется.  
 Приходили в палату белокаменну,  
 Проходили во горенку столовую,  
 Да й садились за столички дубовы,  
 Да й за тыя ль скамеечки окольнии.

165 Принесли ему калачиков тут пшенныхъ,  
 Молодой боярин Дюк Степанович  
 Он берет калачик во белы руки,  
 А он корочку ту всё на круг кусал,  
 А середочку да й кобелям бросал,  
 Всё й Владимиру загодочки отгадывал,

170 Говорил боярин таковы слова:  
 «Ты, Владимир князь стольне-киевский,  
 Что ж в Киеве у вас всё й не по нашему:  
 У вас сделаны бочечки сосновы,  
 А обручики набиваны еловыи,

175 А мешалочки положены сосновыи,  
 У вас налита студѣнна ключеза вода,  
 Да и тут у вас и калачй месят;  
 А у вас печеньки построены кирпичныи,  
 У вас дровца топятся еловыи,

180 А помялушки повязаны сосновыи,  
 Да и тут у вас да й калачи пекут,  
 А калачики да й ваши призадохнулись.  
 Как в моёй Индеюшке богатой  
 У моёй родители у матушки

185 А построены ведь бочечки серебряны,  
 А обручики набиты золоченыи,  
 А мешалочки положены дубовыи,  
 Да ведь налита студенна ключёвая вода,  
 А ведь тут у нас и калачи месят.

190 Да й построены печьки муравленыи,  
 У нас дровца топятся дубовыи,  
 А помялушки повязаны шелковыи,  
 Да ведь наслана бумага-лйсты гербовыи,  
 Да ведь тут у нас и калачи пекут,

195 А калачики у нас и не задохнутся,  
 А калачик съешь — по другомъ душа горит».

Он Владимиру загодочки отгадывал,  
 Подносили ему тут зелена вина,  
 Молодой боярин Дюк Степанович

200 Он берет-то й чарочьку во белы руки,  
 Он всю чарочку й по горенки повыплескал,

Сам Владимиру загадочки отгадывал,  
Говорит боярин таковы слова:

205 «Ты, Владимир князь да столье-киевский,  
Что же в Киеве у вас всё не по нашему:  
У вас пострѣны бочечки дубовыи,  
А обручики набиваны железныи,  
А положена туда да й зелено вино,  
А положена й на погребы глубокии,  
210 Ваша й водочка-винцо ведь призадохнулось.  
Как в моёй Индеюшки богатой  
У моёй родители у матушки  
А пострѣны бочечки серебряныи,  
А обручики набиты золоченыи,  
215 Да й положено туда да й зелено вино,  
А повешено на цепи-та й на медныи,  
А на тыя на погребы глубокии,  
Наша водочка-винцо да й не задохнется,  
А ведь чарку выпьешь — по другой душа  
горит».

220 Он Владимиру загадочки отгадывал.  
Говорит тут Щурилушка-та Плѣнкович:  
«Ай что же ты, холопина дворянская,  
Что расхвастал ты имением-богачеством,  
А ударим-ка со мной ты во велик заклад,  
225 Во велик заклад да ты не в малыи,  
Чтоб проездить нам на конях богатырьских —  
Не мало поры-времени — по три году,  
А сменять нам одѣжицу драгоценную  
Каждый день да й с нова наново,  
230 С нова наново да чтоб не лучшую».  
Говорит тут боярин Дюк Степанович:  
«Ай же ты, Щурилушка-та Плѣнкович,  
Теби просто со мной биться во велик заклад  
Ты живешь во городе во Киеве  
235 У того ль у князя у Владимира,  
Кладовые-ты есть да цвѣтна платица».  
Молодой тут боярин Дюк Степанович  
А садился он да на ремёньчат стул,  
А писал он письма й скорописчаты  
240 А своей ли да й родной матушки,  
А писал он в письмах скорописчатых:  
«Ай же, свет моя ты родна й матушка,  
А ты выручи меня с беды великой,  
А пошли-ка ты одѣжу драгоценной,

- Что хватило бы одёжи мне на три году  
 Одевать одёжу драгоценную  
 Кажный день да й с нова наново».
- Запечатал письма й скорописчаты,  
 Скоро шел по горенке столовой,  
 Выходил тут молодец да на широкий двор,  
 Положил он письма под седёлышко,  
 Говорил коню он таковы слова:  
 «Ты беги, мой конь, в Индеюшку богатую  
 А к моей родители ко матушки,  
 Привези ты мне одёжу драгоценную».
- Он берет коня за поводы шелковыи,  
 Выводил коня он за широкий двор,  
 Да й спускал коня во чисто полё.  
 Яго добрый конь да й богатырский  
 Побежал в Индеюшку й богатую,  
 Пробежал он по раздольицу чисту полю,  
 Через эти вси заставы великии,  
 Прибежал в Индеюшку богатую,  
 Забегал он на славный на широкий двор,
- Увидали тут коня да й слуги верныи,  
 Оне бежат в палаты белокаменны  
 Да й во тую ль горницу столовую,  
 Да й ко той ко Дюковой ко матушки,  
 Говорят они да й таковы слова:  
 «Ай же, свет честна вдова Настасья да  
 Васильевна!  
 Прибежал ведь Дюков конь да из чиста поля,  
 Из чиста поля на наш широкий двор».
- Так тут свет честна вдова заплакала  
 Женским голосом да й во всю й голову:  
 «Ай же, свет мое ты чадо милое,  
 Молодой боярин Дюк Степанович,  
 Ты сложил там наверно буйну головушку,  
 А на той ли матушки святой Руси».
- Поскореньку выходила на широкий двор,  
 Приказала добра коня рассёдлывать.  
 Оны стали добра коня рассёдлывать.  
 Оны сняли сёдлышко й черкальское,  
 Оттуль выпали письма скорописчаты.
- Свет честна вдова Настасья да й Васильевна  
 А брала она письма й во белы руки,  
 А брала она письма й распечатала,  
 Прочитала письма скорописчаты,

Да й брала она тут золоты ключи,  
 Она шла на погребы глубокии,  
 290 А брала одёжу й драгоценную  
 Не на мало й поры-времени — на три году,  
 Приносила она к тому добру коню,  
 Положила й на седельшко черкальское,  
 Выводила коня да й за широкий двор,  
 305 Да й спускала в раздольице чисто полё.  
 Побежал тут добрый конь да й по чисту полно,  
 Пробегал он к етым заставам великим,  
 Пробежал он заставы великии  
 На славу на матушку да на святую Русь,  
 300 Прибежал во славный стольне Киев-град,  
 Забежал ко князю на широкий двор.  
 Молодой боярин Дюк Степанович  
 Он стретал тут своего добра коня,  
 Он берет свою одёжу драгоценную,  
 305 Он тут бился со Щурилушкой в велик заклад.  
 А в велик заклад еще й не в малыи,  
 Не на мало поры-времени — на три году,  
 А проездить на конях богатырьских,  
 А сменять одёжу с нова наново.  
 310 Молодой боярин Дюк Степанович  
 Оны с тым Щурилой Плёнковым  
 Оны ездят по городу по Киеву,  
 Каждый день с утра до вечера,  
 А проёздили молодцы по год поры,  
 315 А проёздили молодцы й по два году,  
 Да й проездили молодцы й по три году.  
 Теперь надоть им итти да й во божью церкву  
 Одявать одёжу драгоценную  
 А ко той христовской заутренной.  
 320 Молодой Щурилушка тут Плёнкович  
 Одевал свою одёжу драгоценную,  
 А сапоженьки на ноженьки сафьяныи,  
 На себя одел он кунью й шубоньку,  
 Перва строчка рочёна красным золотом,  
 325 Друга строчка рочёна чистым серебром,  
 Третья строчка рочёна скатним жемчугом,  
 А ведь в тыя петелки шелковые  
 Было вплетено по красной по девушки,  
 А во тыи пуговики серебряны  
 330 Было влито по доброму по молодцу,  
 Как застёгнутся — оне обоймутся,

А расстѣгнутся, дак поцалуются,  
 На головку шапка й соболиная.  
 Молодой боярин Дюк Степанович  
 335 Одевал свою одѣжу й драгоценную,  
 А сапоженьки на ноженьки сафьянные,  
 На себя одел он кунью й шубоньку,  
 Перьва строчка й строчена красна золота,  
 Друга строчка й строчена чиста серебра,  
 340 Третья строчка й строчена скатна жемчугу,  
 А во тьи ль петелки шелковые  
 Было вплетено по красной по девушки,  
 А во тьи пуговики серебряны  
 Было влито по доброму по молодцу,  
 345 Как застѣгнутся — оне обѣдуются,  
 А расстѣгнутся, дак поцалуются,  
 На головку одел шапочка семь шелков,  
 Во лбу введен был светѣл мѣсѣц,  
 По косицам были звезды частыи,  
 350 На головушки шелома как быдто жар горит.  
 Тут удалыя дуродни добры молодцы  
 А пошли молодцы да й во божью церковь.  
 А ко той христовьской ко затуреной,  
 Приходили молодцы да й во божью церковь.  
 355 По праву руку князя Владимира  
 Становился Щурилушка тут Плѣнкович,  
 По лѣву руку князя Владимира  
 Становился боярин Дюк Степанович.  
 Тут Владимир князь да стольне-киевский  
 360 Посмотрел на правую сторонушку,  
 Увидал Щурилушку он Плѣнкова,  
 Говорил он таковы слова:  
 «Молодой боярин Дюк Степанович  
 Прозакладал буйную головушку».  
 365 Говорил Спермечъ тут сын Иванович:  
 «Ты, Владимир князь да стольне-киевский,  
 Посмотри-ка на лѣву ты сторонушку,  
 Молодой Щурилушка веда Плѣнкович  
 Прозакладал свою буйную й головушку».  
 370 Молодой Щурилушка тут Плѣнкович  
 Стал он плеточкой по пуговкам поваживать,  
 Так тут стали пуговики посвистывать.  
 Молодой боярин Дюк Степанович  
 Стал тут плеточкой по пуговкам поваживать,  
 375 Засвистали пуговики по соловьиному,



Заревели пуговики да й по звериному.  
Чёрнет-народ тут все и попадали.

380 Говорит тут князь Владимир стольне-киевский:  
«Ай же ты, боярин Дюк Степанович,  
Перестань ты вѣдѣть плеткой по белѣй груди,  
Полно валить-та теби чёрниты».

385 Тут удалыи дуродни добры молодцы  
Оны господу й богу помолилися,  
Ко чюдным крестам да й приложилися,  
Да й пошли в палаты белокаменны  
А ко ласковому князю й ко Владимиру.  
Приходили в палату белокаменну  
Да й во тую ль горницу столовую,  
390 Да й садились все за столики дубовыи,  
Да за тыи за скамеечки окольныи.  
Оны ели ествушка сахѣрнии,  
Оны пили питьвица й медьвяныи.

Говорил Щурилушка тут Плѣнкович:  
395 «Ай же ты, холопина дворянская,  
А ударим-ка со мной-та в велик заклад,  
В велик заклад еще й не в малои:  
Нам разѣхаться на кѣнях богатырьских  
А скочить через славную Пучай-реку».

Говорит боярин Дюк Степанович:  
400 «Ай же ты, Щурилушка ты Плѣнкович,  
Теби просто съ мной биться во велик заклад,  
А велик заклад да и не в малои —  
Твой-то добрый конь ведь богатырьский  
А стоит во городе во Кіеве,  
405 Он ведь зоблет пшеницу белоярову,  
А моя-то клѣченка заезжена,  
А й заезжена да и дорожная».

Молодой боярин Дюк Степанович  
Он скореньку ставал тут на резвыи ноги,  
410 Да й прошел по горенке столовой  
Через ту й палату белокаменну,  
Выходил молодец да на широкий двор,  
Заходил он к свѣдѣму добру коню,  
Он тут пал на бедра й лошадиныи,  
415 Говорил коню да й таковы слова:

«Ты, мой сивушко да й ты мой бурушко,  
Ты, мой маленькой да й ты косматенькой,  
А ты выручь-ка меня с бѣды великой:  
Мне-ка биться с Щурилой во велик заклад,

А в велик заклад еще й не в малои —  
 Нам разъехаться на конях богатырьских,  
 Да й скочить через славную й Пучай-реку».   
 Яго добрый конь да й богатырьский  
 Взлепетал языком человечецким:

«Молодой боярин Дюк Степанович,  
 А ведь конь козѧка Ильи Муромца,  
 Тот ведь конь да мни-ко старший брат,  
 А Шурилин конь да мни-ко меньший брат.

Какова пора, какое ль времячко,  
 Не поддамся я ведь брату большему,  
 А не то поддамся брату меньшему».

Молодой боярин Дюк Степанович  
 Скоро й шел в палату белокаменну,  
 Проходил он во горницу столовую,  
 Он тут бился со Шурилушкой в велик заклад,  
 А в велик заклад да и не в малыи,  
 Что й разъехаться на кѧнях богатырьских,  
 Да й скочить через славную Пучай-реку.

Тут удалыя дуродни добры молодцы  
 Выходили молодцы тут на широкий двор,  
 А садились да на кѧней богатырьских,  
 Да й поехали ко славной Пучай-реки,  
 А за нима едѸт могучии богатыри  
 Посмотреть на замашки богатырьские.

Тут удалыя дуродни добры молодцы  
 Припустили своих кѧней богатырьских  
 Да й скочили через славную й Пучай-реку.

Молодой боярин Дюк Степанович  
 Он скочил через славную Пучай-реку,

Молодой Шурилушка-то Плѧнкович  
 Посреди реки с конем обрушился.

Молодой боярин Дюк Степанович  
 Посмотрел, что нет его й товарища,  
 Поскореньку молодец тут поворот держал,  
 Дай скочил чѧрез славную Пучай-реку,  
 Да й схватил Шурилу за златы кудри,  
 Он тут вытащил Шурилу на крут на берег,  
 Говорил Шурылы таковы слова:

«Ай же ты, Шурилушка да й Плѧнкович!  
 А не надо теби биться во велик заклад,  
 Во велик заклад да и не в малои.

А ходил бы ты по Киеву за б.....».

Тут удалии дуродни добры молодцы  
 Приезжали ко князю й ко Владимиру,  
 Говорит тут Щурилушка-то Плёнкович:  
 «Ты, Владимир князь да стольне-киевский,

А пошли-ка ты еще й оценщиков  
 А в тую ль в Индеюшку богатую  
 А описывать Дюково имение,

А имение его да всё богатество».  
 Говорит боярин Дюк Степанович:  
 «Ты, Владимир князь да стольне-киевский,  
 А пошли ты могучиих богатырей  
 А описывать имение й богатество  
 И мою бесчетну й золоту казну,

Не посылай-ка богатыря Олешеньки,  
 А того ль Олеси Поповича:  
 Он роду есть ведь-то поповского,  
 А поповского роду он задорного,  
 Он увидит бесчетну золоту казну,  
 Так ведь там ему да й голова сложить».

Тут Владимир князь стольне-киевский  
 Снаряжал туда еще й оценщиков  
 Да й двенадцать могучиих богатырей.

Тут удалыи дуродни добры й молодцы  
 Да й садились на коней богатырьских,  
 Да й поехали в Индеюшку богатую.

Они едут раздольцем чистым полем,  
 Оны въехали на гору на высокую,  
 Посмотрели на Индеюшку богатую.

Говорит старый козак да Илья Муромец:  
 «Ай же ты, боярин Дюк Степанович,  
 Прозакладак свою буйную й головушку,

А горит твоя Индеюшка й богатая».

Говорит боярин Дюк Степанович:  
 «Ай же, старый козак ты Илья Муромец,  
 Не горит моя Индеюшка богатая,  
 А в моей Индеюшки богатой  
 А ведь крыши все, дома да й золоченыи».

Тут удалыя й дуродни добры молодцы  
 Приезжали в Индеюшку богатую,  
 Заезжали к Дюку й на широкий двор.

Становили добрых коней богатырьских,  
 Выходили на матушку сыру землю.  
 У того ль у Дюка у Степанова  
 А на том на славном широком двори

А ведь посланы всё сукна гармозичныи.  
 Тут удалый дуродни добры молодцы  
 А пошли оне в палаты белокаменны,  
 Проходили во горенку столовую,  
 Оны крест кладут да й по писанному,  
 А поклон ведут да й по ученому,  
 На дви, три, четыре сторонки поклоняются,  
 Говорят молодцы да й таковы слова:  
 «Здравствуй, свет честна вдова Настасья да й  
 Васильевна,  
 Дюковая еще й матушка».  
 Говорит она им таковы слова:  
 «А не Дюкова я есть ведь матушка,  
 А я Дюкова есть поломойница».  
 Проходили тут дуродни добры молодцы  
 А во другую во горенку столовую,  
 Низко бьют целом да поклоняются:  
 «Здравствуй, свет честна вдова Настасья ты  
 Васильевна,  
 Дюковая еще й матушка».  
 Говорит она им таковы слова:  
 «Я не Дюковая еще й матушка,  
 А Дюкова да й судомойница».  
 Тут удалый дуродни добры молодцы  
 Проходили молодцы да й в третью горенку,  
 Они бьют целом да й поклоняются:  
 «Здравствуй, свет честна вдова Настасья ты  
 Васильевна,  
 Еще й Дюковая ты ведь матушка».  
 Говорит боярин Дюк Степанович:  
 «Здравствуй, свет честна вдова Настасья ты  
 Васильевна,  
 Етая моя да родна й матушка,  
 Вот приехали могучия богатыри  
 Из того ль из города из Києва  
 А от ласкового князя от Владимира  
 А описывать наше имене и богатство,  
 А бесчетну нашу й золоту казну.  
 А бери-ка ты да золоты ключи,  
 Ты сходи на погребы глубокии,  
 Отопри-ка погребы глубокии,  
 Покажи дуродним добрым молодцам  
 А наше имене и богатство,  
 А ведь нашу бесчетну золоту казну».

Тут брала она да й золоты ключи,  
Отмыкала она погребы глубокии.  
Тут удалыи дуродни добры молодцы  
А смотрели имение й богатство  
Да и всю бесчетну золоту казну.

Говорит Дунаюшка Иванович:  
«Ай же, мои братьицы крестовыи,  
Вы богатыри да святорусьскыи,  
Вы пишемте-ка й письма скорописчаты  
А тому ли князю да Владимиру —

Пусть ведь Киев-град продаст да й на бумагу-то,  
А Чернигов-град продаст да й на чернила-то,  
А пускай тогда описывает Дюково имение».

Тут удалыи дуродни добры молодцы  
Проходили й в горенку й столовую,

Да й садились за столички дубовыи,  
Да й за тыя скамеечки окольнии,

Оны ели ествушки сахарнии,  
Оны пили питьвица медвяныи:

А ведь чарочьку повыпьешь — по другой-то душа  
горит,

А ведь дру́гу й выпьешь — третьей хочется.

Тут удалы дуродни добры й молодцы  
Наедалися да й оны досыти,  
Напивалися да й оны допьяна.  
Да й тым былиночка й покончилась.

## КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

Из того из города из Крякова,  
Из того села да из Березова,  
А из толь со славной улочки Рогатицы  
Охвочь ездить молодец был во чисто полё,  
5 Молодой Петрой Петрович королевский сын,  
А стрелял он во поле гусей-лебедей,  
Серых малых перелетных утенышей.  
Да й проездил молодец по дѣнь поры,  
А проездил молодец по другой дѣнь,  
10 Да й проездил молодец по третий дѣнь.  
А по третий дѣнь с утра й до пабедья.  
Заехал он ко славному й синю морю,  
Становил коня он богатырьскаго.  
А на том на славномъ синѣм море,  
15 А на той на тихой забереги,  
Да й на том зеленом на затряси  
А там плавали ведь две лебедушки.  
Молодой Петрой Петрович королевский сын  
Скоро тѣгой лук разрывчатой отстегивал  
20 А от праваго от стремечки булатнаго,  
Натянул тетивочку й шелковую,  
Наложил он стрелочку й каленую.  
А хотит спустить тетивочку й шелковую  
А во эту стрелочку й каленую,  
25 Хотит подстрелить двух белых лебедушек.  
Етыя две лебедушки

Взлепетали езыком человечецким:  
 «Ты, удалый дуродний добрый молодец,  
 30 Хотя подстрѣшь нас двух белых лебедушек,  
 Нашу кровь прольешь ты во сыру воду,  
 Наши перья разнесет да по синю морю,  
 Не укрятаёшь плеча могучаго,  
 Не утешишь сердца богатырского.  
 Мы ведь есть не дви лебедушки,  
 35 А ведь есть-то мы дви красных девушки,  
 Две прекрасных Настасьи Митриевышны,  
 Митриевышны да й мы царевишны.  
 А летаем мы от пана от поганаго,  
 От того ли Федора Иванова,  
 40 Поры-времени летаем мы по три году,  
 Улетали на матушку й святую Русь  
 Через славное да й мы синё море.  
 Удалой ты дуродний добрый молодец,  
 Поезжай ко городу ко Киеву,  
 45 А ко славному ко князю й ко Владимиру:  
 А у славного у князя й у Владимира  
 Есть хорош почестен пир да й пированьице  
 На многих князей, на многих бояров,  
 Да й на сильниех могучих богатырей,  
 50 Да й на славных поляниц да й разудалых,  
 Ты, удалый дуродний добрый молодец,  
 Заезжай-ка в раздольице в чистом поли  
 А ко славному й сыру дубу й кряковисту,  
 Усмотри-ка птицу черна ворона,  
 55 Ты подстрель там птицу черна ворона.  
 А сидит-то птица-ворон на сыром дубе,  
 Перьяца у ворона й белым белы,  
 Пораспущенныя крыльица до матушки сырой земли,  
 Ёдакой же птицы на свете не видано,  
 60 А на белом й не слыхано».  
 Тут стоит молодец да й пораздумался:  
 «Хоть подстрелю я двух белых лебедушек,  
 Побью я две головки бесповинных,  
 Я их кровь пролью во синё мори,  
 65 А их перья пущу да й по синю морю,  
 Не укрятать мне плеча могучаго,  
 Не утешить сердца богатырского».  
 Он снимает скоро й стрелочку й каленую,  
 Да й спустил тетивочку й шелковую,  
 70 Скоро й тугой лук разрывчатой пристегивал

Ко правдѣму стремени булатнему,  
 А поехал в раздольице чисто поле  
 Тут удалый дуродний добрый молодец  
 Ай ко славному ко городу ко Киеву.  
 75 Заезжал в раздольице в чисто поле  
 А ко славному сыру дубу крякновисту,  
 Становил коня да й богатырского,  
 Усмотрел он птицу черна ворона.  
 А сидит-то птица ворон во сыром дубу,  
 80 Крыльицѣ у ворона черным черно,  
 Перьяице у ворона й белым бело.  
 Пораспущены крыльица до матушки сырой земли,  
 Эдакой же птицы на свети не видано,  
 А на белоём еще не слыхано.  
 85 Тут удалый дуродний добрый молодец  
 Скоро й тугой лук разрывчатой отстегивал  
 А от правого ль от стремечки булатняго,  
 Натянул тетивочку й шелковеньку,  
 Наложил он стрелочку й каленую,  
 90 Да й хотел спустить тетивочку шелковую  
 А во эту стрелочку й калёную,  
 Хочет подстрелить птицу черна ворона.  
 А ведь этот ворон птица черныи  
 Взлепетал языком человечьим:  
 95 «Ты й удаленькой дуродний добрый молодец,  
 А слыхал ли ты поговору на святой Руси:  
 В кельи старца убить ведь есть не спасенье,  
 Черна ворона подстрелить есть не кобысть  
 подлучить».  
 Хоть подстрель ты меня птицу черного ворона,  
 100 Мою кровь пролей ты по сыру дубу,  
 Мою тушницу спусти ты на сыру землю,  
 Мои перья разнесет да й по чисту полю, —  
 Не укрятаёшь плеча могучего,  
 Не утешит сердца й богатырского,  
 105 Поезжай-ка ты, удалый дуродний добрый  
 молодец,  
 Поезжай-ка ко городу ко Киеву,  
 А ко ласковому князю ко Владимиру:  
 А у ласкова у князя й у Владимира  
 Есть хорош почестен пир да й пированьице,  
 110 На многих князей на многих бояров,  
 Да й на сильниих могучиих богатырей,  
 Да й на славных поляниц да й разудалыих».



- Тут стоит да й молодец й призадумался:  
«А слышал я поговѣры на святой Руси —  
115 В кельи старца убить ведь есть не спасенье,  
Черна й ворона подстрѣлить есть — не кѣрысть  
получить».
- Хоть подстрѣль я птицу черна ворона,  
Яго кровь пролью я по сыру дубу,  
Яго тушицу спущу да й на сыру землю,  
120 Яго перья разнесёт да й по чисту полю,  
Не укрятаю плеча могучего.  
Не утешить сердца богатырьского».
- Он снимает скоро й стрелочку й каленую,  
Да й спустил тетивочку й шелковую,  
125 Скоро тугой лук разрывчатой пристегивал,  
А ко правому ль стремечки булатному.  
А во тую ль пору в тое ль времецько  
А крикнет татарин во чистом поли,  
А он кличет выкликает поединщика,  
130 Из чиста поля себе наездника:  
«Ты Владимир князь стольно-киевский,  
А давай мни в поле поединщика,  
Из чиста поля дай мне наездника!  
Ты не дашь как мне да й поединщика,  
135 Из чиста поля да й мне наездника —  
Твоих черных мужичков я всех повырублю,  
Твои божьи церкви я на дым спущу,  
А тебя, князя Владимира, в полон возьму,  
А в полон возьму да й голозѹ срублю».
- 140 Вот Петрой Петрович королевский сын  
Сидит на коне да й призадумался:  
«Как поехать мне дорожкой прямоезжей,  
Прямоезжею дорожкой прямо в Киев-град,  
Так побьет меня татарин во чистом поли,  
145 Он подтрубит мою буйнѹю и головушку,  
А пораспластует мой да й груди белыи,  
Забросит молодца да за ракитов куст.  
Как поехать мне й дорожкой той окольней  
Так не честь-хвала мне будет от богатырей,  
150 Да й не выслуга от князя от Владимира».
- Тут удалый дуродний добрый молодец  
Он пресил себе бога на помочь,  
Пречистую й пресвятую богородицу,  
Препускал коня да й богатырьского,  
155 Поехал дорожкою прямоезжею.

160

Он наехал в поле тут татарина,  
Оны съехались да й поздоровались,  
Становили добрых коней богатырских,  
Оны делали сговор между собой,  
Как же силы у друг друга отведати,  
Надойть разъехаться на конях богатырских,  
Приударить надоть в копыя муржамецкии.  
Приразъехались на конях богатырских,  
Приударили во копыя й муржамецкия —  
165 У них копыя в руках да й погибалися,  
А й по маковкам да й отломилися,  
А доспехи под ними очень крепкие,  
Они бились молодцы не желухою,  
Не желухою молодцы да й по белым грудям.  
170 Бились оны да больно ранились,  
Никоторого й местечка й не кровавили,  
Они делали сговор между собой.

## ВАСИЛИЙ ОКУЛЬЕВИЧ

Как прекрасный царь Василий да Окульевич  
А завел Василий тут почестный пир,  
А почестный пир завел в воскресный день.  
На многих князей, на многих бояров,  
5 Да й на сильниих могучиих богатырей,  
Да й на славных паляниц-то й разудалых.  
Красное солнышко й на вечерах,  
Да й хорош идет почестный пир на весели,  
А все молодцы да й на честном пиру,  
На честном пиру да пьяны-веселы,  
А прекрасный царь Василий да Окулиевич,  
Он по горенки столовой похаживал,  
Да й о столики дубовыя й погуливал,  
Говорит Василий таковы слова:  
15 «У нас красная солнышко й на вечерах,  
Да хорош идет почестный пир на весели,  
А все молодцы вы на честном пиру,  
На честном пиру да пьяны-веселы,  
Да и все вы молодцы й поженены,  
20 За вас красная девушки й замуж даны,  
Только я один хожу холост не жененой,  
А не знаете ль, братцы, супротивницы,  
Чтобы ростом была да й высокешенька,  
А ведь станом была она й прямешенька,  
25 Умом-разумом да й не глупешенька,  
Чтобы личушком была как снегу й белого,

Чтобы очюшки у ней как ясна сокола,  
А ведь бровушки у ней как черна соболя.  
А походочкой была на лани белыи,  
30 А на белыи лани, златорогии,  
Чтобы было мне молодцу с кем жить да быть,  
А вам молодцам да й поклоняться».  
Так тут все молодцы да й на честном пиру,  
На честном пиру да й преумолкнули,  
85 Приумолкнули да й затулялися.  
Старшая тулечка ко средней,  
А средняя й тулечка й за меньшую,  
А от меньшей тулечки ответу нет,  
Таковых людей во граде не находится.  
40 Из-за тых ли столиков дубовых,  
Из-за тых скамеечек окольных,  
Выходил Ивашка вор повареной,  
Становился он в горенки столовой,  
Супрогив царя Василья да й Окульева.  
45 Он тут бьет целом да й поклоняется,  
До тых полов да й до кирпичных,  
Говорит Ивашка й таковы слова:  
«Ты прекрасный царь Василий да Окулиевич,  
Я знаю тебе ведь супротивницу,  
50 А ведь ростом она да й высокёшенька,  
А ведь станом она да есть прямёшенька,  
Умом-разумом есть не глупёшенька,  
На личушко она как снегу й белого,  
А ведь очюшки у ней да й ясна сокола,  
55 А ведь бровушки у ней да й черна соболя,  
А походочка у ней на лани белыи,  
А на белыя лани, златорогии.  
А ведь было ти молодцу с ким жить да быть,  
А ведь нам молодцам да й поклоняться.  
60 А ведь есть за славным синим морем  
У того ль царя да й у Соломана  
Есть прекрасная царица Соломания».  
Тут прекрасный царь Василий да Окулиевич  
Он ударил Ивашка-та й по той страны,  
65 Он ударил Ивашка и по другой страны,  
Говорил Ивашку таковы слова:  
«Ай же ты, Ивашка вор поваренной,  
Говоришь ты речи неумельныи,  
Как же можно от жива мужа,  
70 У жива мужа да й жена отнять?»

Етòт Ивашка вор поваренный  
 А он бьет целом еще и по дру́гой раз  
 До тех полов до кирпичных.  
 «Ты, прекрасный царь Василий да й Окулевич,  
 75 А построй-ка ты да й червлен корабль,  
 Нагрузи товару ты й на кàрабле,  
 А построй-ка столбички точены,  
 Положи-тка грядочки орлены,  
 А повесь-ка клетки золочены,  
 80 Посади-тка птичушèк ты райских,  
 Чтобы пели песенки всё царьский;  
 А тому царю да ты Солòману  
 А ты сшей-ка шубу соболиную,  
 Соболиную й шубу в сорок соболей;  
 85 А ты той царицы Соломании  
 А построй камодичек хрущатыи,  
 Ты отправь Ивашку за синè море,  
 Привезу тебе царицу Соломанию».  
 Тут прскрасный царь Василий да Окулиевич  
 90 Он ударил Ивашка как по той стране,  
 Он ударил Ивашка й по другой стране,  
 Говорит Ивашки таковы слова:  
 «Ай же ты, Ивашка вор поваренной,  
 Говоришь ты речи неумельнии,  
 95 А ведь как же можно от жива мужа,  
 От жива мужа да й жену отнять?!»  
 Етòт Ивашка вор поваренный  
 А он бьет целом еще й по третий раз.  
 А до тех полов да й до кирпичных,  
 100 Говорит Ивашка таковы слова:  
 «Ай же ты, прекрасный царь Василий да  
 Окулиевич,  
 А построй-ка ты да й червлен корабль,  
 Нагрузи товару ты й на кàрабле,  
 А построй-ка столбички точены,  
 105 Положи-тка грядочки орлены,  
 А повесь-ка клетки золочены,  
 Посади-тка птичушèк ты райских,  
 Чтобы пели песенки всё царьский;  
 А тому царю да ты Солòману  
 110 А ты сшей-ка шубу соболиную,  
 Соболиную й шубу в сорок соболей;  
 А ты той царицы Соломании  
 А построй камодичек хрущатыи,

Ты отправь Ивашку за синё море,  
 Привезу тебе царицу Соломанию».

Тут прекрасный царь Василий да  
 Окульевич

Он построил тут червлен корабль,  
 Нагрузил товару й на кàрабле,  
 А поставил он столбички точеныи,  
 Положил он грядочки орленыи,  
 Он повесил клетки золоченыи,  
 Посадил птичушек ведь райских,  
 Оны пели песенки всё царские;  
 А тому царю да он Солòману,  
 А он сшил-та й шубу соболиную,  
 Соболину́ю шубу в сорок соболей;  
 Той царице Соломании

Он построил камодичёк хрущатыи,  
 А отправил Ивашку за синё море,  
 А ётот Ивашка вор поваренной,  
 Он садился Ивашка на червлен корабль,  
 Он отчалил от гавани коробельной,  
 А он выехал во славное синё морё,  
 Распускал он тонки белы пàруса,  
 А заваяло тут лёгкое поветерьице,  
 Понесло Ивашка й за синё морё,  
 Приезжал Ивашка за синё морё,  
 Становился в гавань коробельную,  
 Выходил на пристань коробельную,  
 Сам пошел в палаты белокаменны,  
 Ко тому царю да ко Солòману,  
 Приходил Ивашка на широкий двор,  
 А Солòмана дома не случилось,  
 А ведь тая царица Соломания

Увидала в косясчато окошечко  
 Что идет Ивашка вор поваренной,  
 По грудям она й в окошечко кидаласи,  
 Говорила Ивашки таковы слова:  
 «Ай же ты, Ивашка вор поваренный,  
 Ты пожалуй к нам в палаты белокаменны».

Приходил Ивашка вор поваренной  
 А во тыя ль палаты белокаменны,  
 А он крест кладет да й по писаному,  
 А поклон ведет да й он по ученому,  
 А царице Сòломании он кланялся,  
 Говорит ему царица Соломания:

160

«Ай же ты, Ивашка вор поваренный,  
Ты зачем же к нам пожаловал?»  
Говорит Ивашка таковы слова:  
«Ай же ты, царица Соломания,  
Я приехал гостем к вам торговым.  
Ты сходи-ка к нам да на червлен корабль,  
Посмотри товару ты й на кáрабле:

165

А у нас товары всё заморские,  
А тому ль царю да ведь Солóману  
Есть та й сшита шуба соболиная;  
Соболиная шуба в сорок соболей;  
А тебе царице Соломании

170

Есть построен комодичек хрущатыи».   
Говорит царица Соломания:

175

«Ай же ты, Ивашка вор поваренной,  
А торгуй, Ивашка, хоть по гóд поры,  
А торгуй, Ивашка, хоть по двá году.  
А с тебя нам пошлины не надобно».

180

Етòт Ивашка вор поваренный,  
А он бьет целом еще й по дрóгой раз,  
А до тых полов да й до кирпичных,  
Говорит Ивашка таковы слова:  
«Ай же ты, царица Соломания,  
Я приехал гостем к вам торговым,  
Ты сходи-ка к нам да на червлен корабль.  
Посмотри товару ты й на кáрабле:

185

А у нас товары всё заморские,  
А тому ль царю да ведь Солóману,  
Есть та й сшита шуба соболиная,  
Соболиная шуба в сорок соболей.  
А тебе, царице Соломании,  
Есть построен комодичек хрущатыи».

190

Говорит царица Соломания:  
«Ай же ты, Ивашка вор поваренной,  
А торгуй, Ивашка, хоть по гóд поры,  
А торгуй, Ивашка, хоть по двá года,  
А с тебя нам пошлины не надобно».

195

Етот Ивашка вор поваренный  
Бьет целом еще й по третий раз.  
А до тых полов да й до кирпичных.  
Говорит Ивашка таковы слова:

200

«Ай же ты, царица Соломания,  
Я приехал гостем к вам торговым,  
Ты сходи-ка к нам да на червлен корабль,

Посмотри товару ты й на кáрабле:  
 А у нас товары всё заморские,  
 А тому ль царю да ведь Солòману  
 205 Есть та й сшита шуба соболиная,  
 Соболиная шуба в сорок сòболей.  
 А тебе, царице Соломании,  
 Есть построен комодичек хрусчатый».

Говорит царица Соломания:  
 210 «Ай же, нянюшки да мои мамушки,  
 Вы справляйтесь-ка да й снаряжайтесь-ка.  
 А пойдем на пристнань коробельную  
 А на тот на славной на червлен корабль  
 Посмотреть товаров там на корабли».

215 Тут справлялися да й снаряжались  
 А на тую пристань коробельную.  
 Приходи́л на́ приста́нь коробельную,  
 Зиходили на́ славный и червлен корабль.  
 Ётот Ивашка вор поваренной

220 Проводил царицу Соломанию  
 Ко тому ль комодику хрусчатому.  
 Отмыкал комодичек он хрусчатой,  
 А бы́л там вина всё заморский.  
 Ета́ царица Соломания

225 Вин заморских принапилася,  
 Принапиласи да й обвалиласи,  
 А тот Ивашка вор поваренной  
 Приказал срубить скоро й якоря,  
 Якоря рубить да й он тяжелыи,

230 А отчалил он с гавань корабельной.  
 Выезжал во славное синё морё,  
 Распускал он тонки белы па́руса  
 А поехал за славное синё морё.  
 А тут сделалось легко й поветёрьице,

235 Понесло Ивашка за синё морё.  
 Тут царица Соломания проснуласи.  
 Говорит Ивашки таковы слова:  
 «Ай же ты, Ивашка вор поваренной.  
 А ты сам погинул й меня сгубил».

240 Говорит Ивашка вор поваренный:  
 «Ай же ты, царица Соломания,  
 Не печалься ты, царица Соломания,  
 Я свезу тебя да й на святую Русь,  
 А мы выдадим за Василья да Окулиева».

245 Привозил Ивашка на святую Русь,



Заезжал он в гавань корабельную,  
 Тут встречает царь Василий да Окульевич,  
 Он берет царицу за белы руки,  
 А за перстни брал да за злачёныи,  
 250 Да й повел во матушку й божью церковь,  
 Принимали оны да й по злату венцу,<sup>1</sup>  
 Они по год жили — Солòмана боялиси,  
 И по другой жили Солòмана боялиси,  
 И по третий жили — Солòмана боялиси,  
 255 Через три года царь Солòман приезжает на  
 святую Русь,  
 Он идет в палаты белокаменны,  
 К царю Василию Окульевичу,  
 Царя Василия Окульевича дома не случилось.  
 Увидала царица Соломания,  
 260 Что идет царь Солòман в палаты белокаменны,  
 Навстречу ему выбегала,  
 Брала его за руки белыи,  
 Повела его в палаты белокаменны,  
 Говорила ему таковы слова:  
 265 «Ты прости меня, царь Солòман, в вины великой,  
 Что пошла я на пристань корабельную,  
 Упилась я там зелено вино».  
 Говорит тут царь Солòман таковы слова:  
 «За ету вину я прощу тебя,  
 270 Что ты шла на пристань корабельную,  
 А что пила зелено вино, то не могу простить».  
 Тут идет Василий Окульевич в палаты  
 белокаменны.  
 Говорит тут царь Солòман таковы слова:  
 «Ты спрячь меня, царица Соломания».  
 275 Царица Соломания открывала глубок ларец,  
 Посадила туда царя Солòмана,  
 Сама села на глубок ларец.  
 Приходит царь Василий Окульевич,  
 Говорит царица Соломания:  
 280 «Ты, прекрасный царь Василий да Окульевич,  
 Мы три года Солòмана боялиси,  
 А теперь сидит царь Солòман под ж.... бабьей,  
 Ты казни-ка казни царя Солòмана,  
 Казни его да й не замедливай».  
 285 Тут прекрасный царь Василий да Окульевич

<sup>1</sup> До сих пор спето. Дальше запись со слов.

290

Поставил столбики точеныи,  
Грядочки положил да орленыи,  
Повесил три петелки шелковыи,  
Брал он тут царя Солѡмана,  
Пошли они казнить царя Солѡмана,  
Пошла тут и царица Соломания,  
Говорит тут царь Солѡман таковы слова:  
«Первыи колеса идут как идут,

295

А другии колеса самы катятся,  
А третии колеса чорт ли несет».  
Приходили к петелкам шелковым,  
Говорит тут царь Солѡман таковы слова:  
«Ты, прекрасный царь Василий да Окульевич,  
А ведь с малых лет я коров пасывал,  
Привык я играть во турий рог,  
Ты позволь мне сыграть во турий рог  
При моей царской кончинушки».

800

Прекрасный царь Василий да Окульевич  
Позволил ему сыграть во турий рог.

805

Тут заиграл Солѡман во турий рог —  
С-за того за славного с синя моря  
Великий шум пошел.

Говорит тут царь Василий Окульевич:

810

«Ай же ты, Солѡман царь,  
Что это значит за шум такой?»

Говорит тут ему в ответ Солѡман царь:

«Ты, прекрасный царь Василий да Окульевич,  
Это слетаются на мою царскую кончинушку  
Все птицы с-за синя моря».

815

Говорит царица Соломания:

«Ты, прекрасный царь Василий да Окульевич,  
Казни, казни, казни Солѡмана,  
Ты казни его, да не замедливай».

820

Тут говорит царь Солѡман таковы слова:

«Прекрасный царь Василий да Окульевич,  
Ты позволь-ка мне сыграть во турий рог,  
Во турий рог по другой раз».

Тут сыграл Солѡман во турий рог,  
Во турий рог играл по другой раз.

825

С-за того с-за славного синя моря  
Великий шум идет.

Говорит Василий Окульевич:  
«Ай же ты, Солѡман царь,

Отчего за славным синим морем

Великий шум идет?»

Говорит Солдман царь:

«Прекрасный царь Василий ты Окульевич,  
На мою на царскую кончинушку  
Сбсгаются все звери люгьи».

Говорит царь Солдман таковы слова:

«Прекрасный царь Василий да Окульевич,  
Ты позволъ-ка мне сыграть во турий рог,  
Во турий рог по третий раз».

Тут заиграл Солдман во турий рог,

Во турий рог да й по третий раз —

Налетели тут воины могучии,

Паляницы разудалыи,

Схватили царя Василия Окульевича

И того ль Ивашку вора поваренна,

Тую ль царицу Соломанию,

Положили их в петелки шелковыи.

Да тым былиночка и кончилась.

---



30 Омешики по камешкам почеркивают.  
 Ехали оне и дѣбры молодцы  
 Цельной день с утра й до вечяра,  
 Не наехали в чистѡм поли ратая.  
 Орѣт в поле ратай понукиваетъ,  
 35 Сошка у ратая поскрыпываетъ,  
 Омешики по камешкам почеркивают.  
 Ехали оне и дѣбры молодцы  
 Дрѹгой день с утра й до вечяра,  
 Не наехали в чистѡм поли ратая,  
 Орѣт в поли ратай понукиваетъ,  
 40 Сошка у ратая поскрыпываетъ,  
 Омешики по камешкам почеркивают.  
 Ехали оне и добры молодцы  
 Третьей день с утра й до пѣбедья,  
 Наехали в чистѡ[m]поли ратая  
 45 Орѣт в поле ратай понукиваетъ,  
 Сошка у ратая поскрыпываетъ,  
 Омешики по камешкам почеркивают.  
 С краю в край бороздки он повѣртываетъ  
 С краю в край проедет, так другого не видать,  
 50 Пенья-корѣнья й вывѣртываетъ,  
 Крупный он камень-ти в бѡровду валит  
 «А бог теби помощь, орѣтаюшко,  
 Орѣт да пахать да й крестьяновать».

\* \* \*

55 Говорил тут Вольга Святославгович.  
 «Ай же ты, орѣтай орѣтаюшко,  
 Етая кобыл(ы)ка коньком бы была,  
 За етую кобыл(ы)ку пятьсѡт бы дали»  
 Говорил тут орѣтой орѣтаюшко:  
 60 «Глупый ты Вольга й Святославгович,  
 Брал я кобыл(ы)ку с-под матушки,  
 Заплатил за кобыл(ы)ку пятьсѡт рублей,  
 Етая кобыл(ы)ка коньком бы была,  
 За етую кобылку бы сметы нет.

## 2

### ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из тово ль из города из Муромля,  
 Из тово ль сяла да й Карочирова,  
 Из тово ль подворья й богатырскаго,  
 5 Выезжал дуродный добрый молодец,  
 Стѣрый козѣк-то Илья Муромец,  
 Илья Муромец да й сын Иванович,  
 Он заутрену тую христовскую  
 Он заутрену служил во Муромле,  
 На обѣденку хотѣл поспѣть во стольно  
 Кіѣв-град.

10 Выезжал в раздольице и чисто поле,  
Подъезжал ко городу и Чернигову,  
Как тот путь его и дорожка приваешкала.  
Как под славным городом Черниговым  
15 Нагнанó-то и силушки чёрным-чёрно́,  
А чёрным чёрно́ как чёрного вóрона.

3

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ НА ЗАСТАВЕ

Как на славной ли на заставы московской  
А стояло двенадцать богатырей да свето-  
русских,  
Охраняли заставу и московскую,  
Охраняли все и дороги прямоезжий.  
5 Через и их-то ль заставу и московскую  
Там не птица и чёрный ворон ни  
пролётывал,  
А ни серый зверь там ни прорыскивал,  
А ни конный никто там не проеживал.  
А пяхотый никто там ни прохаживал.

4

ПЕРВЫЙ БОИ ДОБРЫНИ СО ЗМЕЕМ

Как спорóдила ль Добрыню рóдна матушка,  
А вoaróстила и до полного и до возрасту.  
Молодой Добрынюшка Мекитинец  
5 Равудалый дуродний был он молодец,  
А ездил в раздольице в чисто поле  
А он в поле ездил за охотою.  
Как проездил молодец по дёнь поры  
А проездил молодец по другой день.

5

ДОБРЫНЯ И МАРИНКА

Как три году молодец-та стольничал,  
Да и три году и молодец-та и чашничал,  
А три году молодец да и у ворот стоял,  
Молодой Добрынюшка Микитинец.  
5 Равудалый дуродний был он молодец,  
Похотел гулять по городу по Кияву,  
А ходил-гулял Добрынюшка и по дёнь  
поры,  
А ходил-гулял Добрынюшка и по другой  
день.  
10 Говорит Добрыни рóдна и матушка:  
«Ай же, свет моё ты чадо милое,  
Молодой Добрынюшка Мекитинец».

## ДОБРЫНЯ В ОТЪЕЗДЕ

- Как во стольном было в городе во Киеве,  
 А у ласкового князя у Владимира  
 А ведь было пированье почестен пир,  
 На многих князей на многих бояров,  
 5 Да на сильных могучих богатырей,  
 Да на славных палениц да й разудалых,  
 Еще краснó солнышко на вчери,  
 А хорош идёт почестный пир на всеселъ.  
 10 А Владимир князь да стольно-киевский,  
 Между столики дубовые похаживал,  
 Меж скамеечки окольные погуливал,  
 Да в косящето окошечко посматривал,  
 Говорил тут сам он таковы слова:  
 15 «Ай же вы, дуродни добры молодцы,  
 Еще все вы, молодцы да на честном пиру,  
 На честном пиру да й пьяны-веселы.  
 Над собой невагодушки не знаете,  
 А кого бы мне й послать-попыехать  
 20 Да во тую ли во землю да й во дальнюю.  
 Да во тую ли во орду да во темную,  
 Во темну орду да й в хоробру Литву,  
 Ко тому ли к королю литовскому,  
 25 Ко тому ли к Ботьяну к Ботильнову,  
 Да свезти-то й дани ему й выходы,  
 Еще царских старых тех невыплаты,  
 Да за все ль времена да за досюлежны?»  
 Так тут все на пиру да й призамокнули,  
 Призамокнули, призатулялися.  
 30 А ведь старшая туличка й за среднюю,  
 А ведь средняя туличка й за младшую,  
 А от младшей тулечке й ответу нет,  
 Таковых людей во граде ни находится.  
 Из-за тех тут из-за столичков дубовых,  
 35 Из-за тех тут из-за скамеечек окольных,  
 А вставал старый Спермён да сын  
 Иванович,  
 Сын Иванович да й Илья Муромец.  
 Говорит-то он тут таковы слова:  
 «А Владимир князь да стольно-кеевской.  
 Не вели казнить, позволь мне вымолвить.

## КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА

Из того ль из города из Крякова,  
 Из того ль сяла да из Берёзова,  
 И из толь-то славной улички Рогатцы,  
 Охвочь ездить молодец был во чисто помѣ,

5

А стрелял он в поле гусей-лебелей,  
Серых-малых пирилётных утёнышей,  
Молодой Петры́й Петро́вич королевский  
сын.

Он проехал молодец по дню поры,  
А проехал моло́ец по друго́й день,  
Ни наехал он не гуся-то и не лебедя  
А не серого пирилётного и утёныша.

10

## 8

## ХУДАЯ ЖЕНА, ЖЕНА УМНАЯ

Жил у батюшки и был у матушки  
В ободрюшки да и одинокой сын,  
Он и ел сладко да и работал легко.  
Работал легко да и носил красно,  
5 Похотели тут да отец с матушкой,  
Пожанить дуродней добра и молодца  
Пожанили молодца в своей деревенки,  
А замуж брали очень богатую,  
А приданого-та и много и — человек худой,  
10 А приданое висит на грядочки,  
А худая а жана ана на ручки спит.

10



# БЫЛИННЫЕ НАПЕВЫ И. Г. РЯБИНИНА-АНДРЕЕВА

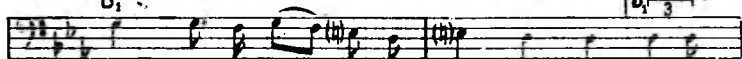
## ВОЛЬГА И МИКУЛА

♩ = 88-108 А

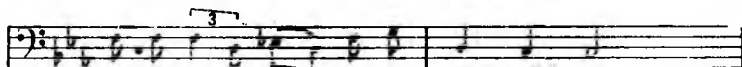


Жил, Свя-то-слав де-вя-но ста лет, —

Б.

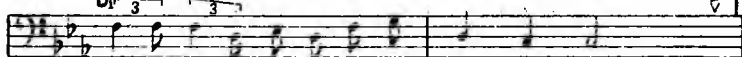


Жил, Свя-то-слав да-й пре-дста-ви-лса, О-ста-



ва-лось от не-гой ча-до ми-ло-е.

- В.

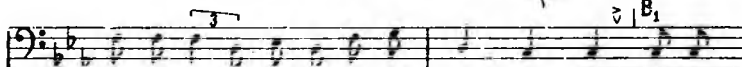


Мо-ло-дой Воль-га да Свя-то-сла-вно-вич

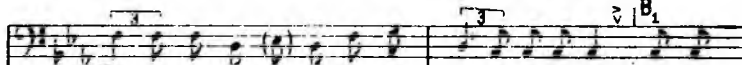
В.



Стал Во-ли-га ра-стеть ма-те-реть, Па-ха-



те ло-си Во-льги да мно-го му-дро-стей, Шу-кой



ры-бо-ю хо-дить е-му впу-бо-ки-их мо-рях, Пти-цей

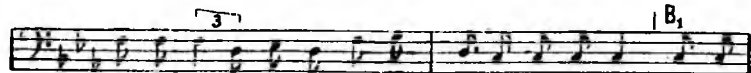


со-ко-лом ле-тать е-му под о-бо-ло-чки,

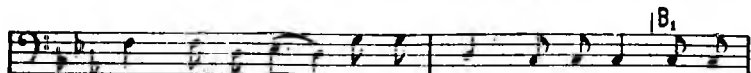
В.



Ры-ска-ти во-лком во-чи-стых по-лях. У-хо-



ви. ли то все ры - бу - шки вглу - бо - ки - и мо - ря, У - ля -

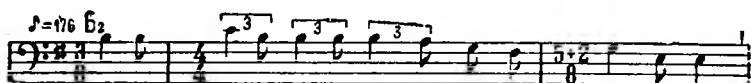


та - ли все пти - чки под о - бо - ло - чки, У - бя -

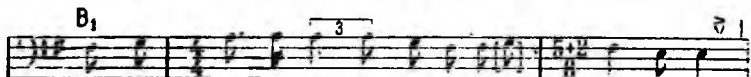


жа - ли все зве - ри во тё - мны ле - са

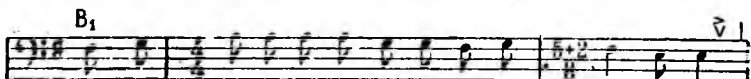
## ДОБРЫНЯ НИКИТИЧ В ОТЪЕЗДЕ



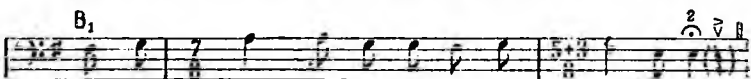
Как во стольныём во го - ро - ди во Ки - я - ви,



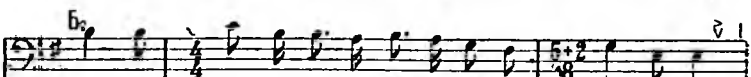
А у ла - ско - во - го кня - зя у [Вла] - - ди - ми - ра



Был хо - - рош по - че - стен пир дай пи - ро - - ва - ньи - це



На мно - - гих кня - зей на мно - гих бо - я - ров.

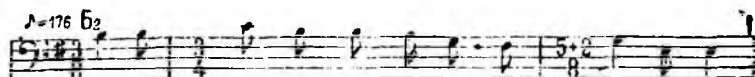


Дай на си - льных мо - гу - чих бо - - га - ты - рей,



Да - й на сла - вных па - ле - ниц дай ра - зу - - да - лы - их

# КОРОЛЕВИЧИ ИЗ КРЯКОВА



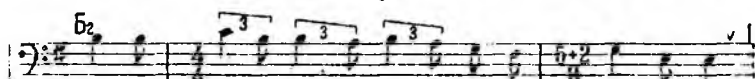
Из то . . го-ль из го . ро . да из Кря . ко . ва .



Из то . . го-ль ся . ла да из Бе . . ре . зо . ва ,



А из той со славной у . ли . чки Ро . . га . ти . цы



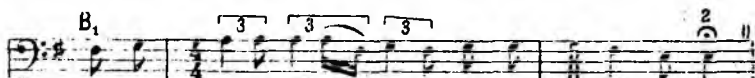
О . хвочь ездить мо . по . дец был во чи . . сто по . лё ,



Мо . ло . . дой Пе . трый Пя . тро . вич на . ра . . ле . вский сын

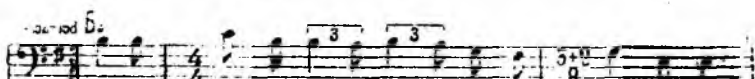


А стре . . лял он в по . ле гу . сей ле . бе . дей

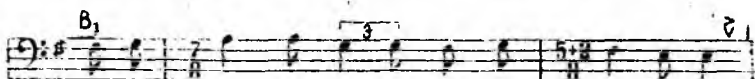


Се . рых ма . лых пи . ри . . ле . тных их у . . те . ны . шей

# БОЯРИН ДЮК СТЕПАНОВИЧ



Как из той бы . ла Ин . де . юшки с ба . . га . та . ей



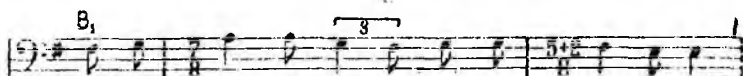
Да . из той Га . ли . чи из про . . кля . та . ей



Из то... го-ль со сла - вна Ва - лын го - ро - да.



Как спра... вя... ет... са и сна... ря... жа... е... тся



А на ту - ю-ль ма - ту - шку сая... ту - ю Русь



Мо - ло... дой бо - и - рии Дюк Стя... па - но - вич

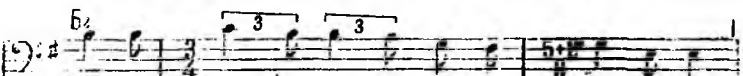
## ХУДАЯ ЖЕНА - ЖЕНА УМНАЯ



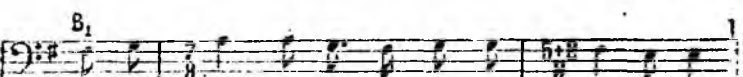
Жил у ба - тю - шна да жил у ма - ту - шки



В а - ба - дро - ку - шни да-й а - ди... но - кай сын



Он ел пил сладко да-й ра - бо... тал. ля - хно.



Ра - бо... тал ля - хно да и но... сил кра - сно



Па - ха... те - ли тут да-й о - теб сма - ту - шкой



Па - жа... нить ду - ра - пней до - бра - й мо - ло - дца

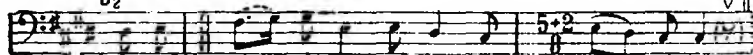
# ВАСИЛИЙ ОКУЛЬЕВИЧ

♩ = 184 В<sub>2</sub>



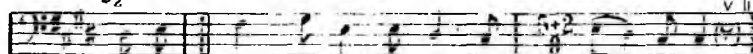
Нак пре . кра . сный царь Ва . си — лей да О . . . ку . ли . е . вич

В<sub>2</sub>



А за . . ве . п(ы) Ва . си . лей тут по . . . че . стной пир

В<sub>2</sub>



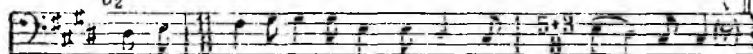
А по . . че . стной пир за . вел в во . . скре . сней день

В<sub>2</sub>



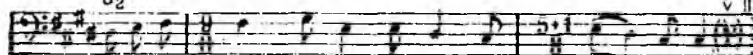
На мно . гих кня . зей на мно . гих бо . . . я . ров ,

В<sub>2</sub>



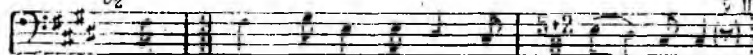
Да - й на си . лных мо . гу . чих бо . . . га . ты . рей

В<sub>2</sub>



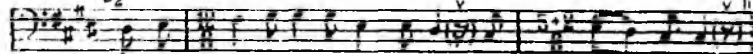
Да - й на всех по . ля . нии то - й ра . зв . . . да . ги . их

В<sub>2</sub>



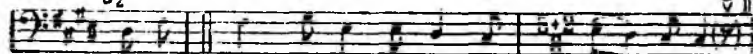
Кра . . сно . я со . лны . шной на ве . . че . ри

В<sub>2</sub>



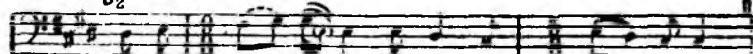
Да - й хо . . рош и . дет по . че . стной пир на ве . . св . ли

В<sub>2</sub>



А все мо . ло . ды да - й не чя . . стно . м(ы) пи . ру

В<sub>2</sub>



На чя . стно . м(ы) пи . ру да пъя . ны ве . . се . ны

Все тексты былины печатаются по рукописи В. Н. Всеволодского-Гернгросса, которая находится в Рукописном хранилище сектора фольклора Института литературы Академии наук СССР (колл. XI, п. I., №№ 1—9).

При записи собиратель применял метод, который наиболее обеспечивает точность воспроизведения: начальную запись со слов и затем проверку по исполнению («по голосу»). Соответственно этому в примечаниях к отдельным былинам указаны иногда два числа записи, второе число относится ко времени, когда произведена проверка.

Собиратель при записи пользовался облегченной транскрипцией, которую мы полностью и сохраняем, так же как и все обозначения ударности, которые проведены собирателем с особой тщательностью, и обозначения беглости звуков (Казимирович). Звук е на месте привычного ё выделяется нами знаком ударения.

В качестве особенности произношения И. Г. Рябинина-Андреева следует отметить некоторое приближение его к литературному разговорному языку с сохранением все же ряда особенностей северного, в частности ваонежского диалекта. В его произношении оканье, кроме того, периодически сопровождается яканьем. Последнее собирателем отмечено в ряде случаев, оно хорошо также видно в расшифровках фонограмм.

В строфической форме мы сочли возможным представить только те тексты, в записи которых обозначение частей напева, на которые исполнялись стихи, проведено последовательно через весь текст. Основной рябининский напев, на который исполнялось большинство былин, состоит из двух музыкальных полустроф. Стихи, которые приходятся на первую музыкальную полустрофу и образуют зачин стихотворной строфы, мы обозначаем отведением стиха влево.

Заглавия былин без скобок принадлежат исполнителю, в скобках — составителю сборника. Заглавия былинных фрагментов в приложении перенесены из формуляров к фонозаписям.

# 1. Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром

## [Илья Муромец и Калин-царь]

Запись 3—4 марта 1921 г.

Публикуемый текст является вариантом былины об Илье Муромце и Калине-царе, разрабатывающей одну из центральных тем героического цикла — о нападении на Киев татарских полчищ. Обзор вариантов и литературу см. Астахова, стр. 595. Дополнительно: Парилова-Соймонов, № 32; Авадовский №№ 2, 36. Приложение, № 1; Бородина-Липец, I, № 3; см. также Леонтьев, № 6.

От Т. Г. Рябина были записаны две былины о нашествии Калина, представляющие два различных типа обработок темы: 1) Илья Муромец, Ермак и Калин-царь (Рыбников, I, № 7) — с Ермаком в роли главного героя; 2) Илья Муромец и Калин-царь (Гильфердинг, II, № 75) — с участием богатыря Самсона. Вторая былина является типичной прионежской композицией, включающей эпизод ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром. К ней и восходит текст Ивана Герасимовича.

От И. Т. Рябина эта былина записана не была, но в списке Евг. Ляцкого (Ляцкий, стр. 31) былина о Калине-царе значится; и хотя нет указания, какой из двух сюжетов о Калине сказителем исполнялся, однако, очевидно, в списке идет речь о втором, так как от отца и был усвоен текст Иваном Герасимовичем.

От Петра Ивановича Рябина-Андреева записана былина с тем же заглавием, что и у отца (Былины П. И. Рябина-Андреева, № 3) и также повествующая о нашествии Калина. Но первая ее часть совсем иная, представляет другую версию темы ссоры; Никита Залешанин — неузнанный Илья Муромец на пиру у князя Владимира.

Текст Т. Г. Рябина в записи Гильфердинга принадлежит к числу наиболее ярких, полных и стройных вариантов былины о Калине-царе с четко выделенными социальными мотивами.

Вариант Ивана Герасимовича прекрасно сохранил все качества дедовской редакции, в некоторых частях даже превосходит дедовский текст, ср., напр.: описание заточения, картины наступления врага и др.; см. статью, стр. 32.

Текст И. Г. длиннее дедовского на 16 стихов. В нем больше повторений, см., напр., в стихах 68—92, в изображении приезда посла, не только полное повторение содержания грамоты, но и словесного наказа Калина о том, как посол должен держать себя в Киеве — ср. у Трофима Рябина соответствующие этому месту стихи 64—73; в стихах 166—183, в рассказе дочери о мерах, принятых ею к сохранению жизни Ильи Муромца, повторное перечисление ее действий и др. Разрастание текста в некоторых его частях обусловлено также постоянным употреблением прямой речи (примеры см. в статье, стр. 29). В описание выезда Ильи Муромца в поле вставлен обстоятельный рассказ о том, как Илья встал к себе, пил, ел, лег спать, утром встал и т. д. (стихи 234—254) — у Т. Г. Рябина он отсутствует.

Некоторые эпизоды все же И. Г. передает более сокращенно. Так, у него нет картины седлания коня (стихи 168—189 варианта Т. Г.), сокращены диалог Ильи Муромца с Самсоном и ответ

Илья Калину на предложение последнего идти к нему служить, но в целом в варианте И. Г. видим скорее тенденцию к детализации и развертыванию, чем к сокращению.

Чисто словесная редакция варианта более олязка к тексту Т. Г. первой части; вторая часть пересказывает содержание более свободно, в ней лишь отдельные стихи совпадают дословно со стихами Т. Г. Но вся композиция второй части сохранена, все эпизоды переданы в точности.

Стих 623 в первый раз был передан так: «Мы разбили армию великую».

Относительно стихов 104—109, 123—128 и 224—299 нет обозначения, на какую часть напева они были исполнены. Строфическое обозначение стихов в этом месте надо считать условным.

Начало записано на фонограф (Фонограммархив, №№ 704—705).

## 2. Сс о р а к н я в я В л а д и м и р а

Запись 7 марта 1921 г.

Тема ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром проходит, в различных вариациях, через целый ряд былин героического цикла, сообщая им большую социальную остроту (обойденный и оскорбленный князем богатырь, подчас даже несправедливо заточенный им в погреб, в минуту грозной опасности оказывается спасителем Киева). Отдельных же, самостоятельных былин на тему ссоры немного. Они группируются вокруг двух различных сюжетных разработок темы: 1) о неузнанном на пиру Илье Муромце («Никита Залешанин», см. Киреевский, IV, стр. 46); 2) о буйстве в Киеве оскорбленного князем богатыря.

Второй из названных сюжетов был, очевидно, оформлен под влиянием социальных настроений XVII в. — эпохи массовых народных движений против московского правительства и господствующих классов (мотивы бунтарства Ильи, дружба его с «голями»).

Все известные варианты довольно близки друг к другу. Рыбников, I, № 119; Гильфердинг, №№ 47, 76; «Песни донского казачества», № 23; Парилова и Соймонов, №№ 2, 33 отличается многими оригинальными чертами в деталях разработки сюжетной схемы.

От предков Ивана Герасимовича имеется лишь одна запись, произведенная Гильфердингом от Трофима Рябина (№ 76). От Ивана Трофимовича былина не была записана, но известно, что сказитель ее знал (Ляцкий, стр. 31). В репертуаре Петра Ивановича ее нет.

Вариант Т. Г. Рябина отличается мастерским изображением действующих лиц: разбушевавшегося богатыря и перепуганного чванного князя.

Редакция публикуемой былины та же. Композиция в целом осталась без изменений; отдельные части совпадают текстуально; размеры обоих вариантов одинаковы. Сохранены некоторые характерные художественные штрихи в изображении героев, например раздумье князя Владимира о том, кого послать за Ильей Муромцем:

Самому пойти мне ведь не хочется,

А Опрасия послать, так не к лицу придет.



Изменения, внесенные И. Г., незначительны и заключаются преимущественно в перестановке стихов и слов, в чисто словесном сокращении и развертывании эпизодов. Наиболее существенные изменения, характеризующие индивидуальную манеру сказителя, указаны в статье, см. стр. 27—31.

### 3. Илья Муромец и дочь его]

Запись 3 марта 1921 г.

Текст является третьей записью уникальной былины Рябининых о единоборстве Ильи Муромца с неузнанной дочерью-богатыркой. Предшествующие записи — Рыбников, № 5, Гильфердинг, № 77.

Былина эта — вариант известной былины героического цикла об Илье Муромце и сыне, представляющей обработку мирового сюжета о единоборстве отца с неузнанным сыном. Корни этого сюжета восходят к эпохе матриархата, но период борьбы древней Руси с кочевниками дал историческую окраску русской обработке сюжета (изображение богатырской заставы). Перечень вариантов былины «Илья Муромец и сын», обзор различных типов и литературу см. у Астаховой, стр. 609. Дополнительно: Парилова-Соймонов, № 19; Азадовский, № 29; Бородина-Липец, I, № 14; Леонтьев, № 3. Былина Рябининых примыкает к той прионежской редакции, где вводится мотив заставы, но не развернута характеристика богатырей.

Былина о встрече Ильи Муромца с дочерью от Трофима Рябинина была записана дважды (см. выше). От И. Т. Рябинина записи этой былины нет, но в списке Ляцкого она указана. Петр Иванович ее не перенял.

К сожалению, сохранилась лишь вторая часть былины Ивана Герасимовича, хотя записана она была вся. Эта вторая часть значительно превышает по своим размерам соответствующие части обеих ранних записей. У И. Г. она занимает 199 стихов, у Т. Г. в записи Рыбникова — 124, в записи Гильфердинга — 177. Это удлинение былины обусловлено несколько более подробным развертыванием отдельных эпизодов. Ср., напр., изображение временного поражения Ильи Муромца: у Т. Г. в записи Рыбникова 8 стихов (167—174), в записи Гильфердинга тоже 8 стихов (185—192), у И. Г. — 14 стихов (6—19); расспросы неизвестной богатырки в обеих записях от Т. Г. занимают по 3 стиха, у И. Г. — 6 стихов, и др. Обратных случаев — сокращения эпизодов — меньше. Наиболее значительное сокращение — пропуск Иваном Герасимовичем всего рассказа Ильи Муромца о его приключении в земле Тальянской (Гильфердинг, № 77, стихи 293—299) или в Литве (Рыбников, № 5, стихи 261—266).

Текст И. Г. ближе к варианту Рыбникова, и отдельные места почти дословно передают именно рыбниковскую запись. Это еще раз подтверждает, что Иван Трофимович перенял большинство былин от отца в их более ранних редакциях. Как и у Рыбникова, родиной поляницы вместо земли Тальянской (запись Гильфердинга) в варианте И. Г. оказывается Литва.

Наиболее значительные отклонения от источника: 1) подробность последнего столкновения Ильи Муромца с поляницей, когда спящий богатырь, внезапно проснувшись от ударов поляницы,

видит ее перед собой (Гильфердинг № 77, стихи 337—340; Рыбников, № 5, стихи 304—307), перенесена и в эпизод временного поражения Ильи Муромца (стихи 29—32); 2) заканчивает И. Г. свою былинную историю о возвращении Ильи, после расправы с поляницей, на московскую заставу — в обоих вариантах от Т. Г. изображение расправы служит концом; 3) заключительный стих варианта И. Г. «А ничем он своим братьятам не хвастает» не принадлежит источнику, но аналогичен концовке всех рябининских вариантов былины о первом бое Добрыни со Змеем. Как и там, он имеет свой психологический смысл (в былинной о бое со Змеем Добрыне нечем хвастать, так как Змей не убит, здесь Илье не хочется рассказывать о вынужденном убийстве дочери).

В записи есть пропуски обозначений, на какие части напева исполнялись стихи, поэтому мы не могли дать былинную в строфической форме.

Расшифровку фонограммы начала былины см. в приложении, № 3.

#### 4. Второй бой Добрыни Микитича со Змеем Горынищем

Запись 6 марта 1921 г.

Былина о змееборстве Добрыни входит в цикл героических былин о борьбе русских богатырей с врагами-насильниками. Характерное отличие данной былины от других — в сказочном образе врага Змея.

Возникновение центрального мотива — змееборства — относится еще к доклассовому периоду, известны многочисленные сюжетные обработки его в сказках русского и других народов. Почему этот мотив был приурочен в былинном эпосе к Добрыне, еще неясно: просто ли как к старейшему богатырскому имени или под воздействием легенд о крещении, связанных с именем исторического Добрыни, дяди князя Владимира. В последнем случае могла оказать влияние известная христианская аллегория: явичество — Змей.

Литература по данному вопросу указана у Астаховой, стр. 570. там же и перечень вариантов, говорящий о значительной распространенности былины, особенно в Прионежье. Здесь сюжет получил и особенно богатую и тщательную разработку, в которой сохранились, по видимому, черты древнейших редакций. Дополнительно: Парилова-Соймонов, №№ 6, 21; Азадовский, № 3; Бородин-Липец, I, №№ 20, 21.

Главная особенность прионежского типа, выраженная также и в варианте Трофима Рябинина (Гильфердинг, № 79), указана в статье, см. стр. 20—21.

Четкое распадение былины на две части привело к тому, что каждая из них стала исполняться Рябининскими как отдельная, самостоятельная былина. Так, от Ивана Трофимовича и от Петра Ивановича записаны варианты первой части под заглавием «Первый бой Добрыни со Змеем» (Ляцкий, стр. 36; «Былины П. И. Рябинина-Андреева», № 4). И. Т. переложил и вторую часть под названием «Второй бой Добрыни со Змеем». Обе былины были услышаны его пасынком.

Публикуемый текст представляет вторую часть рябининской композиции. Превращение этой части в самостоятельную былину сказалось, прежде всего, на начале, которое получило традиционный зачин с изображением пира (ср. начало части 2 у Трофима Рябинина, тесно связанное с концом части 1). Однако, дальнейшей переработки в том же направлении былина не испытала: задача освобождения Забавы не разъясняется — нет рассказа о самом происшествии, о похищении девушки Змеем; речь Алеши Поповича о том, что следует возложить поручение на Добрыню, может быть вполне понята только на фоне части 1. Ясно, что сказитель, исполняя данную былину, все время имел в виду и часть 1.

Как и другие былины Ивана Герасимовича, и данная отличается полнотой и детальной разработкой эпизодов. В точности повторяя композицию деда в целом, И. Г. делает некоторую перестановку эпизодов и вносит небольшие дополнения. Так, у Т. Г. князь Владимир «накидывает» поручения сперва на Потыка и Илью Муромца, а затем уж на Добрыню, — И. Г., в качестве первого и главного поручения, выдвигает освобождение Забавы. И. Г. иначе оформляет обращение князя Владимира к Добрыне, строя его по типу обращения к Василию Казимировичу в былине Т. Г. «Добрыня и Василий Казимиров». Иван Герасимович вставляет более подробное описание снаряжения Добрыни, аналогичное тому, какое мы находим в части 1 былины Т. Г. Он включает также характерную деталь о подтачивании шеточек у коня вмеенышами, которую мы встречаем в других прионежских вариантах данной былины (см., напр., Гильфердинг, № 157).

Но главное и имеющее существенное значение дополнение находим в развязке — Добрыня замыкает Змея в его норе, чего у Т. Г. нет. См. об этом в статье стр. 33. И. Г. также присоединяет еще в конце благодарность, которую высказывает Добрыне князь Владимир. Этот добавочный штрих, подчеркивая зависимость князя от богатыря, еще больше выделяет роль и значение богатырства. Таким образом, вариант И. Г. даже полнее и разработаннее варианта деда. По количеству стихов превосходит его (у Т. Г. 259 стихов, у И. Г. — 309).

Начало былины записано на фонограф (Фонограммархив, № 706). Фрагмент былины «Первый бой Добрыни со Змеем» — Фонограммархив, № 705, см. расшифровку текста в приложении, № 4.

## 5. Д о б р ы н я и М а р ы н а

Запись 4 марта 1921 г.

Былина о Добрыне и Маринке принадлежит к группе былино-повелл со сказочным содержанием. Сюжет построен на теме, известной в мировом фольклоре, — волшебница превращает героя в животное. См. Н. Ф. Сумцов. «Былины о Добрыне и Маринке и родственные им сказки о жене-волшебнице» (Этнограф. обзор., кн. XIII—XIV, 1892, стр. 143); Bolte-Polivka, III, 122, стр. 7—8.

В былинной обработке тема прикрепилась к имени Добрыни как к одному из главных героев новеллистического цикла в былинном эпосе. Имя героини, возможно, навеяно народными преданиями о Марине Миншек, в которых она обычно рисуется колдуньей

(см., напр., историческую песню о Гришке Отрепьеве, Гильфердинг, № 236, где Марина Мишкек обертывается сорокой). Обзор литературы о былине см. у Астаховой, I, стр. 573.

В Прионежье «Добрыня и Маринка» — один из популярных былинных сюжетов. Перечень вариантов и их обзор, см. — Астахова, I, стр. 572—573. Дополнительно: Парилова-Соймонов, № 35; Бородина-Липец, II № 70.

От сказителей рода Рябининых до сих пор была известна лишь одна запись — от Трофима Григорьевича (Гильфердинг, № 78). По сообщению Лянского (Лянский, стр. 31), пел эту былинку и Иван Трофимович. От него ее и перенял Иван Герасимович. Его сын, Петр Иванович, этой былинкой не знает.

Рябининский вариант значительно отличается от обычного прионежского и кенозерского типов. Прежде всего совершенно исключен центральный эпизод — обертывание Добрыни в тура. Нет также описания самих чар Маринки на любовь, лишь кратко говорится: «До со этой ли с Маринкиной со улицы никуда Добрынюшка пойти-то нет пути». За этим эпизодом непосредственно следует женитьба Добрыни и его расправа с Маринкой. Отсутствует и традиционный эпизод стрельбы Добрыни в милующихся голубков, причиняющей смерть любовнику Маринки: Добрыня просто заходить в горницу к Маринке, встает у ней татарина и убивает его.

Таким образом, в варианте Трофима Рябинина выветрилась почти вся сказочная основа сюжета, и приключение Добрыни переводится в несколько иной план — уничтожения врага-татарина и расправы с Маринкой за ее связь с ним. Аналогичную композицию находим еще у нижского же сказителя В. И. Щеголенка (Гильфердинг, № 122), в варианте которого видим дальнейшую переработку сюжета в том же направлении — момент колдовства исключен совсем. Кроме того, Добрыня до прихода к Маринке «приручает» в ее слободе всех татар.

Публикуемый текст восходит к варианту Трофима Григорьевича, но короче его на 20 стихов. Та же последовательность эпизодов, та же словесная редакция с совершенно незначительными перестановкой стихов и слов в стихе и перефразировками отдельных выражений, а также с некоторым обновлением лексики (см., напр., замены: вместо «палатки» — «шатры», вместо «пути нет» — «ходу нет», вместо «гладится» — «лобзается», вместо «пролетела» — «просвиснула» и др.). Большинство стихов дословно совпадает.

Сокращения в былине касаются: 1) некоторых повторяющихся мест (см., напр., пропуск формулы прогулки Добрыни при третьем повторении — ср. у Т. Г. стихи 21—24, у И. Г. — 28—29); 2) мест «подготовительных», предваряющих само действие, см. об этом в статье, стр. 27—28, там же указаны сокращения подобного типа в былине «Добрыня и Маринка». Разрешений отдельных мест и вставок в данном тексте меньше, чем в других вариантах Ивана Герасимовича.

Наиболее существенное отличие варианта — в последовательном пропуске наименования татарина Горынищем; это имя еще связывало вариант Трофима Рябинина с теми, где любовник Маринки — не татарин, а змей.

Начало былинки записано на фонограф (Фонограммархив, № 705), см. приложение, № 5.

Запись 6 марта 1921 г.

Былина о женитьбе князя Владимира на Опраксии или «Дунай», как она обычно называется по имени главного героя, принадлежит к числу переходных от героического цикла к новеллистическому. К основному сюжету — добывание военной силой невесты для князя Владимира — присоединяется рассказ о женитьбе Дуная на старшей дочери литовского короля и гибели жены героя от его же руки.

Главная часть возникла на основе исторических преданий о женитьбе князя Владимира, вероятнее всего здесь отразилась история сватовства князя Владимира к полоцкой княжне Рогнеде.

Былина — одна из самых распространенных. Перечень вариантов, их обзор и литература о сюжете см. у Астаховой, стр. 576. Дополнительно: Парилова-Соймонов, ММ 7, 44; Азадовский, М 32; Бородина-Липец, I. ММ 44, 45.

Иван Герасимович усвоил данную былинку, как и другие, от отчима. Но записи ее от И. Т. Рябинина не имеются. От Т. Г. произведены были записи и Рыбниковым (М 9) и Гильфердингом (М 81, вариант начала в 3-м изд., т. II, стр. 661). Вариант И. Г. точно следует за редакцией Т. Г. во всей ее компоновке и дословно повторяет целый ряд мест и отдельных стихов; при этом он ближе к этому раз к записи Гильфердинга. По размерам он превышает обе ранние записи: у Гильфердинга 474 стиха; запись Рыбникова значительно короче — всего 297 стихов, сильно сокращены отдельные эпизоды: вариант И. Г. — 501 стих.

Редакция «Дуная» у Рябинных имеет своеобразные особенности, которые выделяют ее из заонежской группы. Главные из них указаны в статье, см. стр. 21—22. Отметим еще ряд других: 1) о невесте говорит не Дунай, как в большинстве заонежских вариантов, а эпизодический персонаж Пермин (у И. Г. — Спермеч), который в самой поездке не участвует. Дунай же сидит заключенный в погребе, откуда его и велит выпустить князь Владимир (мотив мезенских обработок). Из книжских обработок мы имеем такой же случай выступления третьего лица еще только в довольно разрушенном варианте Сарафанова (Гильфердинг, М 108) — в нем на Дуная указывает Илья Муромец. В этом отношении интересно отождествление Спермеча (Спермена) с Ильей Муромцем в варианте И. Г. «Добрыня в отъезде», см. приложение, М 6 (то же у сына, см. «Былины П. И. Рябинина-Андреева», М 5), у Т. Г. этого отождествления нет (Гильфердинг, М 80); 2) в ответ на отказ короля отдать Опраксию за князя Владимира прибегают к насилью не оба богатыря, а лишь один Дунай, который угрожает также взять Опраксию не за князя, а за своего товарища Василия Каамирова; 3) Дунай, настигнув поляницу Настасью, сообщает ей, что Опраксию везут к князю Владимиру с ее согласия, и тут же предлагает Настасю выйти замуж за него. Традиционного в этой части изображения боя Дуная с богатыркой нет.

Конец былинки, наоборот, чрезвычайно характерен именно для заонежского типа: развернут мотив чудесного младенца во чреве, из крови обоих супругов протекают реки. В записи Рыбникова от Т. Г. есть еще концовка о соединении этих двух струек «в место». Также в плане прионежской эпической традиции — яркое комическое изображение перепуганного богатырем короля.

Изменения, которые мы находим в варианте Ивана Герасимовича, в основном незначительны; они заключаются в некотором словесном сокращении или (что чаще) расширении отдельных эпизодов. Иногда употреблены формулы, которых в обеих записях данной былины от Т. Г. нет, но почти всегда эти формулы можно найти в других былинах Т. Г.; таким образом, они принадлежат к тому же дедовскому наследию, см., напр., стихи 6—8 «красна солнышко на вechере» и далее в былинe «Добрыня и Василий Казимиров» — Рыбников, № 8, стихи 16—17; также описание поeздки богатырей в стихах 185—190 совпадает с ee описанием в той же былинe Т. Г. «Добрыня и Василий Казимиров» в обеих ee записях, см., напр., Гильфердинг, № 80, стихи 347—350. В варианте И. Г. заметно усиление прямой речи (см. об этом в статье, стр. 29—31). Изменений в словесной редакции во второй части былины больше, чем в первой.

Из композиционных изменений в отдельных эпизодах укажем опущение предостережительного предостережения Опракии Дунаю относительно сестры: она говорит о сестре только на ночлеге, когда уже слышится погоня.

В лексике — заметное обновление.

Ввиду того, что довольно значительное число стихов не имеет обозначения, на какую часть напева они были спеты, текст данной былины даем без разделения на строфы.

Начало былины записано на фонограф (Фонограммархив, № 706).

## 7. Боярин Дюк Степанович

Запись 5 марта 1921 г.

Былина-новелла «Дюк Степанович» — одна из самых сложных и значительных по своему содержанию. В ней, как можно предполагать, отразилось соперничество богатого и независимого Галича XII—XIII вв. с Киевом, ослабленным в эту эпоху внутренними раздорами князей и уже терявшим свое бывшее значение и силу. На изображение былинного Галича-Волынца оказал воздействие византийский памфлет «Сказание об Индии богатой», известный в русских переделках XIII в.

В то же время в образе сказочно богатого «Дюкова именища» воплотились вековые мечты народа о счастливой, изобильной жизни.

Былина особенно богато разработана в прионежских вариантах, где сопоставление Галича-Волынца с Киевом, богатств Дюка с богатствами князя Владимира дано исключительно четко и ярко. Здесь, в Прионежье, сюжет получил и наибольшее распространение. См. список вариантов и их обзор, а также литературу о сюжете у Астаховой, стр. 582. Дополнительно: Парилова-Соймонов, №№ 10, 25, 37, 57, 60; Бородинa-Липец, I, № 54; Леонтьев, № 10.

Былину о Дюке пели все Рябинины, исключая современного представителя рода — И. И. Рябинина-Андреева. От Ивана Трофимовича, однако, записи не имеется. От Трофима Рябинина былина известна в двух вариантах — более кратком (452 стиха), записанном Рыбниковым (№ 16), и более полном (567 стихов), в записи Гильфердинга (№ 85).

Иван Герасимович дает также очень полный и художественно расцвеченный текст. По своим размерам он равен записи Гиль-

Фердинга. По сообщению собирателя, сказитель уже редко цел эту былину и потому текст немного путал при исполнении. Этим, очевидно, объясняются несколько большие отступления, чем обычно, от редакции Т. Г. в конце былины, где мы замечаем ряд пропусков некоторых деталей и даже кое-какие изменения в самой композиции отдельных эпизодов. Так, у Т. Г. вблуждение киевских богатырей, принимающих за матушку Дюка судомойниц, стельниц и т. п., раскрывается Дюком, в тексте И. Г. — самими прислужницами. Сокращено и число случаев ошибочного восприятия (с 3-х на 2). И. Г. пропускает также картину Индии—Галича с его горящими золотом кровлями. Этот блеск кровель приехавшие богатыри принимают за пожар. И. Г., пропустив данное изображение, непосредственно переходит к словам Ильи Муромца, указывающим на бедствие, постигшее Дюка (пожар), и на то, что Дюк «прозакладал свою буйную головушку». Сокращен и самый конец — угощение богатырей у Дюка. Отсутствует интересная сказочная деталь, свойственная обоим вариантам Т. Г. — о подкожных крыльях коней (см. Рыбников, № 16, стихи 332—333; Гильфердинг, № 85, стихи 385—396).

Однако текст не теряет от этого стройности, последовательности, четкости. Как и другие былины И. Г., он всецело воспроизводит редакцию отца, варьируя лишь отдельные указанные выше детали. Все характерные особенности этой редакции, делающие ее одним из лучших вариантов данной былины, бережно сохранены И. Г. — и мотив сказочных застав, и резкое противопоставление Дюку приближенного к князю Чурилы, и тщательная разработка состязаний, исход которых роняет престиж князя, и характерное изображение в лице Алеши Поповича «поповских родов» с их корыстолюбием.

Особенно богато разработано у И. Г. самое начало — выезд Дюка: его снаряжение, прощальное напутствие матери с описанием встав, отъезд. Вся эта часть оформлена значительно пышнее, чем у Т. Г. в его обоих вариантах. Только описание самого проезда богатыря через заставы И. Г. сильно сокращает: он отмечает лишь самый факт благополучного проезда (стихи 88—89), тогда как Т. Г. повествует о проезде через каждую заставу отдельно.

Как и в других былинах, видим некоторые изменения в лексике (появление слов «взлепетал», «кивер», «львы-звери», «ременчат стул» вместо «червленый» и др.).

Начало былины записано на фонограф. См. напев IV.

## 8. Королевичи из Крякова

Запись в марте 1921 г.

Былина относится к татарскому циклу и воплощает характерную для него идею защиты Родины. По своей сюжетной ситуации примыкает к той группе былин этого цикла, которые разрабатывают тему случайных встреч с близкими родственниками, еще в детстве увезенными татарами и выросшими у них в плену.

Былина известна в немногочисленных вариантах исключительно из Прионежья и примыкающего к нему Келозера, Рыбников, № 21; Гильфердинг, №№ 87, 136, 147, 182, 200, 302; Истомина,

Дютш, стр. 29 (перепеч. Миллер, № 70); Шайжин, стр. 163 (перепеч. Миллер, № 71); «Былины П. И. Рябинина-Андреева», № 7.

Из всех былин репертуара рода Рябинных былина «Королевица иа Крякова» — единственная, записанная от всех четырех представителей рода по прямой линии. Это придает особый интерес публикуемому тексту. От Т. Г. Рябинина имеются две записи (Рыбников, № 21 и Гильфердинг, № 87). Запись от И. Т. см. у Истомина-Дютша (стр. 29); от П. И. — указано выше. В публикуемом тексте недостает второй половины, однако и сохранившаяся часть позволяет сделать некоторые существенные выводы.

Все рябининские варианты, включая и текст Ивана Герасимовича, представляют единую, исключительно устойчивую композицию, отличающую их от всех остальных вариантов на данный сюжет. Рябининская редакция — самая полная и художественная разработка сюжета, с своеобразными, только ей присущими мотивами и с особым выделением героических моментов. См. об этом в статье, стр. 14.

Сопоставление всех рябининских вариантов показывает, что при всей чрезвычайной близости текста Ивана Герасимовича к вариантам отца и деда, мы у него находим уже некоторые отклонения, которые и отмечают тексты обоих младших Рябинных; вариант Ивана Трофимовича почти дословно повторяет текст Трофима Григорьевича, между обеими записями от последнего, не считая незначительных словесных перефразировок, различий нет.

Наиболее существенное отклонение текста Ивана Герасимовича в том, как он вводит своих слушателей в эпизод встречи с мнимым татаринном. У Т. Г. и И. Т. о нем говорит ворон, и это художественно оправдано мотивом изыскания богатырской силы, проходящим через обе встречи героя с лебедушками и с черным вороном: каждый раз ему говорят, что он, совершив убийство, «не укрывает плеча молодецкого», и указывают на более значительный в этом отношении объект (прием повторения с нарастанием). И. Г. вводит неожиданную встречу героя с татаринном, тем самым несколько нарушает логическую последовательность изложения. В таком виде этот эпизод повторяется в тексте его сына. Однако основной смысл эпизода не нарушается. Данное изменение вызывает лишь соответствующую переработку мотива дорог. У Т. Г. и И. Т. герой отказывается от прямоезжей дороги в Киев, чтобы обязательно встретиться с «поединщиком». У И. Г. и П. И. герой слышит голос татарина как раз на прямой дороге в Киев и поэтому должен продолжать ехать по ней, если не хочет посрамить своего богатырского авания. Таким образом И. Г. другим путем, но достигает той же художественной цели: замысел данного эпизода — в обрисовке героя, для которого богатырская задача — уничтожение врага — выше жизни.

Ивану Герасимовичу принадлежит усиление повторности в начале былины: и у него и у Петра Ивановича герой только на третий день своей поездки встречается с лебедушками, у Т. Г., в обоих вариантах, и у И. Т. — на второй день.

В тексте И. Г. выпущен «подготовительный момент» — слова героя о том, что он намерен совершить в отношении ворона (см. тексты отца и деда). У П. И. это место тоже отсутствует.

Из других особенностей, отличающих тексты Рябинных-Андреевых, отметим наличие имени «пана поганого» — Федор Иванов



Это имя мы встречаем в былинах Трофима Рябинина об Иване Гоудиновиче и о Михайле Потыке; так зовут царского сына, жениха Настасьи Митриевны и похитителя Марьи Лебедь белой. Перенесение этого имени в данную былинку связано с наименованием лебедушек Настасьями Митриевнами. Кому принадлежит перенесение, мы не знаем, возможно, что именно И. Г., так как в трех предшествующих записях имени нет.

Наблюдаем также небольшие изменения в лексике, напр., замену слова «проязычили» словом «взлепетали» и некоторые др. Остальные отклонения касаются перефразировок и перестановок стихов. По размерам своим сохранившаяся часть почти совпадает с соответствующей частью былины Ивана Трофимовича.

Печатается не по рукописи собирателя, которая не сохранилась, а по неполной копии с нее.

Обозначений частей напевов при стихах в данной копии нет поэтому печатаем текст не в строфической форме.

Начало былины записано на фонограф. См. напев III.

## 9. Василий Окулевич

Запись 4 марта 1921 г.

Былина представляет переработку сказаний о царе Соломоне и его неверной жене. Сохранилась в немногочисленных вариантах. См. Астахова, стр. 632. Дополнительно: Парилова-Соймонов, № 61; Бородина-Липец, II, № 81; Леонтьев, № 9.

Ни Рыбников, ни Гильфердинг этой былины от Т. Г. Рябинина не записали. Не записана она и от И. Т. и даже не значится в списке былин, которые Ляцкий слышал от этого сказителя. В сборнике Тихонравова и Миллера «Былины старой и новой записи» есть вариант «Василия Окулевича», записанный М. Н. Харузиным в 1881 г. от некоего Степана Григорьевича Рябинина из дер. Серёдка Кижской волости. Неизвестно, был ли у Т. Г. брат, или эта запись произведена была от самого Т. Г. (со случайной опечаткой в имени). Сопоставление с текстом Ивана Герасимовича, к сожалению, не дает материала для решения. Текст И. Г. представляет, правда, ту же композицию, есть близкие, почти дословно совпадающие стихи, но такого прямого и ясного восхождения именно к данному тексту здесь нет. Напротив, мы находим очень серьезные расхождения. Так, у С. Г. Рябинина иначе передан эпизод прихода царицы Соломонии на Ивашкин корабль. У него Ивашка дарит царице предназначенные ей и царю Соломану подарки и затем зовет ее на корабль. Повторяется этот эпизод 3 раза. У И. Г., тоже в тоекратном повторении, Ивашка лишь описывает дары, после чего Соломания сама решает отправиться на корабль. У С. Г. Рябинина Соломан приходит в виде калики (как в двух других кижских вариантах от Юховой — Рыбников, № 94 и Истомин-Дютш, № 10, перепечатано у Миллера, № 97), у И. Г. просто приходит в своем обычном виде. Также во всех трех ранних вариантах Соломания прячет Соломана в ларец, предварительно напоив. У И. Г. он сам, видя идущего в палаты Василия Окулевича, просит царицу спрятать его. Нет у И. Г. предварительного наказа Соломана крылатой силе; отсутствует диалог его с царицей в конце былины; нет «питей забудущих» — Соломания пьянеет от замор-

ского вина. С другой стороны, есть некоторые детали, которые отсутствуют в варианте С. Г. Рябинина (напр., стихи 292—294 — аллегория о колесах); целый ряд эпизодов отличается очень значительно по словесному оформлению.

Но такие значительные на этот раз расхождения могли быть обусловлены и тем, что, как сообщает собиратель, И. Г. твердо текста не помнил, вторую часть (с 251 стиха) говорил «больше по догадке» и даже отказался, начиная с этого стиха, проверять записанный текст «голосом», т. е. по пению. В конце записи собиратель делает примечание: «Есть пропуски, по словам Рябинина».

Данное обстоятельство интересно еще и потому, что, несмотря на нетвердое знание текста, И. Г. все же нигде не вносит путаницы, и действие до самого конца развивается последовательно, с мотивировкой всех эпизодов. Вообще, несмотря на отсутствие таких характерных прионежских мотивов, как «забудущие питья», «крылатые кони-люди» (явное позабывание) и некоторое сокращение конца, текст И. Г. всецело примыкает к прионежскому типу и может считаться одним из лучших вариантов этой былины.

Из лексических явлений отметим необычную для былин «гавань корабельную» (вместо пристани корабельной) и этимологическое осмысление слова «камоцика хрущатая» (см. текст С. Г. Рябинина, стихи 66 и 78, и текст Юховой, Истомин-Дютш, № 10, стих 53) как «камодичек хрущатый» (см. стихи 113, 170, 189, 207, 220—221), который «построен» Ивашкой и который Ивашка «отмыкает», чтобы достать на него вина заморские.

Начало былины записано на фонограф. См. напев VI.

## П Р И Л О Ж Е Н И Е

1. В о л ь г а и М и к у л а. Печатаемый текст представляет расшифровку фонографической записи 1921 г. двух фрагментов былин о Вольге и Микуле (Фонограммархив, №№ 703—704).

Былина о Вольге и Микуле (см. о ней в статье, стр. 18) — одна из самых любимых в роду Рябининых. Записана от всех четырех сказителей. От Трофима Григорьевича имеются 3 варианта (Рыбников, № 9, Гильфердинг, № 73 и приложение, т. II, стр. 657); от Ивана Трофимовича — один (Ляцкий, стр. 32); от Петра Ивановича производились записи этой былины неоднократно («Былины П. И. Рябинина-Андреева», № 1, последняя редакция; в «Былинах Севера», т. II, А. М. Астаховой, публикуются 2 ранние записи — 1931 и 1934 гг. — подготовлено к печати).

Полная запись былины от Ивана Герасимовича не сохранилась. Но благодаря записи на фонограф нескольких отрывков, удалось восстановить довольно значительный кусок начальной части и небольшой фрагмент конца.

Былина дает пример исключительно устойчивой традиции. От старшего Рябинина до настоящего времени, пройдя через четыре поколения, она не претерпела никаких существенных изменений. Не имеющие значения перестановки отдельных стихов, случайные пропуски стихов или развертывание одного стиха в два, легкая перефразировка — вот основной характер изменений, вносимых в редакцию былины сказителями. Наиболее заметные отклонения от

старшей редакции — у П. И. Рябини́на-Андреева по второй части былины, в сцене выдергивания сошки Микулы.

К сожалению, мы не имеем текста этой второй части от Ивана Герасимовича. Поэтому не можем точно установить, кому именно, ему или его сыну, принадлежат вписанные изменения.

Начальная же часть всецело повторяет текст Ивана Трофимовича. Второй фрагмент несколько полнее соответствующей части былины у отца (вариант И. Т., стихи 172—180), в которой, очевидно, случайно выпали 2 стиха (см. в публикуемом тексте 58—59).

Былина о Вольге и Микуле исполняется всеми Рябини́ными на особый напев, зафиксированный тоже от всех четырех сказителей. См. Гильфердинг, изд. 3, т. II, стр. 64—65; Ляцкий, образны напевов; настоящая сборник, напев I (другая фонозапись).

2. *Илья Муромец и Соловей-разбойник*. Расшифровка фонографической записи 1921 г. (Фонограммархив, № 703).

Фрагмент восходит к начальной части той же былины, записанной Н. А. Янчуком от Ивана Трофимовича Рябини́на (Ляцкий, стр. 42). Запись Н. А. Янчука проверена по фонограмме Ю. И. Блока.

Былина об Илье Муромце и Соловье-разбойнике имеется также в двух полных вариантах от Трофима Рябини́на (Рыбников, № 4, Гильфердинг, № 74) и в записи от Петра Ивановича («Былины П. И. Рябини́на-Андреева», № 2).

В последнем варианте начальная часть наиболее развернута, так как П. И. вводит в нее еще прощание с родителями и описание сборов Ильи Муромца. Публикуемый текст почти совпадает с текстом Ивана Трофимовича. Картина выезда богатыря в обоих текстах, по сравнению с вариантами Т. Г., более детализирована. Стих 12-й варианта Ивана Герасимовича («Как тот путь его и дорожка призамешкала») в отцовском тексте отсутствует.

Былина исполнялась И. Г. на основной его напев, см. напевы II, III, IV, V; также Ляцкий, образцы напевов, 3.

3. *Илья Муромец на заставе*. Расшифровка фонографической записи 1921 г. (Фонограммархив, № 705).

Начало былины «Илья Муромец и дочь его». Изображение богатырской заставы в публикуемом фрагменте полнее, чем в обоих вариантах Т. Г. Рябини́на (Рыбников, № 5, Гильфердинг, № 77); в них нет деталей, данных в стихах 3—4 у Ивана Герасимовича, которые еще ярче выделяют оборонное значение заставы. В остальной части наблюдается перестановка стихов и незначительная перефразировка. Фрагмент представляет самое начало былины. От Ивана Трофимовича данная былина записана не была.

Отрывок был исполнен на основной рябини́нский напев, см. напевы II, III, IV, V.

4. *Первый бой Добрыни со Змеем*. Расшифровка фонографической записи 1921 г. (Фонограммархив, № 705).

Отрывок несколько варьирует начало былины о Добрыне и Змее, известное нам по записи от Ивана Трофимовича (Ляцкий, стр. 36). Но, как и отчим, Иван Герасимович полнее развертывает начальную экспозицию по сравнению с Трофимом Григорьевичем.

Напев — основной (II, III, IV, V).

5. *Добрыня и Маринка*. Расшифровка фонографической записи 1921 г. (фонограммархив, № 705).

Сопоставление данного отрывка с публикуемой выше записью В. Н. Всеволодского-Гернгросса показывает свободное варьирова-

ние Иваном Герасимовичем в пределах известного запаса подходящих к данному случаю мотивов и формул. Ср. этот отрывок с фрагментами 4 и 7.

Исполнена былина на основной рябининский напев (см. напевы II, III, IV, V).

6. Добрыня в отъезде. Расшифровка фонографической записи 1921 г. (Фонограммархив, № 704).

Печатаемый текст представляет начало былины о Добрыне и Василии Казимировиче, контаминирующей с сюжетом о посольстве к королю Ботияну сюжет о неудачной женитьбе Алеши Поповича.

Былина была дважды записана от Трофима Григорьевича (Рыбников, № 8, Гильфердинг, № 80). Иван Герасимович довольно значительно варьирует детали. Сопоставление данного текста с началом его же былины о женитьбе князя Владимира (см. стр. 75) говорит о выработке сказителем, на основе традиционных мотивов, своих «общих мест» для картины пира, которые он и использует в соответствующих былинах.

Своеобразной чертой варианта является отождествление эпического персонажа Спармёна с Ильёй Муромцем, см. об этом в примечании к былина «Женитьба князя Владимира», стр. 132.

Былина исполнялась И. Г. на основной напев. На фонограф в исполнении И. Г. она записана дважды, вторая запись напева расшифрована, см. напев II.

7. Королевици из Кряжова. Расшифровка фонографической записи 1921 г. (Фонограммархив, № 703).

Сопоставление печатаемого отрывка с началом записи В. Н. Всеволоденко-Гернгросса (см. стр. 101) а также с текстом музыкальной расшифровки (напев III, вторичная запись от И. Г., Фонограммархив, № 709) показывает исключительную устойчивость текста данной былины. Вариации заключаются только в перестановке стихов.

8. Худая жена, жена умная. Расшифровка фонографической записи 1921 г. (Фонограммархив, № 705).

Былина-новелла о худой жене, интересная своим реалистическим содержанием (см. статью, стр. 16), записана была от деда, отца и сына Ивана Герасимовича (Гильфердинг, № 89; Ляцкий, стр. 45; «Былины П. И. Рябинина-Андреева», № 10).

Публикуемый фрагмент представляет самое начало былины и повторяет с незначительными вариациями текст Ивана Трофимовича. Стихи 10—11, отсутствующие у И. Т. и представляющие интересный психологический мотив, нахожусь в варианте деда (стихи 16—17), следовательно, они тоже принадлежат семейной традиции и Иваном Трофимовичем пропущены при исполнении случайно. Деталь эта усвоена была и сыном И. Г.

Исполнилась былина на основной рябининский напев. См. напев V (вторичная запись на фонограф данного фрагмента).

- Азатовский** — Былины и исторические песни из южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. Редакция, вступительная статья и комментарии М. К. Азатовского. Новосибирск, 1939.
- Астахова** — Былины Севера. Записи, вступительная статья и комментарии А. М. Астаховой, т. I. М.—Л., 1938.  
*Bolte-Polivka* — J. Bolte und G. Polivka. Anmerkungen zu der Kinder und Hausmärchen der Brüder Grimm. I—III, Leipzig, 1913—1918.
- Бородина-Липец** — Былины М. С. Крюковой. Записали и комментировали Э. Бородина и Р. Липец. Вводная статья Р. Липец. Редакция и предисловие акад. Ю. Соколова, тт. I—II. М., 1939—1941.
- Былины П. И. Рябицина-Андреева** — Былины П. И. Рябицина-Андреева. Подготовка текстов к печати, статья и примечания В. Базанова. Под ред. А. М. Астаховой, Петрозаводск, 1940.
- Гильфердинг** — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом. СПб., 1873; изд. 2, тт. I—III., СПб., 1894—1900; изд. 3, тт. II—III. Л. 1938 (т. I — печатается).
- Истомин-Дютш** — Песни русского народа. Собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 г. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш, СПб., 1894.
- Киреевский** — Песни собранные П. В. Киреевским, вып. 1—10. М., 1860—1874.
- Леонтьев** — Н. П. Леонтьев. Печорский фольклор. Предисловие, редакция и примечания В. М. Сидельникова. Архангельск, 1939.
- Ляцкий** — Евг. Ляцкий. Сказитель Иван Трофимович Рябинин и его былины. М., 1895 (извлечение из журн. «Этнографическое обозрение», вып. 4, кн. XXIII, 1894).
- Марков** — А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901.

- М и л л е р**—Былины новой и недавней записи из разных местностей России, под ред. В. Ф. Миллера. М., 1908.
- П а р и л о в а-С о й м о н о в**—Былины Пудожского края. Подготовка текстов, вступительная статья и примечания Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Редакция и предисловие А. М. Астаховой. Петрозаводск, 1940.
- П е с н и д о н с к о г о к а з а ч е с т в а**—Песни донского казачества. Сталинград, 1937.
- Р ы б н и к о в**—Песни собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2. М. 1909—1910.
- Ф о н о г р а м м а р х и в**—Фонограммархив сектора фольклора народов СССР Института литературы Ак. наук СССР.
- Ш а й ж и н**—Н. Шайжин. Олонецкий фольклор. Петрозаводск, 1906.

**Б а в ы к а** (ах ты старая баыка поводревнал)—баыга, старый хрыч.

**Б е л о й р о в а я** пшеница—светлая, отборная. Былинный эпитет, указывающий на высокое качество.

**Б о д р а́** (он схватил молодца да й на носу бодру)—бедро; на носу бедру—с размаху.

**В а л е п е т а́ т ь**—заговорить.

**В о р** (выходил Ивашка вор поваренной)—в смысле мошенник, плут.

**В о с п ы л а́ т ь** (на тот на славный стольный Киев-град воспылал собака ли царь Кáлина)—распалиться страстью.

**В т о п и́ т ь** очи (ясны очюшки втопил да й во кирпичный пол)—уставить.

**В ы з д ы н у́ т ь** (а тебя Илью Муромца не выздыну)—поднять.

**Г а р м у з ы́ н н ы й, г а р м о в ы́ н н ы й** (сукна гармузинные)—кармазинный, ярко-алого цвета, от кармазии—тонкое, ярко-алое сукно.

**Г о р а́ в** (а гораз ведь я стрелять)—искусен.

**Г р е́ б о в а́ т ь** (если мной ты да не гребуешь)—гнушаться.

**Г р ы́ д о ч к а** (положи-тка грядочки орлёны, а повесь-ка клетки волочены)—перекладина для вешания одежды и др. вещей.

**Д о с ю л е ж н ы й**—досюльный, прежний, давний

**Д у р о́ д н ы й** (дуродный молодец)—дородный, статный, видный.

**Е с т в у ш к а, ё с т в у ш к и**—яства.

Желуха (бились молодцы не желухою)—жалуха, жалость; не желухою—без жалости.

Заберега (на той на тихой забереги)—часть воды на реке, озере, море, которая закрыта узкой полосой берега от остального водного пространства.

Затрясье (на том зелёном на ватрясьи а там плавали ведь две лебедушки), вместо ватресье—часть воды, покрытая тростю, тростником.

Затуляться (на честном пиру приумолкнули да й затулялись)—попрятаться.

Застава (заस्ताва богатырская; есть три заставы там три великия)—сторожевой пост; преграды на пути.

Застолье—место за столом.

Застойтсья (рука в плече да й застоялася)—зодержать, остановить.

Злодогадливый (ста й паляница разудалая а весьма была злодогадлива)—находчивый, изобретательный на худое, на зло.

Зобать (кони зоблют пшеницу)—есть что-нибудь мелкое, рассыпающееся.

Кивер—военный головной убор из твердой кожи с прямой тульей и плоским верхом.

Косясчатый (коснсчато окошечко)—с косяками.

Крякбистый, крякбистый, (дуб кряковистый)—крижистый.

Медвяный (питьица медвяные)—медовый или сладкий, вкусный, подобный меду.

Муравленый (печка муравленая)—покрытый глазурью.

Муржамецкий (копье муржамецкое) вместо муржамецкий—от слова «мурза»—татарский, восточный.

Наперелуч (он поехал наперелуч)—наперерез.

Невредимый (цапенька невредимая)—неопасный, безвредный.

Неумельные речи—неумильные, невежливые, неприятные.

Оббаять (добрые люди не оббаяли)—оговорить, осмелить.

Ободрокушка (жил... в ободрокушки да й одинакий сын)—нега, от драть—нежить.

Обуметься (а пускай-ка Дунай там обумеется)—надумать, образумиться.

Обгальиться (да ведь пьяница-дурак да не обгалился)—насмеяться над кем-либо.

Обольные скамеечки, — окольные, идущие вокруг столов.

Опашная одежда—в смысле дорожная или военная. Вообще же—плохая, одеваемая попавшими в опалу, в немилость.

Ордá (коей земли, коей орды?)—страна, народ.

Орляный (грядочки орляные)—граненный.



Отк у л ё ш н ы й (ты откулешный дородный добрый молодец?)  
—прилагательное от откуль, откуда.

Ох у ч а т ь с я (он по застолью да й охучается) — прятаться.

П а б е д ь е (да й проездил молодец с утра й до пабедья)—вре-  
мя около пабеда, еды до обеда.

П а л и ц а—боевая дубина с утолщением на конце.

П а л я н и ц а, п о л я н и ц а—богатырь, богатырка.

П а р о б о к, п а р у б о к—слуга.

П л ё в н и ц а, вместо племянница—племянница.

П о в е т ё р ь и ц е (а завеело тут легкое поветёрыце)—попут-  
ный ветер.

П о в ы з д ы н у т ь—см. выздынуть.

П о д к о л ё н н ы й (князя подколennые) — подвластный,  
младший, от колена—семья, род.

П о л о н—плен.

П о л о н ы (а пошли все полоны российские)—находящиеся в  
плenu.

П о л о т н о (он раздёрнул тут полотно белое)—шатер.

П о м о ч ь—помощь.

П о м у щ а т ь с я (во очах у ней свет да помущается)—му-  
титься.

П о м ы л у ш к о, вместо помелышко—помело, пук мочал или  
хвойнику для обметания печи перед посадкой хлеба.

П о р у ч е н к и, п о р у ч е н ь к и—поручни, перила.

П о ч ё с т н ы й п и р—почетный.

П р е д в и д е т ь (ничего ведь мы от князя не предвидели)—  
видеть, получать.

П р и о б г а л и т ь с я—см. обгалиться.

П р о г р ы з н у т ь (я прогрызну в первы ямы-подкопы глу-  
боки)—обрушиться, провалиться.

П р о з а к л а д а т ь (прозакладал буйную головушку)—про-  
играть, побившись об заклад.

П я т а́ д в е р и (на пята ты дверь да й поразмахивай)—ниж-  
ний шип.

Р а з д ё р н у т ь шатер—расставить.

Р а з м а х н у т ь о ч и—быстро и широко открыть.

Р а з р ы в ч а т ы й л у к—сильно упругий, тугой.

Р а с п л а с т а т ь г р у д ь—вспороть.

Р е м ё н ч а т с т у л—складной на ремнях.

Р о ч ё н ы й (третья строчка рочёна скатным жемчугом)—стро-  
ченный.

С д ы н у т ь (а сдынул он палляницу выше головы)—поднять.

С е м ё ю ш к а (выходил... от своей любимой семеюшки)—на-  
именование кого-либо из супругов в отношении другого.

С к а т н ы й жемчуг—крупный, круглый, ровный, точно ска-  
танный.

С н а р я д н ы й (снарядная одежица)—нарядный.

С о р о ч и н с к и е г о р ы—сарацинские.

С т а в и т ь с я (он не старится, да й лучше ставится)—ста-  
новиться.

С т о п а́—чарка, кружка, большею частью без ручки.

Столбничать—быть в должности столбника. т. е. осмотреть за ~~книжеским~~ столом.

Стойлая конюшня—со стойлами, былинный эпитет конюшни.

Стойлый мед—старый, выдержанный.

Страна́ (он ударил Ивашка и по другой страны)—вместе сторона.

Ступ конный—след от копыта коня.

Супротивница (а вы не знаете ли братцы, супротивницы?)—в смысле сужруги (супротивник—противник, равный по силе или другому свойству).

Сыть (ах ты волчья сыть)—корм, еда.

Тулечка (а от меньшей тулечки ответа нет)—тот, кто тулится, прячется.

Ужасаться (ужахается сердечко молодецкое)—ужасаться.

Укрятать (не укрятаешь плеча могучего)—укротить.

Учествовать (не учествовал ты молодец приедучи)—учествовать, почтить.

Хрустятый—кружчатый, с узорами в виде переплетающихся кругов.

Художество (ты не хвастай-ко ты своим художеством) в смысле имущество, ср. худоба, худобина.

Цапенька (выхвати цапеньку не малую), вместо цапника —цапапина, ссадина, от цапать.

Чашничать—исполнять должность чашиника, придворного виночерпия.

Червленый—красный, эпитет корабля.

Черкальский (седлышко черкальское) — черкасский, черкесский.

Чернет-народ—вместо чернядь, чернь, простолюдины.

Шалыга (шалыга подорожная)—род кистеня, реченная плетъ с тяжелым привеском на конце.

Шелом—шлем.

Щёгочка (у коля)—место над копытом.

---

# УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ (в текстах)

---

Алеша, Олеша, Олеша Попович, Олошенька Григорьевич, Олешенька 65, 98.

Березово, село, 101, 118.

Ботьян Ботиянов, король литовский, 118.

Василий Кавимиров, Васильюшка 78—83.

Василий Окулевич, Василий прекрасный царь 106—109, 111—114.

Васильюшка заморский, Василий паробок заморский 78—79, 82, 83

Владимир, князь стольне-киевский, 40—45, 48, 49, 51, 53—57  
64—66, 70, 71, 75—81, 83, 84, 87—92, 95—96, 98—100, 102—104,  
115, 118; Владимира дочь 40, 44.

Волын-город 87, 90.

Вольга Святославгович, Вольга 115, 116.

Галичия 87, 90.

Гурцовец, город, 115.

Добрынюшка Микитинец, Мекитинец, Микитич, Добрыня.

Добрынюшка 57, 64—74, 89, 117, 118; Добрыни матушка 67,  
68, 72, 117.

Дунай, Дунаюшка, тихий Дунаюшка Иванович, Иванов. 77—86,  
100.

Дунай-река 86.

Дюк Степанович, молодой боярин, 87—100; Дюка родная матушка, Дюковая матушка 87, 88, 92, 93, 98.

Забава Путятична, Забавушка Путятишна, Забава 64—67, 70, 71.

Змей Горыныч, Змеиница Горыныща, Змеинище Горыныще 65,  
68—70.

Иванка пор поваренной 107—111, 114.

Илья Муромец, старый козак, Илья, Илья Муромец сын Иванович 40, 43—63, 97, 98, 116—118; Ильи Муромца дочь 59, 62.

Издеюшка 87, 90—93, 98.

Калин-парь, Калина 41—43, 45, 50, 51, 54.  
Карочирово, село, 116.

Киев, Киев-град, стольгей Киев-град 40—45, 48, 51, 53—55,  
64, 70—73, 75, 82—84, 87—92, 94, 96, 97, 99, 100, 102—104,  
116—118.

Крестьяновец, город, 115.

Кряков, город, 101, 118.

Литва хоробрая 62, 66, 76—79, 117.

Маринка, Марына, Марынка 72—74, 117.

Маринкина улица 73.

Микула 115.

Михайло Пóтык сын Иванович 66.

Муромль, город, 116.

Настасьи Митриевишны, две красных девушки, 102.

Настасьина река 86.

Настасья Васильевна, мать Дюка, 93, 99.

Настасья королевична, Настасья ко́ролевишна, Настасья по-  
ляница 76, 82—86.

Опраксия королевична, Опраксия, Опраксья 43, 45, 57, 76,  
79—84.

Орда, темна Орда 54.

Ореховец, город, 115.

Петрой Петрович, Петрый Петрович, королевский сын, 101,  
104, 119.

Пучай-река 65, 70, 96—97.

Рогатица, уличка, 101, 118.

Русь-матушка, святая Русь 62, 81, 83, 87—89, 93, 94 102—104

Самсон Самойлович, Сампсон Самойлович 47—49, 52—53.

Святослав 115.

Соловей-разбойник 116.

Соломан-царь 107—114.

Соломания, царица 107—114.

Спермеч сын Иванович, Спермён сын Иванович 76, 77, 95, 118.

Сорочинские горы, Сарачинские 64—68, 70.

Федор Иванов, пан поганный, 102.

Чернигов-град 102, 117.

Чурилушка Пленкович, Шурилушка Плёнкович, Шурилушка,  
Щурила, Щурыла 90, 92, 94—98.

Шведская земля 66.

---

## О Г Л А В Л Е Н И Е

От редактора . . . . .	5
А. М. Астахова. И. Г. Рябинин-Андреев и прионежская эпическая традиция. . . . .	10
В. Н. Всеволодский-Гернгросс. За- пись былин от И. Г. Рябина в 1921 году . .	36

### Б ы л и н ы

1. Илья Муромец в ссоре с князем Владимиром [Илья и Калин-царь] . . . . .	40	126
2. Ссора князя Владимира . . . . .	55	127
3. [Илья Муромец и дочь его]. . . . .	59	128
4. Второй бой Добрыни Микитинца со Змеем Горы- нищем . . . . .	64	129
5. Добрыня и Марына . . . . .	72	130
6. Женидьба князя Владимира . . . . .	75	132
7. Боярин Дюк Степанович . . . . .	87	133
8. Королевичи из Крякова . . . . .	101	134
9. Василий Окулевич . . . . .	106	136

### П р и л о ж е н и е

1. Вольга и Микула . . . . .	115	137
2. Илья Муромец и Соловей-разбойник . . . . .	116	138
3. Илья Муромец на заставе . . . . .	117	138
4. Первый бой Добрыни со Змеем . . . . .	117	138
5. Добрыня и Маринка . . . . .	117	138
6. Добрыня в отъезде . . . . .	118	139
7. Королевичи из Крякова . . . . .	118	139
8. Худая жена, жена умная . . . . .	119	139

Былинные напевы И. Г. Рябина-Андреева . . .	120
Примечания . . . . .	125
Указатель сокращений . . . . .	140
Словарь местных и старинных слов . . . . .	142
Указатель имен и географических названий . . .	146

# О п е ч а т к и

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
95	23 снизу	Затурена	Заутрена
111	11 сверху	Пристнань	Пристань
125	14 снизу	Периодически	Спорадически
127	17 снизу	М.М. 2,33 отличается	М.М. 2,33; М. 2 отличается
143	15 сверху	Зедержаться	Задержаться